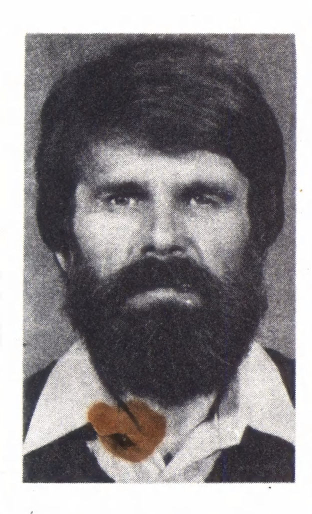

ВЛАДИМИР ЗАРУБИН

РЕАКЦИЯ СОВЕСТИ

Владимир Филиппович ЗАРУБИН родился в Щигровском районе Курской области. Учился в техническом училище Керчи, работает судосборщиком на судостроительном заводе в Феодосии. Служил в Советской Армии.

Печатался в «Учительской газете», журналах «Молодая гвардия» и «Юность», а также в городской и областной газетах Крымской области, в коллективном сборнике (издательство «Таврия»).

Живет в городе Феодосии.

Владимир Зарубин принадлежит к поколению, выросшему в эпоху застоя и теперь вместе с перестройкой начавшему обретать зрелость. Его выступления в печати обратили на себя внимание читателей, которым не верилось, что простой рабочий может иметь такой широкий круг интересов. В своей книге «Реакция совести» Владимир Зарубин доказывает, что «по главным вопросам перестройки нам всем еще придется обратиться к беззлобным и беззавистливым чувствам русского народа, к тихо бедствующим колхозникам и рабочим, которых «демократическое меньшинство» предлагает ликвидировать как «класс, бесполезно глотающий все то, что им дается», по выражению академика Сахарова. Им пока ничего не дается! С них брали и берем, продолжаем брать...». В своей книге В. Зарубин опровергает этот тезис академика Сахарова и рассказывает, что за перо как раз его побудили взяться либеральный террор и односторонность нашей печати, в которой зачастую не хватает места для изложения позиции рабочего человека.

Книга «Реакция совести» посвящена острым проблемам жизни нашего общества, наполнена гражданским пафосом перестройки, гласности. Серьезность и заинтересованность автора проявляются и в понимании работы последнего съезда партии, и в некоторых оценках современного литературного процесса, и в четкой позиции по отношению к космополитам и патриотам, и в попытках разобраться в современной экономике, и в желании осмыслить в соответствии с историей страны собственную судьбу.

Тяжелую трудовую жизнь прожил автор книги «Реакция совести», он изнутри понимает необходимость перестройки, поэтому думается, что его книга будет интересна людям различных возрастных и социальных категорий.

Екатерина МАРКОВА,
лауреат премии Ленинского комсомола

Владимир
Зарубин

Реакция совести

Заметки публициста

Москва
«Молодая гвардия»
1990

Художник Валерий **ПАСТУХ**

Зарубин В.

З—35 Реакция совести: Заметки публициста / Владимир Зарубин; Худож. В. Пастух.— М.: Мол. гвардия, 1990.— с., ил.; — (Б-ка журн. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»; № 7 (422)).

ISBN 5-235-01172-4
ISSN 0131—2251

Перестройка вызывает к активной общественной жизни все большее число людей, представителей самых разных социальных слоев,— рабочих, специалистов, тружеников деревни, творческую интеллигенцию. Становится очевидным богатство гражданского потенциала нашей страны, еще не использованного по-хозяйски. Публицистические размышления рабочего Владимира Зарубина — заметное явление этого ряда.

ББК 84Р7

Выпуск произведений в Библиотеке журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» приравнивается к журнальной публикации

ISBN 5-235-01172-4
ISSN 0131—2251

МОЯ ПЕРЕСТРОЙКА

Как относиться к сегодняшнему процессу в стране? Отвечаю однозначно: это моя страна, это мое время, а значит, это моя перестройка. Многие, в их числе и я, уже не надеялись, что это время наступит. Может, дети...— думалось мне иногда. Их у меня двое, два сына. Закончили среднеобразовательную школу и пошли далее — за получением общедоступного высшего, от чего я в свое время отказался, сойдя с полпути заочного марафона к диплому инженера, остался рабочим. Причин было много, укажу лишь немногие. Первая — мне показалась бессмысленной эта гонка за удостоверением о знаниях, заочное обучение почти не давало истинных знаний, получить можно было диплом. Но я уже видел, что многие молодые специалисты, поступая на производство, больше думали не о широком и глубоком применении полученных в институтах знаний, а о поисках ЛЮБОЙ работы с большей оплатой и с меньшей занятостью. Но высоко-

оплачиваемых должностей мало, а молодых специалистов становилось все больше и больше.

Возрастало количество бесперспективных людей с высшим образованием, и уменьшалось число творческих рабочих.

Решение не идти в число первых было подкреплено и материальным расчетом: зарплата квалифицированного рабочего раза в два стала превышать зарплату рядового инженера. Я понимаю, что такое положение является абсурдным, но не я его устанавливал.

Несомненно, я работал больше рядового инженера не только физически, мне приходилось заполнять собственной смекалкой «пробелы» в технологии, а зачастую при ее отсутствии каким-то образом выполнять и перевыполнять планы. Теперь говорят, что все эти планы являлись фикцией. Не знаю! Я работал честно и урочно, и сверхурочно. А если и спорил с нормировщиками, требуя наряды по завышенным расценкам, то это не делает чести прежде им, нормирующим мой труд: значит, они просто некомпетентны.

Перестройка должна изменить это абсурдное положение. Инженер должен получать больше грузчика. Но какого грузчика? — вот вопрос. Если груз будет лежать буквально на спине у человека, не называемого инженером, то я против высокой инженерной зарплаты!

Находясь внизу социальной пирамиды, можно очень просто обвинить во всех бедах и несчастьях высшие слои. Что, в общем-то, и делается. Демократия и гласность допускают критику снизу. Но критика сама по себе не делает перестройки. Сколько бы я, рабочий, ни критиковал всех от непосредственного начальника до министра — критика моя будет напоминать ловлю крупной рыбы гнилой и дырявой сетью. Бессмысленная работа!

Есть рабочие и предприятия, на которых они работали, работают и будут работать. Остаются руководители этих предприятий, главки и министерства. И если даже изменится структура управления, то все равно ведь останется человек, занятый непосредственным физическим (пусть даже с применением роботов) трудом, и человек, который руководит и согласовывает работу многих...

Уповать на то, что мой начальник станет теперь честным и добросовестным, я не могу. Доказать его некомпетентность я тоже пока не могу, потому что сам некомпетентен.

Поэтому разговор о народовластии, то есть о демократии, с моей точки зрения, надо и начинать с компетентности рабочих, с их возможности осуществить эту власть.

Пока что такими возможностями рабочие не обладают. Им надо перестроиться.

Однословно не выразить, в чем должна состоять эта перестройка. Может быть, у кого-то и повернется язык, чтобы призвать рабочих трудиться хорошо и еще лучше, быстро и еще быстрее. Кажется, долгие годы наши агитаторы только это и делали. А результаты налицо. Время от времени зажигались «маяки», на которые должны были равняться все трудящиеся. Нет нужды говорить, что иногда и «маяки» только отражали от своей лакированной поверхности мощный луч трудовой идеологии. Даже не излучали. Рабочим это было видно. Мало ли у нас и лжестахановцев, и лже-Героев Социалистического Труда! В свете гласности кое-что сейчас выглядит весьма негативно. Даже и в малых дозах ложь губительна, как общеизвестная «ложка дегтя».

На мой взгляд, эти лжемаяки скорее развращали наши рабочие души, чем воспитывали. Но уже то, что об этом я могу говорить сейчас с надеждой быть услышанным, свидетельствует о возможности перестройки, о начале ее.

Начатая сверху, тем не менее она называется революцией, потому что должна затронуть все слои мощной пирамиды государства. А *снизу* она была и невозможна — слишком могуч аппарат опричнины, созданный давно и продолжающий свое функционирование.

Говорят, что перестройка совершится через демократизацию всего общества. Об этом так много говорят, что просто упиваются этими фразами. Но демократизация — взрыхление общего сознания — необходимое, но недостаточное условие для перестройки. Рабочий класс и крестьянство должны *самоосознать* весь исторический путь и увидеть перспективу.

Без активной, чуткой и, я бы сказал, жертвенной помощи на-

роду со стороны интеллигенции процесс самоосознания в народе слишком длителен, если вообще возможен.

Но интеллигенция, работники печати, «инженеры человеческих душ»,— их я имею в виду в первую очередь,— хоть и активно принялись за перестройку, но заняты более реабилитацией собственных погибших и искривленных душ и поисками самооправдания, чем активной помощью народу в воспитании народного самоосознания; назойливо теребят свои раны и ранки, чтобы вызвать у народа сочувствие к ним.

Если бы я имел право говорить от имени народа, то уверил бы всех, что народ очень сочувствует жертвам сталинизма. Но кто посочувствует угнетенным народам нашей страны! А основной его гнет — темнота и невежество. Я не боюсь произносить этих слов. Если уж наша интеллигенция не может похвастать чистотой и светлым образом сознания и мыслей своих, то что говорить истинно о народе.

Свою перестройку я начал давно. Она тогда, может, намечалась, но еще не называлась так. Сообразив, что окончание института мне ничего не дает, поскольку не имел карьеристских устремлений, я прекратил официальное образование и занялся самообразованием — чтением всего, что меня интересовало и что мог достать. По опыту знаю, что простому человеку перестроиться очень трудно и дело это очень затяжное. Ничто и никто ему тут помочь не спешит и не желает.

Главным рубежом в своей перестройке считаю... отказ от употребления алкоголя. Произошло это раньше появления знаменитого Указа о мерах по преодолению алкоголизма и пьянства. Произошло это со мной, вероятно, случайно. Но без этого преодоления перестройка вообще невозможна, в чем все более и более убеждаюсь. И недаром же сегодня революция сверху началась именно с этого мероприятия.

Но вот прочитал в «Литературной газете» статью Евг. Евтушенко «Притерпелость» от 11 мая 1988 года и удивляюсь нетерпимости поэта к правительственным мерам по преодолению тяжелого наследия застоя. Он словно бы в состоянии похмельного синдрома возмущен трудностями с приобрете-

нием алкоголя. По его мнению, дело обстоит так, что если сейчас открыть с утра до ночи государственные точки продажи водки распивочно и на вынос, то перестройка сама пойдет. Во всяком случае, не будет самогоноварения, наркомании, токсикомании и примкнувшей к ним проституции. Поэт, конечно, понимает, что это не так. Поэт возмущен этим актом, этим указом и заодно перековавшимися алкоголиками, пытавшимися развернуть борьбу за трезвость. Но более всего поэт возмущен народным терпением, притерпелостью.

С уверенностью могу сказать, что наш народ теперь настолько притерпелся к самому Евг. Евтушенко, что не читает его стихов. Надоели. Слышал народ вопрос «Хотят ли русские войны?», всей своей народной жизнью ответил на этот вопрос. Некоторые помнят, что написал эту песню именно Евтушенко. Знает народ, что написал стихи поэт не бескорыстно в тот самый период, когда весь мир и мы в том числе усиленно вооружались. Поэт в то время льстил народу русскому. Сейчас перестроился — стал нетерпим к народному терпению.

Я с детства читаю стихи Евтушенко и разделяю все лирические боли его. Мне всегда нравилось, что поэт проявлял себя нонконформистом. Но его сегодняшнее инакомыслие мне непонятно. Кажется, сам поэт не понимает, что «запретительство» на алкоголь, борьба за трезвость есть необходимость текущего момента. Иначе нам не выбраться из рутины бездуховности и экономического завала.

Пьянство и алкоголизм на экономику оказывают не только прямое разрушительное действие — брак и снижение производительности «по пьянке», но боле, наверное, косвенное, окольное. Потери нашего хозяйства за счет прямых прогулов пьяниц не столь велики, ибо и не прогуляй они своих «пьяных» человеко-дней, эти люди мало бы принесли пользы на своих рабочих местах. Большая разруха от пьянства заключена в неизмеримых областях психики, морали, нравственности.

Подрывая основы семейного института, пьянство незаметно меняло отношение человека к труду, отношение, как осознанной необходимости, труда для блага родных и близких.

Уверения в том, что все делается на благо народа, уже не вызывают доверия. Каждый понимает, что, если он сам не позаботится о себе и своих близких, ожидать этой заботы не от кого.

И сама гласность для народа без осознания своего пути и перспективы развития — приятный, но пустой звук. Голос народа всегда отдан идее, а осознание идеи и долга может произойти лишь непосредственно через отношение к своим родным и близким — к предкам, но что более важно — к потомкам. Прийти к пониманию своего долга можно путем образования и воспитания.

Сейчас очень много говорится о «новом мышлении», о выработке его. Недолго появиться и тренерам: «На выработку нового мышления становись! Раз! — думай. Два! — думай!..» То есть думай так, а не так, или думай, как я! К чему это приведет — тоже известно.

Думаю по-новому, значит — перестроился? Но разве кто-то может точно определить мои мысли? Может. Я эти мысли стараюсь изложить в словах. Но это, в общем-то, не новые, а очень старые мысли, которые почерпнул я сам из чтения произведений Толстого, Достоевского, Тургенева. И многих других, конечно. Может, Камю и Кафка, Стайрон и Селинджер повлияли. Откуда мне знать, кто конкретно? Все вместе, прочитанное мной, позволяет мне сейчас как-то сформулировать эти якобы свои мысли и передать на бумаге.

Образование, по-моему, в том и заключается, чтобы мысли жившего до нас человечества довести до ныне живущих. И когда это удастся достигнуть достаточно широко, то это и будет самоосознанием народным.

Не секрет, что наша система народного образования с этой задачей не справилась, хотя лично не считаю, что было это образование так уж из рук вон плохо, что погубило нашу духовность. Погубила нас раздвоенность: люди мыслили одно, но говорили другое. А далее и более: произошло тройное расщепление «я»: думает одно, говорит другое, делает третье.

Расщепленная личность не есть личность, но дает широкие

возможности культам иных личностей. Говоря о культе личности Сталина, не надо забывать, что ниже его монумента в схеме той же пирамиды власти стояло множество всяких божков и культиков, которые для народа были в то время едва ли не страшнее Сталина. И не то чтобы не страшнее, а в этих маленьких незаметных монстрах и заключено было все зло для «винтиков» общества.

Народ терпел. Он не понимал этого зла. А если понимал, то был бессилен стряхнуть с себя всю эту культовую пирамиду зла. Единственным спасением для народа и было смирение перед верховной властью.

Евтушенко возмущается народной притерпелостью, потому что сам себя перестал понимать: говорил одно, теперь говорит другое, противореча себе. Напомню. Хотят ли русские войны? Не хотят! Это знает поэт. Зачем теперь раздражать этот народ: нетерпение — это война. В любом случае это война — классов или сословий, идеологий или вероисповеданий. Это война. Народ войны не хочет. Она нужна, видимо, поэту для скорейшего, революционного получения благ.

Терпи, народ, терпи! Много ты вытерпел в веках своей нелегкой истории, вытерпишь и это. Просто так народы не погибают, тем более что русский народ как нация, как этнос еще слишком молод, чтобы говорить о смерти. Но кому-то не терпится.

Перестроились люди искусства и литературы: показывают в своих произведениях теперь то, что народ всегда считал постыдным. Он продолжает плеваться, глядя на эти вещи, выставленные для всеобщего обозрения, а значит, и для всеобщего употребления.

Но есть все же вещи личные. Это не пресловутая «своя рубашка». Есть интимные чувства и отношения, выставлять которые народ пока еще не торопится. Одно из этих чувств — любовь.

И что-то странное происходит с поэзией во времена перестройки. Поэзия и любовь неразделимы. Искусственно вытравливается из поэзии романтизм высокого чувства любви. Тема любви разрабатывается на уровне статистики и перечислений.

Вот исповедь лирической героини в стихотворении молодой поэтессы:

Я заповедей в жизни не блюла,
Давала клятвы, чтобы их нарушить.
Но никогда любви не предала,
Не продала скупающему души.
Мне радостно жилось в судьбе моей —
Я лишь любимых губы целовала!

Поистине непонятно, как можно при множественном числе «любимых» не предать никого из них? Вообще-то верно, при этаком плюрализме предательство теряет смысл. Но что это тогда? Сплошная любовь? Вероятно. Но при таком сверхчувстве вряд ли у человека останется время для иных: например, для любви к детям, к родине, народу и так далее. Все мы знаем, что и от одной-единственной любви всего лишь к одному человеку — любимому — бывает порой некогда замечать даже великие катаклизмы. А тут...

Тут, мне думается, просто мода на зрелищность в вопросах «любви». Так уж надоели всем эти Ромео и Джульетты с купринскими «телеграфистами» Желтковыми?

Но все мы знаем, что стихийно рождается много детей-олигофренов, многие обречены при живых, но неизвестных родителях прозябать в отнюдь не блистательных детских домах. Причиной этому указывается алкоголизм. Но не стоило бы забывать и о его родном брате — сексуальном плюрализме, по́нятом некоторыми молодыми людьми очень уж примитивно, по принципу: можно все! А после нас хоть потоп? Ну да! Если человек не задумывается, каким будет его потомство,— это и есть после-нас-хоть-потопство.

Но мне видится человек будущего, способный создавать сложные программы для электронно-вычислительных машин, просчитывать гармонию мира алгеброй, но в то же время умеющий и любящий сочинять, читать и понимать стихи о природе чувств человеческих, то есть человек, причастный к литературному труду.

Сегодняшние подростки — это завтрашние деятели человеческого общества, а те идеалы и идеи, которые теперь формируются в их душах, найдут воплощение в будущем.

Вот почему проблему воспитания, где литературе я отдаю главную роль, считаю в перестройке главной темой.

Жизнью самой подсказано, что первыми предметами изучения в школе являются — и должны быть всегда! — родной язык и литература.

Но учитель словесности находится в положении тургеневского Герасима: выполняя указания методичек и учебников, берет несмышленую душу ребенка и несет топить ее в омуте того псевдонаучного, идеологически привязанного к догме бормотания, которым пользуется автор учебника, пытаясь судить о том или ином произведении искусства.

Помню, как великих критиков русской литературы — Белинского, Добролюбова, Писарева, истинных толкователей изящной словесности,— нам подавали в изжеванном виде, переводя на язык даже не вторичности, а третичности. Для лучшего понимания, надо думать... И мы прекрасно понимали, что Онегин — лишний человек, Печорин тоже, Базаров — нигилист, Кирсанов — радикал. Все! Большего вам и не нужно, думали дяди, написавшие учебник. И ученики охотно соглашались с дядей Флоринским (это автор учебника, по которому я постигал, что есть литература).

Школьники несли на уроках заученную бездарную и скучную галиматью, подсказанную и прописанную сверху, поданную учителем в каноническом виде. Это, к сожалению, продолжается и сегодня.

В сегодняшней беде бездушия и бюрократизма, алкоголизма и разгильдяйства мне видится вина прошлых лет обучения литературе по установленным кем-то нудным канонам. Кто-то, я не знаю их поименно, решил, что классики русской литературы и талантливые советские писатели не справляются с обязанностями духовных наставников молодого поколения, усиленно стали их «переводить» на язык «партийности», причем всегда избирая лобовые приемы вторжения в душу. Действовал принцип идеологической накачки дутыми фразами. У юношей и девушек было отнято право самим разобраться в сути человеческих ценностей искусства слова, давалась такая прямолинейность «красной ни-

ти», а по сути — красной иглы, которую, давясь, с неприятием и омерзением дети глотали и повторяли на уроках. Надо же было получить «положительную» оценку! Школьники в сочинениях писали не то, что думали, а то, что им давало выгоду. Человек с малолетства поощрялся в двуличии и двоедушии.

Уроки литературы в школе до сего времени являются в большинстве своем уроками чего угодно, только не литературы. В результате мы имеем карьеристов, взяточников, бракоделов, бездарных руководителей народного хозяйства, иногда вопиюще неграмотных, судя по их деловым запискам, привыкших идеи заучивать и нагнетать, не пропуская их через личный аппарат мышления. Иногда со страхом думаешь: а не атрофировался ли мозг у этакого чиновника?

А среди молодежи возникают панкизм, металлизм, усиливается жестокость, безотчетное преклонение перед модой Запада и простое непонимание того, в чем же потенциальное превосходство советского строя. Вырабатывается стереотип пренебрежения ко всему отечественному. Но молодежь совсем не глупа! А пришла она к своему теперешнему состоянию не без вины учебников и учителей литературы, отучающих ценить родное слово, истоки отечественной культуры.

С ужасом замечаю, что молодежь не читает поэтических книг даже в возрасте первой любви. Откуда же взяться в их душах чистоте чувств? Правда, в поэзии нашей долгое время воспевалась Прекрасная Домна и почти забыта Прекрасная Дама.

Помню, с каким недоуменным чувством читал я щипачевские строки: «Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне...» А что же? — хотелось спросить мне, ибо сам вздыхал и прогуливался при луне под трепетными бликами листьев великолепного сада моего детства. Конечно, любовь — это нечто большее, но без этих вздохов и прогулок она немыслима. Слава богу, были Пушкин и Блок. И уже появился Есенин (пятидесятые годы), после которого стихи Щипачева я уже не читал.

Пастернак, Ахматова, Цветаева, Мандельштам были по известным причинам мне недоступны. А сейчас, обращаясь к ним,

чую только поэтическое великолепие, засеченное батогами пролеткульта.

На творческом вечере Евгения Евтушенко однажды спросили, кого он считает самым выдающимся писателем нашего времени. «Габриэля Гарсиа Маркеса!» — не задумываясь ответил поэт. А лауреат Нобелевской премии Маркес в одном из интервью назвал своим учителем русского писателя Достоевского Федора Михайловича. Разорванный круг замкнулся. Евтушенко и других учили по догматам «соцреализма», дурно понятого. А теперь они «доучиваются» у Маркеса. Не потому ли наш прославленный поэт писал «Братскую ГЭС» в надежде получить какую-то премию, может быть, как раз в то время, когда Валентин Распутин скорбел над «Прощанием с Матерой»? Не хаты и погосты предков тонули в этих водохранилищах! Души тонули! Тонули с тех самых пор, когда нарком просвещения Луначарский определил понятие «русский дух» как некое иррациональное понятие, которое, по его мнению, не стоило подогревать и поощрять. Но вот топить и зарывать его тоже не стоило. Что всплывет в веках: ГЭС или Матера? — судить не мне. Но мусор уносит Лета.

На уроках литературы творчество Толстого, Гоголя, Пушкина (Достоевского мы вообще не изучали) преподносилось хоть с небольшими, но отрицательными преамбулами. Один — непротивленец, другой — мистик, третий, мягко говоря, все же уклонялся от прямого выступления против царя-самодержца. Зато творчество некоторых наших советских писателей учебником и учителями подавалось засахаренным в идеале. Ни сучка, ни задоринки! Николай Островский, Дмитрий Фурманов, Александр Фадеев... А ведь составители учебников и учителя понимали, что они говорят не всю правду. Я не могу их обвинять за это, не знаю, как на их месте поступил бы сам. Не судите — да не будете судимы! Не осуждаю, но надо же исправлять прошлые судебные ошибки!

Великие произведения русской литературы наравне с мировой классикой, кроме критического начала, несут в себе утверждающее зерно добра, исследуя глубины той жизни, без которой невоз-

можна наша сегодняшняя не только литература, но и сама жизнь.

Почему я при перестройке говорю о языке и литературе? Да потому, что если народ лишить дара речи, слова, то в следующем же поколении он деградирует.

А когда я встречаюсь с чиновниками, управляющими народными судьбами, но ни разу по доброй воле не открывающими томиков со стихами Данте или Байрона, Пушкина или Тютчева, не говоря уж о таких «совсем неизвестных» поэтах, как Павел Васильев или Николай Рубцов,— мне вспоминается школьный урок литературы. Ведь наверняка этот чиновник писал в свое время сочинения «на высоком идейном уровне», списывал их, конечно, со шпаргалок-трафаретов. Далее получил он высшее образование, стал руководить людьми и... брать взятки, заниматься приписками и очковтирательством ради получения премий и — что особенно страшно! — судить людей неправедным судом.

Но я верю в отечественную русскую литературу, отражающую нашу душу, которая, несмотря на все старания чиновников — палачей и компрачикосов, живет, а теперь, с преобразованием всех сфер общества, должна воспрянуть и распрямиться. Не все русские люди обменяли ее на заграничные паспорта и тряпки. Замечу, что под словом русский я не имею в виду узконациональное понятие, а все то, что говорило и говорит на этом языке.

И пока он жив — великий и могучий,— будет живо и понятие о русской душе и русском характере, мерой которого всегда являлись высокие идеалы добра и человечности.

И кроме литературы, я не знаю другого такого тонкого инструмента для строения и воспитания души человеческой в нашей сегодняшней перестройке.

О НАРОДНОЙ МУДРОСТИ И ОДИННАДЦАТОЙ ЗАПОВЕДИ

Уже выводят из себя «размышления» некоторых писателей о патриотизме. Вижу, как нередко идет прямая спекуляция на моих читательских патриотических чувствах. Прикрываясь болью военных потерь, будь то Великая Отечественная война или война в Афганистане, Алесь Адамович, например, увещевает кого-то воспитывать антивоенных патриотов, не объясняя, что же это значит. Но должен же он сознавать, что опасность возникновения войны остается?! Или он призывает сыновей наших отказаться от Присяги Отечеству? Подспудно проводится мысль, будто от рядовых солдат зависит, литься или не литься крови народной.

Всегда было и пока есть такое положение, что солдату отдается приказ, который ценою крови выполняется. Если бы антивоенные выступления советских писателей достигали ушей гипотетических противников, то тогда уместны были бы их слова об «антивоенном патриотизме», обращенные пока что только к «нашим» воспитателям. Поэтому, как бы ни гуманно были настроены такие писатели-«гуманисты», выглядят они, мягко говоря, людьми наивными. Хотя стремления и намерения их могут быть благими, слишком уж рьяно и слишком рано некоторые пытаются агитировать наших парней «воткнуть штыки в землю». А почему бы, например, Адамовичу не заняться параллельно с этим гуманистической пропагандой среди армейского состава западных военных блоков? Или попытаться уговорить наставников душманов перейти на рельсы воспитания по принципу антивоенного патриотизма?

Гражданин любой страны должен быть патриотом, иначе какой же он гражданин? Патриотизм всегда означал осознанную возможность самопожертвования человека ради блага всего на-

рода. Благодаря этому чувству, всегда имевшемуся у наших соотечественников, мы с Алесем Адамовичем можем сейчас рассуждать о судьбах мира и, может быть, решать их в пользу мира для человечества в будущем. Но это совсем не значит, что я своих сыновей должен воспитывать в пацифистском духе. Всем, наверное, теперь понятно, что война народов, если она будет развязана, будет войной всеуничтожения, в том числе и самих себя. Понятно это и моим сыновьям. Но ясно ли Адамовичу, что если даже сыновья всех матерей Советского Союза откажутся брать в руки оружие, то этим они не обеспечат мир?! Я почему-то уверен, что не от них одних, не от нас, всех граждан СССР, зависит, быть или не быть войне. Поэтому со своими сентенциями писателю лучше обращаться не к рядовым гражданам в первую очередь, а в соответствующие инстанции, в которых всего скорее могут снять угрозу войны. Когда ее не станет, то можете быть уверены, Александр Михайлович, что все мы скажем: «Прощай, оружие!» Ведь на свете очень мало людей, с радостью надевающих солдатскую амуницию.

Второе. О ребятах, прошедших через «Афган», как они его называют. Без сомнения, все, кто пострадал там, а также семьи погибших имеют право получить и материальную, а главное — моральную компенсацию, ибо компенсировать утрату жизни никакими материальными средствами невозможно. И уж, во всяком случае, мы не должны допускать осквернения памяти павших. Пусть их смерть останется на совести тех, кто отдал парням такой приказ. Все эти ребята, вернувшиеся и невернувшиеся, долг свой исполнили. Прежде всего перед Родиной. Этих ребят называют «интернационалистами», но так ли это на самом деле? Ведь в Афганистане они выполняли требования Конституции своего государства! Приказы они получали от советских командиров. Разве в Афганистане действуют интернациональные соединения, явившиеся туда со всех частей света? Нет, это — наши сыновья. Наши Саши и Магомеды. Упрекать их не в чем. И правительство, которое возвращает их домой, должно заботиться именно о достоинстве советского солдата. И неуместна здесь бравада: воевал, дескать, и уже поэтому полагаются почести.

Едва ли не каждый из ребят мог оказаться в этой ситуации. В армию призывают не за тем, чтобы веники вязать.

Оплачен кровью трагический шаг государственной политики. Я не знаю, был этот шаг верным или неверным. Но пока существуют в мире государства с разной идеологией, у них будут существовать армии. Поэтому уместнее было бы писателям направить свои усилия на изменение политики государств, а не апеллировать к народу, вернее, не пытаться народ «поссорить» со своим правительством, как получается это у Адамовича за кадром фильма «Боль», и не следует игрой слов вуалировать трагическую ошибку политики, как это делает В. Дашкевич в статье «Осторожно! Заплачено кровью...» («Красная звезда» от 21.10.1988 г.). Один, с моей точки зрения, старается разбудить совесть народа (как будто правительствам совесть вообще чужда), у другого почти все наоборот. Но я бы добавил, что лучшие писатели сами были всегда совестью народов и государств, совестью, с которой считались правительства!

Но поневоле подумаешь, своя или чужая кровь в писательских чернильницах, если у них разное с народом понимание патриотизма. Теперь кое-кто так напуган словом п а т р и о т, что любое выражение чувств любви к Родине воспринимает чуть ли не как угрозу перестройке, хотя каждому ясно, что без патриотизма перестройка невозможна.

Воины, опаленные Афганистаном, встречаются сейчас везде, не так их мало оказалось в «ограниченном контингенте». В основном это прекрасные труженики, скромные и добросовестные. Чуткость к ним необходима, но нельзя же требовать от каждого обывателя, чтобы он стал чуток, насаждать любовь по образцу.

Очень уж «оригинально» рассматривает проблему патриотического долга Вячеслав Басков в газете «Советская культура» за 20 октября 1988 года, рисуя ужасающую картину «гибели одаренных», осуществляемую на призывных пунктах военкоматов. «Скрипач вернется, ты только жди...» — такая вот саркастическая интонация слышится в статье. Конечно, одаренный человек, будь он кем угодно — музыкант ли, художник,— принесет стране пользу как патриот не меньшую, чем «отличник боевой и поли-

тической подготовки», если и не будет носить два года кирзовые сапоги. Но мне, например, кажется, что Министерство обороны вряд ли имеет такое уж непреодолимое желание обмундировать юного Паганини и заставить его непременно вместо скрипки упражняться с автоматом Калашникова.

Дело тут, вероятно, в бюрократизме, но не одностороннем, как читается в статье, только по линии Министерства обороны. Бюрократ из этого министерства думает так: дай только «слабину» — отсрочку для поступления высокоодаренных юношей в высшие заведения,— так бюрократы из других ведомств представят такие списки «высокоодаренных», что служить в армии вообще будет некому! И можно не сомневаться: предоставят! И музыкальные, и художественные школы, а за ними другие творческие спецзаведения — у нас их много, в том числе всевозможные спортивные. Таким образом, в армию будут призываться, мягко говоря, только ничем не одаренные юноши. Ведь в конечном итоге даже те, что идут в «кулинарные техникумы», тоже являются одаренными. Не говоря уж о парикмахерах — это вообще художники!

Рациональный, разумный подход, если говорить серьезно, требует учитывать профессию допризывника. Но тон статьи Баскова говорит о том, что Чайковских у нас просто-таки замучили сержанты, выколачивая из «студентов-музыкантов», «студентов-артистов», «студентов-певцов» весь дар божий, когда последние попадают в руки первых. Разрешите этому не поверить. И не оттого слышатся факты «печальных повествований о нынешнем унылом состоянии нашей музыкальной культуры», что высокоодаренным отказано в отсрочке призыва на армейскую службу. Унылое состояние музкультуры не зависит от армейской мускулатуры. Так не грешно и весь застой в литературе и во всех видах искусства «объяснить» одной статьей Конституции, по которой восемнадцатилетних призывают на воинскую службу. Можно ведь объяснить! И доказать можно. Это нетрудно.

Надо менять Конституцию? Но тогда надо сразу менять и весь мир. Чтобы не было армий и чтобы скрипачи не скрипели кирзовыми сапогами по сержантской команде: «Раз! Два! Левой!..»

Чтобы ребята наши никогда не погибали в каком-нибудь «ограниченном контингенте». Поэтому готов и хочу согласиться с Адамовичем, что в Афганистане была «принципиально последняя» интернациональная война. Однако и соглашаясь с этим, почему-то думаю, что до начала ее в 1979 году так остро не стоял у нас вопрос об отсрочке высокоодаренных юношей. Может, просто я не знаю, сколько гениев задушено в казарменной дисциплине срочной службы? Поэтому кажется, что раньше призывы в армию протекали как-то естественно и менее болезненно. Можно ли объяснить это «рабским сознанием», темнотой, в которую мы были погружены в период «сталинизма» и раннего «постсталинизма»? Или думать так меня подталкивают «прорабы» музкультуры и перестройки?

Тогда что же делать с патриотами, если я сам себя считаю таковым, хотя и понимаю, что война — гибель для всего человечества? Несомненно, что «военно-патриотическое» воспитание сейчас должно вестись на совершенно ином уровне сознания. Иногда воспитатели используют устаревшие образцы. И терминология отстает. Будучи солдатом, я испытывал неловкость при необходимости отвечать на вопрос: «За что я должен любить свою Родину?» Был такой вопрос в подготовке по курсу «молодого бойца». Надо было говорить какие-то слова, поясняющие «за что», а я ее любил и люблю ни за что! Просто так, потому что это Родина — Советский Союз. И другой у меня нет. Поскольку я был солдатом, призванным после окончания первого курса института, то соображал, что те слова, которые надобно было произносить на занятиях политподготовки, не отражали сущности моей любви. И кажется мне, что истинные патриоты при ответе на этот вопрос всегда испытывали неловкость.

Я совсем не отрицаю того, что иногда и пацифизм может быть настоящим патриотизмом. Но можно ли утверждать, что уже наступило время перемены «полярности чувств»?

Пусть я был обманут, но при трехлетней службе в армии меня всегда не покидала мысль: служу затем, чтобы войны не было. Судя по предпринятым мерам о договоренности государств в начальном разоружении, мне кажется, что та моя солдатская

мысль находит подтверждение. Это не моя заслуга. Но патриотизм, любовь к Родине рано сдавать в Музей Вооруженных Сил.

И вот еще что. Истинные герои прошедших войн заслужили почести, которые им надо оказывать. Надо... Но и ветеранам надо не забывать, что и их награды, их право на жизнь оплачены в большой степени кровью погибших. Я уступлю место в транспорте и в очереди человеку с орденскими планками на груди, даже не вглядываясь в них для определения «ценности» наградных символов. У меня нет неприязни к людям с наградными планками, но почему я своим спасителем должен считать не своего погибшего отца, а дядю Симонова, написавшего «Живые и мертвые»?

Когда я слышал голоса старших в адрес молодых людей, изрекавшие: «Мы за вас жизнь отдавали и кровь проливали!» — мне до сих пор неловко от этого. Право, ответ у меня был. За меня мой отец пролил и отдал.

Противореча друг другу и самим себе, некоторые писатели заняты странным делом: рекламой собственных убеждений. А убеждения эти тоже довольно странные, как я уже сказал, непонятные, как, например, антивоенно-патриотическое воспитание у одних, а у других: «Если бы наши парни были лучше подготовлены...» Как их, если не физически, то морально, лучше подготовить, если мало-мальски одаренные чем-то парни не хотят служить в армии? Отсрочкой от призыва?.. До Афганистана еще так-сяк, но когда начали гробы летать, то ведь и подумал кое-кто, и вслух сказал: дурак я, что ли, на тот свет торопиться? Но ведь, кроме «дураков», есть парни — и слава богу, что их много! — которые все же предпочтут оказаться дураками, да с чистой совестью, которые, как хорошо их ни готовь, все равно могут вытянуть черный билет.

Кому верить?.. Авторы «Советской культуры» сетуют на то, что Министерство обороны не способствует развитию музыкальной культуры... Адамович упрекает своих собратьев по перу в излишней тяге к теме военно-патриотического воспитания. А Дашкевич, как армейский инспектор, резюмирует, что мало всякого воспитания в армии.

Нет, не верю я всему этому. Музыкальная культура страдает от засилья масскультуры — это ее внутренний нарыв, никакая скрипка не перекричит самый захудалый рок-ансамбль или группешку. Военных писателей, правда, много, только кого они воспитывают, если их скучно читать, когда магнитофон и телевизор под боком: кнопку нажал, и никакого усилия. Мало патриотов? Мало. Скажи: я — патриот, в шовинисты угодишь. «Огонек» таким огоньком прижжет, что только держись! Но истинных патриотов, как и высокоодаренных музыкантов, мало. Человек в некоторых органах печати как-то уж очень легко поставлен в точку презрения к самому себе. Можно высказать свое мнение. Но зачем? Чтобы тебя тут же обругали. Умно, тонко, «эзоповским языком», выучились которому за годы застоя. Откровенно уже мало кто и высказывается.

Знаю двух писателей, которые кричат от боли народной. Это Василий Белов и Валентин Распутин. А очень многие размазывают эту боль на страницах своих повестей и романов. Размазывают с непонятным удовольствием показа «мерзостей нашей жизни». Гранин, Рыбаков, Адамович — наиболее известные и рекламируемые писатели из этой группы. Не сейчас, не сию минуту они стали писателями, а давно, значит, присутствовали при создании «мерзостей жизни», критикой которых усиленно теперь занимаются, с удовольствием размазывают теперь грязь.

От имени своего погибшего отца я бросаю им слово упрека за их духовную нечистоплотность. Я не научился эзоповскому языку в построении фраз, основывающихся на софизмах, поэтому говорю прямо и откровенно, что и в «Последней пасторали», и в «Детях Арбата», в «Зубре» звучит неприкрытый снобизм, цинизм, с которым писатели прикасаются к «болевым точкам». Не сострадание к бедам народным, а злорадство звучит в них. Нет нужды останавливаться на деталях, изобразительных средствах этих произведений. Их надо читать и слышать гнетущий акцент безысходности, чтобы уловить, в какую сторону они стремятся повернуть ветер свободы и перестройки — в тупик.

Высокое слово н а р о д становится едва ли не целью презрения писателей — «подстройщиков» под перестройку. А отсюда

и озлобленные, поистине кликушеские вопли в адрес российских патриотов, кампания с атуканьем Нины Андреевой вместо нормального разговора с ней, а ведь статью ее мало кто и читал, потому что под шумок «силы быстрого реагирования» изъяли газету из подшивок многих библиотек. Отсюда и облыжное обвинение журналов «Наш современник», «Москва» и «Молодая гвардия» в «консерватизме мышления». Хотя, если честно попытаться дать ответ, то Рыбаков, например, мог бы признаться, что его мышление с перестройкой совсем не изменилось: в «Детях Арбата» оно осталось тем же, что было в «Тяжелом песке».

После слащавой догматики социализма в иных произведениях, после прекрасной лжи напудренного социалистического «реализма» в литературе и искусстве мы наконец почти обрели право высказывать свое личное мнение. Почти. Формально право такое есть — но всегда ли оно осуществимо? В лучшем случае «Огонек» может опубликовать на своих страницах письмо какого-нибудь «сталиниста-антиперестройщика», для потехи сохранив орфографию этого письма, где слово «гласность» дважды написано с двумя «т» после обеих «с». Те, кто в «застое» имел голос, имеют его и теперь, они «перестроились», а те, кто не имел, тот и не имеет. Кто благословлял и проповедовал застой в культуре, тот нередко теперь управляет перестройкой культуры. И в то же время криком кричат, что сталинские репрессии извели под корень русскую интеллигенцию. Откуда же ей взяться сегодня, когда параллельно с этими криками там и здесь с нажимом идет разговор об элитарности каждого общества как законе его культурного развития. Так и создается общественное обеспечение для признания «элиты»: сын слесаря — слесарь, сын кесаря — будущий кесарь, несмотря на то, что сей кесарь в застойные времена выкесарился. Что ожидает в будущем такое общество? Да полнейшая деградация! Потому и названные мною романы (их больше, но эти у всех на устах) отвечают «духу перестройки» лишь определенного общества, готового разбить страну на рабов и элиту. Может быть, это и резко, но говорю, что думаю, время такое, что некогда выбирать изысканные выражения. Душа болит. Не хочу, чтобы наше общество, если с ним не случится катастрофы

прежде, дошло до такого состояния, когда Ксанф будет повелителем, Эзоп — бесправным рабом. Мы уже почти дошли, если вспомнить недавнее титулование Брежнева чином писателя, званием лауреата и прочая, и прочая, и прочая... При сегодняшнем состоянии гласности, когда блиндажи некоторых редакций не пробить словом от сердца, деградация интеллигенции не так уж и невозможна.

Нам предоставлено сегодня читать «замороженные» раньше произведения Пастернака, Платонова, Набокова и других писателей. Но «мороженая» духовная продукция мало чем отличается от мороженых продуктов. Как ни посыпай эту пищу «перцем» и «укропом» рассказиков «Свой круг» Л. Петрушевской и «Равновесие света дневных и ночных звезд» В. Нарбиковой, опубликованных в недавнее время в «Юности» и «Новом мире», духовного здоровья общества этим не повысить. Словно бы и впрямь состояние интеллекта имеет такой низкий уровень, что только о постельной «лирике» каждый человек лишь и помышляет.

Не верю я этому и делаю предположение, что настоящим произведениям — с мыслью народною! — вновь нет хода дальше писательского и редакторского стола. Или литература так вдруг сразу и обмелела? Может, опять виноваты «сталинисты» во главе с Ниной Андреевой?! Только кто же кого теперь «не пущает»? Почему в открытой полемике в печати не разгромить «Память», если она так плоха? Зачем в течение трех лет критиковать только ее «шовинистические выкрики»? Да при этом еще издевательски одергивать всякого, кто заикнется о том, что пора бы дать слово и противной стороне. Такое положение с гласностью попахивает русофобией. Это становится уже смешно: патриотизм — плохо, мол, а русская русофобия — хорошо. Миф о головорезах из «Памяти», «экстремистах-шовинистах» играет на пользу именно русофобам. Силу русского патриотизма знают фашисты. Для них он был ужасен и остается таким. Значит, миф о «Памяти» идет на пользу фашистам, воспитывая ненависть ко всякому патриоту, а к русскому — в особенности.

Кого же пугает русский патриотизм? Он пугал Чингисхана, Наполеона, Гитлера. И что, изменился этот патриотизм теперь?

Стал опасен для свободных, мирных народов? Может быть, Адамович его боится? Так он должен знать, что патриотизм русского народа как две капли воды похож на патриотизм белорусского, украинского и всех советских народов. Это доказано историей. И наши парни, побывавшие в Афганистане, наверное, могут сказать, что они шли туда с мыслью освободить, но не покорить, не поработить. О чем мыслили политики — не могу знать. Но о чем думает русский солдат, имею представление — оно во мне сидит генетически. История России хоть и фальсифицирована, но не настолько, чтобы в корне изменить представление о русском патриотизме, о своем патриотизме, как я его понимаю и как чувствую.

Образ врага, конечно, изменился в свете технических разработок средств ведения войны. Человек поставлен в точку абсурда: он сам себе становится врагом, уничтожив другого — уничтожит и сам себя. Даже рядовой солдат это уже должен понимать и, наверное, понимает. И не без чернобыльской аварии к нам пришло это понимание.

Защита экологии — природной, духовной, исторической — вот суть патриотизма нашего времени.

Народ — природа, по-моему, у этих слов один корень: родиться и жить, чтобы жили другие, продолжались. Патриотизм неотделим от ландшафта природного. За что я и люблю русскую поэзию Некрасова, Тютчева, Есенина, Рубцова. Можно сколько угодно высмеивать и издеваться над примитивностью попыток создать и воссоздать образ «русской березки», но с исчезновением этой березки исчезнет русский человек на земле. Настоящему русскому патриоту много не надо в личной жизни, поэтому некоторым из нас так импонировал аскетизм «вождя всех времен и народов». Разумеется, такой взгляд на Сталина как на аскета — чистое заблуждение, воспитанное долголетними песнями «о Сталине мудром, родном и любимом», сочинявшимися и исполнявшимися высокоодаренными выпускниками музыкальных школ.

Но вот, говоря о боли народной, причиненной стране коллективизацией, Василий Белов накликал на свою голову поток своеобразных сталинских защитников! Тут уже не Нина Андреева

выступает, а добровольные адвокаты Троцкого, Яковлева (нарком земледелия в эпоху коллективизации).

История, прошлое и настоящее, патриотизм и интернационализм, все это — разговор об одном и том же. Разговор о будущем: быть ему или не быть? И если быть (за что большинство человечества), то — какому?

Писатель Белов вызывает неприязнь у определенного круга лиц не потому, что он в неприглядных характеристиках высвечивает некоего наркомзема Яковлева или Лейбу Давидовича Троцкого (Бронштейна). В конце концов, кто-то может и у Ленина ошибки найти, известно ведь, что сам Владимир Ильич не отрицал своих ошибок, но он умел их исправлять. Дело не в этом, это такие мелочи, что и у Троцкого можно найти ряд положительных качеств — если бы их не было, то его сотрудничество с Лениным необъяснимо. Это мелочи сегодня, но важные, конечно, вещи для историков, философов, экономистов.

Белов, как и Распутин, сейчас говорит о главном, о том главном, что позволит совершить перестройку. О том, чтобы мужика — крестьянина, русского, белорусского, украинца и так далее — всех не перечислить! — «закрестьянить», посадить его на землю, сделать его хозяином земли. И тогда его оттуда никакой водородной бомбой не выкуришь. Не хлебом единым жив человек. Верно. Но это верно лишь при условии, если хлеб будет, а без хлеба ни о каком духе говорить нельзя, ибо дух этот просто покинет тело. Кому-то страшно становится оттого, что, укрепившись на земле, мужик начнет диктовать законы жизни, им хотелось бы продолжать помыкать мужиком, сохранить командно-административную систему. Поэтому выступающие сегодня против «мужицких» писателей Белова и Распутина являются сторонниками бюрократизма и всей командно-административной системы. Они не против того, чтобы ее подновить в смысле свободы слова или собственного сквернословия, называемого порой плюрализмом. Собраться с друзьями, говорить о Шагале, месить в голове гениальное тесто: «Так вы полагаете?» — «Да, полагаю».— «И я полагаю». А что — неизвестно. Свой круг. Элита. И люди эти на словах большие интернационалисты. Такие

большие и щедрые, что снова готовы с крестьян содрать последнюю шкуру на саквояж для очередной заграничной поездки.

Русский патриотизм сращен с интернационализмом, наверное, с тех пор, когда Олеговы щиты прибили к «вратам Царьграда», если не раньше. Щиты прибили! — символ защиты. Подумать только. И недавнее прошлое, чему сам был свидетель,— голод 1947 года. Пухли колхозники. Недавно документальный фильм посмотрел: в этом голодном году пшеницу отгружали, чтобы везти то ли в Турцию, то ли еще куда-то. И что же? После того как я увидел эти документальные кадры, слегка проясняющие причины голода моего детства, мой патриотический дух ослаб? Нет. Его ничем не убить, этот русский дух. Только физическим уничтожением всего народа. Говорят, что мало в этом народе скрипачей, много пьяниц. Есть грех. В великом народе и пьянство бывает великим, если весь этот народ лишить великой любви к земле, к природе. Спиваются люди, оторванные от корней, брошенные в бараки пятилеток. От тоски спиваются. С горя пьют. Горе-то откуда? — скажут. От патриотизма, замененного интернационализмом.

Но почему, спрашивается, русский мужик всегда был опасен ярым сторонникам мировой революции, по многим вопросам опасен? Он мог превратиться в советского хозяина жизни, и зазвучали бы в его дворах и скрипочки, и пианино, и речь иностранная. И от земли, от природы появилась бы корневая советская интеллигенция. Вот и пустили байку: мужик темен, забит, неграмотен. Ни на что путное в культуре, дескать, не способен. И под корень его. А вот «кулацкий сын» Сергей Есенин — яркий образец забитости русского мужика — играючи затыкает за пояс окончивших университеты Луначарских-драматургов. Играючи, запоями: «Друг мой, друг мой! Я очень и очень болен. Сам не знаю, откуда взялась эта боль...» Знал Есенин, откуда у него боль и отчего не проходит. Слишком много знал этот сын России, чтобы можно ему было позволить играть на тальянке. Он не вписывался в «систему» Троцкого.

Поэты на Руси не переведутся. Скрипачей действительно мало. Может быть, их и в самом деле уже сейчас не стоило бы при-

зывать в армию. Пианистов тоже. А то ведь останется только рок-музыка в записях и переписях с кассеты на кассету. Тут Министерство обороны (кто же сомневается, что оно патриотически настроено) должно как-то урегулировать вопрос с высокоодаренными юношами: лучше уж недобрать сотню солдат, чем лишиться сотни хороших музыкантов. Народ, имея в виду в первую очередь русских мужиков, не ходок по филармониям, но это не играет роли — культура проникает в душу не только прямым путем, а, напротив, путями неизведанными. Иначе все завсегдатаи симфонических концертов были бы идеальными людьми, и мы бы с ними никакого горя не знали.

Признаться, я не видел евреев, спаивающих русских, как сообщается об этом в «Огоньке» № 40 за 1988 год, на странице 5, в письме Ю. В. Гурфинкеля и Т. В. Тимофеевой. Ей-богу, не видел и склонен считать, что подобные сообщения — вымысел. Но в условиях отчуждения людей от земли, когда эти люди вынуждены покидать деревни, мигрировать в города и рабочие поселки, где условия жизни тоже не блещут комфортом, что делать деревенскому парню? Музыку изучать? А в городе теперь даже балалайки нет. Только одно и остается: деньжат накопить, магнитофон купить и... поехали!

К сожалению, никто не хочет разобраться, но многие говорят о мужицком хамстве, о пьянстве как о всеобщем явлении. Неужели все оттого, что мужик «дурак» и «хам» от рождения? Не такими ли убеждениями продиктована статья Е. Евтушенко «Притерпелость»? Поэт увидел «губительную силу» в строгости «антиалкогольного указа». Но вот я дописался, что можно сделать вывод о том, что мужик наш и пьет горькую не иначе как «с патриотизму» своего. А что! Можно и такое допустить: видя, как гибнет его деревня или природа, и не имея возможности спасти, можно и в запой удариться.

А как быть с душой, с совестью, товарищи дорогие? Раньше до отупения назидалась назойливая фраза заклинания народа: «Сталин — наш вождь и учитель... создатель... организатор... отец... руководитель...» Так сегодня с той же экспрессией повторяются слова проклятия «вождю», «учителю», «создателю»,

«организатору», «отцу», «руководителю». Что это?! Да то. Одни и те же люди пели хвалы, теперь те же самые люди кричат проклятия. Так они приносят «покаяния».

В истории ничто не проходит даром — и палачи получают заслуженное возмездие. Для всего приходит свое время, просыпается память человеческая и воздает каждому по заслугам.

Барабанные перепонки подрастающего поколения сокрушительными децибелами обрабатывает рок. Группа ученых-психологов на страницах «Литературной газеты» пытается выяснить причины появления «казанского феномена» в среде молодежи: откуда он? Оттуда. От пономарей, певших хвалу, а теперь с тем же рвением и без зазрения совести посылающих хулу всему и вся.

Некоторые смеются даже над Гоголем. Дескать, «Русь-тройка»! И кто это выдумал! Потешаются. А это тот выдумал, после кого выдумать «наш паровоз, вперед лети» большого ума не требовалось. Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский такое навыдумывали, такое написали, что вот уже почти сто лет ничего больше не написано подобного, а мы еще живы! Не все же из нас — претенденты в ЛТП. Не все.

Более полувека народы нашей страны прожили в братстве «рабства» — если верить терминологии некоторых органов печати. Неужели теперь мы не сможем прожить в братстве свободы, которая чуть забрезжила? Молодежь бунтует. Массовые дебоши прокатились волной по городам и весям. Молодежь всегда бунтовала, на то она и молодежь. Но сегодняшние бунты не похожи на прошлые — это уже не стихия, а организованная толпа. Кем она организована, для чего? Стихия пошумит и стихнет. Организация существует продолжительное время. Но любая организация есть рабство. Неужели людей, тем более молодых людей, тянет в рабство любых организаций?! Этого я не понимаю. Комсомол — скучно. Понимаю. Сам был в комсомольской скуке. Неформалы сейчас появились. Только название бесформенное, но это ведь тоже организация! Но не скучно: ведь бои гладиаторские. Видимость свободы неформалов создается свободой от собственной совести и чести. Совсем недавно сюсюкающие корреспонденты носились с неформальными объединениями — интервьюирова-

ли. Теперь хоть прекратят, наверное, поняв, во что вылился этот «неформализм» — в форменные безобразия и просто драки.

Мальчишкам-де надо драться, говорят иные педагоги, чтобы мальчишки-де вырастали настоящими мужчинами, способными постоять за себя. Был мальчишкой и знаю, что иногда только драка может принести удовлетворение при ущемлении чести мальчишки. Но дерущаяся толпа? Простите! В такой драке не честь защищается, а попирается всякая честь. В любом случае: двор на двор, улица на улицу, квартал на квартал. Бесчестие это. Трусливое бесчестье — групповые драки. И организуются такие драки самыми подлыми и трусливыми особями.

Мне, не обремененному социологическими знаниями, думается, что и феномен-то этот, названный в литературе «казанским», никакой не феномен, а мягкая подножка общему курсу перестройки. А также все национальные вспышки. Кому-то нужен Сталин, на худой конец, Брежнев новый. Молодежь этого пока не понимает, не видит. Старики вроде меня ни бастовать, ни драться не станут. Главная карта — молодежь, ей жить не при коммунизме, но хоть при социализме, который желательно перестроить, чтобы он был похож на социализм не только по показателям на душу населения, но чтобы еще и душой воспринимался. А учителя в прифреформенной школе твердят: молодежи нужен рок, нужен досуг, нужны неформальные объединения. Не скажут, что молодежи нужны хорошие учителя, которые способны дать ей нормальные знания. Пожимаешь плечами. Они учителя, им виднее.

Иные думают найти способы повиновения молодежи. А нет таких способов. Не найдешь! Дети не повинуются силе, дети не знают, что на свете есть рабство. Подростков очень легко можно обмануть и увлечь. Но покорятся они, как ни банально это звучит, только родителям, и то, если родители не лишены будут любви к своим детям. Да мне в шестнадцать лет все нипочем было. Только мать была той силой, перед которой я был покорен.

Говорят, упиваясь словами, что нужно-де «выработать механизм перестройки», не задумываясь над словами: ме-ха-низм! На ум снова приходят винтики, колесики, рычаги. И некоторые люди верят, что такой «механизм» будет создан: кнопку нажал — и за-

вертится все, как в кино. И самое печальное, литераторы говорят о «механизме перестройки». Уже так мозги закостенели у таких «инженеров человеческих душ», что за неимением японского компьютера готовы «фомкой» души перестраивать, этакой кооперативной «фомочкой». Был механизм — бюрократия во всем. Заклинило его. Комсомол разве не механизм? Еще какой! Экскаватор. Надо котлован вырыть — в трубы задули, лозунги повесили — и пошел рыть. Хоть Магнитку, хоть БАМ. Только щепки летят. Правда ведь, здорово работали! С огоньком, с энтузиазмом. Секретарь ЦК комсомола серебряные костыли в шпалу сам забивал. Хорошо работали, и выполняли, и перевыполняли. Какие песни Пахмутова с Добронравовым писали! Какие песни... А на кого работали, непонятно теперь. Может, не надо было работать-то? Но как же не надо? Жить-то надо. Хорошо работали, а живем плохо. А теперь говорят: плохо работали, не так, не тот социализм строили... Да ведь это уже упадническая какая-то философия. Кому она нужна, зачем?

Дело перестройки, укрепления государства начинать надо с укрепления семьи. Так или иначе, экономика семьи связана с экономикой государства. Но в воздухе носятся «идейки» насчет крушения семьи, она, дескать, устарела и не отвечает уровню технического развития. Но это все от лукавого.

Не буду заглядывать в далекое будущее, а позволю себе взглянуть на соседей по лестничной площадке. Где, у кого из них дела обстоят более или менее благополучно? Первое — в устойчивых семьях. Экономика развалившихся семей в столь же плачевном состоянии, в каком их моральное состояние. Это всем видно. Всем, и доказательств не надо,— выйди и глянь. Я не говорю о высокопоставленных номенклатурных бюрократах, в семействах которых присутствует экономическое благополучие, но очень часто там действуют только материальные интересы. Нельзя сказать, что в этой среде только снобы или преступники рашидовского типа. Многие из них давно поняли, что интересы «лучше», чем идеалы, и за счет «идеалистов» удовлетворяют свои интересы. Но, прежде чем их удовлетворить, им надо отрешиться от идеалов, если таковые у них были.

Если, как проповедует Нуйкин, удовлетворить свои интересы только за счет собственного труда, то... это же будет идеальное общество! Опять двадцать пять! Как его создать? — вот в чем вопрос. С либеральной логикой не ограниченного ничем самоудовлетворения мы никогда не выберемся из этого «заколдованного круга». Интересы человека растут и растут. Предела им нет — завтра у меня возникнет потребность еще в чем-то, о чем я сегодня не помышляю. Я человек разумный и свободный (так о себе думает каждый!), и ничто меня не остановит на пути удовлетворения своих интересов. Ничто! И никто! Кроме... кроме себя самого. Тот случай, когда «милиция останавливает», рассматривать не собираюсь — в целом для общества такое «мероприятие» требует тоже значительного расходования средств. Значит, только я могу сам себя остановить и ограничить разумно мои прогрессирующие потребности. Но это же — идеализм чистой воды. А мы еще хотим прожить на матушке-земле энное количество времени до всеобщего кризиса. Экономический наступит вслед за моральным или кризисом идеалов. И если сейчас никто не говорит, что «будущее светло и прекрасно», то это еще не значит, что мы не знаем, что делать. Надо укреплять в человеке нравственное духовное начало.

Сейчас идет ломка сознания. Писатель Адамович, ссылаясь на слова А. Эйнштейна, вводит «поправку» к Библии. Она касается заповедей. Вполне серьезно, без тени сомнения, Адамович доводит до сведения человечества «одиннадцатую заповедь». По словам Эйнштейна (это же какой авторитет в Священном писании!), после всем известных «не убий», «не укради» в Библии была (или должна быть?) еще одна заповедь — «не бойся», которая, как может сообразить любой здравомыслящий человек, перечеркивает все десять предыдущих! Не бойся убивать, не бойся воровать и так далее.

Неужели носители одиннадцатой заповеди называют себя интеллигентами? Если так, то это большая трагедия. Если так, то опасения за ход перестройки небезосновательны.

Вспомним о «хрущевской оттепели». Это была оттепель для инакомыслия. Однако нельзя забывать, что параллельно с отте-

пелью на полях аграриев пронесся суховей дополнительного отчуждения народа от земли: «...плюс химизация и интенсификация сельского хозяйства». Можно ли академиков ВАСХНИЛ считать после этого интеллигентами? Или они все глядели в рот Хрущеву, который в принципе и не обязан был предвидеть последствия своего «раскулачивания» колхозников и гигантирования колхозов вообще. Это должны были предвидеть ученые-аграрии, интеллигенты. Что произошло с землей под гром армагеддона, названного поднятием целины? Поднятая, она улетела. Что происходит с людьми на этих полях армагеддона — духовное опустошение, трагедия. Целина — это поистине битва человека с землей, беспощадная и жестокая. Человек вышел победителем — земля уничтожена. «Не бойся!» — говорит писатель Адамович. Надо бояться людей с таким «вероисповеданием». Они ни перед чем не остановятся, их только СПИД напугал. Три пугала в нашей прессе на данный момент: СПИД, «Память» и Нина Андреева. И названия у них соответствующие — «чума XX века», «черная сотня» и «главный враг перестройки».

Смею утверждать, что народ ни того, ни другого не боится, а побаивается, если пандемия захватит и нашу страну, то прямым виновником этого будет ничего «не боящийся» интеллигент. Но дело в том, что народ и Сталина не боится. Эка невидаль. Кто только не правил страной! Рюрика позвали, Джугашвили сам напросился. Даже были цари-самозванцы. Убивал или не убивал Годунов царевича, неизвестно, но у Сталина и его окружения «мальчики кровавые в глазах» запечатлены. Но «мальчики кровавые» не прощаются никому. Федор Михайлович говорил, что даже «две поганые старушенции» отмщаются, а тут дети невинные... Мрачна история наша, потому ее покрывают то мраком, то лаком. Но эти деяния тоже не прощаются. Ноосфера хранит информацию, в определенные моменты истории она прорывается сквозь мрак и лак. Сталинскую борьбу с «космополитизмом» можно объяснить ведь очень просто: к старости поплыли у него в глазах «мальчики кровавые», когда даже своих первых соратников и помощников Молотова с Кагановичем он «отдалил» от себя и от дел.

Если мы хотим вернуться к основам и идеям Великой Революции, то это не значит вернуться к основам хозяйствования — техпрогресс за времена ошибок шагнул далеко. Мы должны вернуться к человеческим основам, которые были порушены. Взглянуть на младенца и думать, что за человек должен вырасти. Надо вернуться к семье. Сегодня о деревенском жилищном комплексе говорят меньше, чем о семейных подрядах. Но если у этого «подряда» не будет добротной семейной усадьбы, то вырастут лишь мозоли и горбы, которые носить людям в конце концов надоест. Сбегут они от поденщины с зари до зари. Обозреватели сельской жизни, захлебываясь, называют цифры, которыми оперируют «подрядчики»,— столько-то бычков, столько-то гектаров. Всем кажется, что чем больше, тем лучше. Оно и неплохо на первый взгляд, да неумно. Фермеру в первую очередь нужны дом рядом с угодьями или фермой, автомобиль и трактор легкий. Тогда у него и бычки появятся, и бахчи, и навоз для удобрений, и в городах изобилие продуктов. Но самое главное — у фермера будет семья, потомство, и вряд ли он побежит в город, чтобы пятнадцать-двадцать лет (до седых волос!) ждать квартиру «на подселение» и мыкать душу по баракам. Продовольственная программа будет решена в первом поколении. А во втором они будут иметь свои банковские счета, и если там появятся миллионеры, то Русь наконец покончит с «бездорожьем и разгильдяйством».

Дом, автомобиль, агротехнические средства — три кита, на которых мужик может вытянуть заблудившуюся Россию в открытый океан мирового рынка. До сих пор мы торговали природными ресурсами и приторговывали русской культурой. Это плохо. И интеллигент, если это настоящий интеллигент, и мужик-крестьянин, и рабочий — все, кто болел душой за отечество, должны понимать это.

Экономический развал поставил всех на одну доску, в равные условия жизни. У меня нет накоплений, оттого не могу наладить свой быт, как бы мне того хотелось, у капитанов мафии кубометры советских денег, а намного ли они живут лучше меня? Ненамного. Я хоть не дрожу за свое материальное состояние, ко-

торсе у них в один прекрасный момент может исчезнуть. Гдлян, говорят, все еще копает, находя молочные бидоны с золотыми украшениями. Им, конечно, хочется, чтобы Гдлян не копал. И они сейчас много средств будут расходовать (а средства эти у них есть!), чтобы «гражданскую борьбу» превратить в войну. Они будут субсидировать любые выступления с кровью. Они будут разжигать недовольство в любых точках, в Карабахе ли или на Пушкинской площади.

И вот если сегодня советский интеллигент «осмелится» писать Бог с большой буквы, то надо знать этому интеллигенту, что Бог всегда был на стороне народа, на стороне униженных и оскорбленных. Это касается всех — истцов, бывших прокуроров и ответчиков — писателей. Что значит Шеховцов вступился за свою честь? Мелочь это! Весь народ обесчещен, если лишен элементарной чести знать свою историю. Кто за него вступится?

«Не бойся!» — повторяет Адамович глупую шутку. Неужели непонятно теперь, что Сталина не боялись? Народ, по крайней мере, не боялся. Народ был обманут. Не без помощи его интеллигенции. Боялись единицы, и особенно те боялись, страдая животным, небожественным страхом, кто вершил палаческие дела. Не было картины всеобщего страха, которую рисуют сегодняшние историки-литераторы. И страшно поэтому само это бесстрашие — оно обман. «Не бойся!» — внушают народу те, кого самих оторопь берет. А я думаю, не дано переписывать Библию теми же методами, которыми сталинские рабы переписывали для народа исторические «законы» и саму историю.

Бойся, народ наш! — сказал бы я, если бы меня услышали. Бойся себя и той интеллигенции, которая срослась с мафией. Бойся, народ, за судьбу своих детей. Бойся тех, кто ничего не боится. Бойся всех, кто крикливо зовет к призрачным победам. Садись, народ мой, на землю, строй свой дом, для себя и потомков, рожай детей и выращивай хлеб, иначе ты снова будешь обманут, как были обмануты иные поколения.

И каждому я бы сказал: живите счастливо, люди, и помните, всегда помните — худой мир лучше доброй ссоры! Это народная мудрость.

О «НАЦИОНАЛЬНОМ АЛЬТРУИЗМЕ» *

Мне импонируют ум и высокие стремления, которые невольно ассоциируются в сознании с его именем. Академик, четырежды Герой, борец за права человека, лауреат Нобелевской премии и прочая, и прочая, а главное — гонимый и ссыльный человек в достославнопосмешные времена «застоя». Может быть, последнее, то, что он «гонимый» и «ссыльный», рождает в моей душе чувство симпатии к нему на тех осколочных знаниях его идей, которые были доступны моему слуху из критических выступлений «гонителей». Так, но отчасти это, наверное, генетическое чувство сострадания русских людей, воспитанное видом несчастных каторжан, проходивших этапами по всей истории нашей Родины. Народ не мог вызволить страдальцев из лап неправосудия, но он сочувствовал им, а может, чувствовал, что «от сумы да тюрьмы» нет спасения никому. Такая «лирическая» мысль рождена легендами и мифами, но человек больше склонен верить легенде, чем «научному обоснованию», потому что в каждой легенде есть утопический оптимизм «трех сестер» — веры, надежды, любви. Научное же «обоснование» всегда повергало человека в бессмыслицу безвыходности или в отсутствие будущего.

Тревога за отсутствие будущего у человечества — доминирующая мысль той работы, которую написал Андрей Сахаров в 1975 году. Не знаю общего названия этого труда, он состоит из нескольких частей, а именно «Введение», ч. I. «Советское общество», ч. II. «О свободе выбора страны проживания», ч. III. «Проблемы разоружения», ч. IV. «События в Индокитае и на Ближнем Востоке», ч. V. «Либеральная интеллигенция на Западе, ее иллюзии, ее ответственность» и «Заключение».

От редакции. Статьи «О национальном альтруизме» и «После Съезда», написанные до и в период работы I Съезда народных депутатов, даются в авторской редакции.

В «Заключении», в частности, сказано: «В «Размышлениях о прогрессе...», «Памятной записке» и других своих выступлениях я выдвигал ряд предложений о необходимых внутренних реформах в нашей стране, о желательных изменениях в международных отношениях, призывал к международной защите прав человека». К сожалению, незнаком с его «Размышлениями» и «Памятной запиской», как и с другими выступлениями А. Сахарова, кроме указанной работы.

В настоящее время в нашей стране происходят реформы и изменения, часть которых продвигается довольно успешно. Это создание наибольшей открытости, гласности и критического отношения к управлению и экономике, то есть демократизации. На эти процессы, вполне вероятно, оказали и оказывают благотворное влияние все прошлые выступления академика, с которыми, несомненно, были ознакомлены в свое время высшие номенклатурные работники и чиновники аппарата власти. До широкой массы граждан нашей страны все это доходит спустя десять и более лет, что, конечно, несколько снижает актуальность сахаровских заявлений и предложений. Поэтому коллективный разум страны, который не может состоять только из академического, вновь отстает, и возможны варианты нового застоя, что уже проявилось, «по мнению многих», в виде Указа «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления». Это особенно касается понятия «дискредитации высших органов государственной власти и управления СССР, иных государственных органов, образуемых или избираемых... а равно общественных организаций и их общесоюзных органов», за что предусмотрено уголовное наказание. Здесь л и ц о, возглавляющее любой орган власти, всегда может непосредственно д и с к р е д и т а ц и ю своей деятельности отнести на руководимую организацию и применить Закон в ущерб «дискредитирующего» или критикующего, как это было всегда, ибо наш правовой институт пока далек от совершенства.

Опасения по этому поводу имеют основания. Напрямую и косвенно только что прочитанное мной сочинение А. Сахарова можно рассматривать как попытку оскорбления и дискредитации не

только отдельных органов и организаций Советской власти, но и всего советского общественного института. Хотя, как я уже сказал, не отрицаю благотворной роли борцов за права человека в происходящих сегодня переменах.

«Советский гражданин,— говорит Сахаров,— порождение тоталитарного общества и до поры до времени — его главная опора». А посему автору этих слов причина и следствия «тоталитаризма» видится в «несвободе выбора страны проживания». Не могу судить, насколько сам академик был ограничен в этом выборе и с чем это было связано, но абсолютно согласен, что лично я есть порождение того общества, в котором родился и вырос, и со стороны академика я не замечаю большой заботы о моих правах на выбор. И он и я понимаем, что мне выбирать не из чего: родился в Курской области, семья потеряла в войну отца и в оккупации, утратив обыкновенное жилье, в 1944 году была переселена правительством в Крым, хотя теперь при желании я мог бы вернуться на место рождения или переехать в иную область, что многими из невольных переселенцев и сделано. Иная «страна проживания» для основной массы населения СССР просто немыслима. Поэтому «заботы» академика не простираются дальше забот меньшинства граждан, имеющих возможность поселиться и жить в стране иной, более благоприятной и благополучной для их жизни. Говорить о людях, желающих покинуть Родину, раньше считалось неприличным. К желанным странам обитания, само собой разумеется, относятся те, которые считаются высокоразвитыми. Время мессианизма кончилось, и вряд ли кому из желающих сделать «выбор» места проживания приходится руководствоваться альтруистическими чувствами, о которых неоднократно поминает борец за права человека. И не этими чувствами руководствуются все те, кого он защищает в своих заявлениях как своих несчастных сподвижников и единомышленников.

Рисуя советское общество, академик грешит немногим и в основном критически справедлив: короткий двухнедельный отпуск, продолжительная рабочая неделя, отсутствие прав на выражение своего несогласия, низкие пенсии и пособия, принудительная «добровольность» труда, отвратные жилищные и бытовые усло-

вия, низкое качество образования, медобслуживания, низкая зарплата, люмпенизация, разврат и пьянство, и опять же ограничение свободы передвижения даже в пределах страны в связи со сложностями прописки и приобретения жилья, а равно и невозможность заграничных поездок, даже туристических. (Сегодня можно говорить еще и о жутком разделении общества, при наличии всего нищенского и убогого,— появлении легальных и подпольных миллионеров.) Сахаров осознает, что «эта глава получилась-таки, по обычным нашим стандартам, довольно «злопыхательской».

Без малого пятнадцать лет спустя глава эта, повествующая о жизни советского общества, никому уже не кажется таковой. Однако нельзя утверждать, что все эти черные краски были видны в то время лишь одним глазам «диссидентов».

Синдром инакомыслия присущ всем здравомыслящим в не меньшей степени, чем самому Сахарову или Солженицыну и остальным, кого перечисляет академик в своих записках как страдальцев за права человека. Я не могу сказать, что их страдания недостойны доброго слова. И когда при очередных актах осуждения их деятельности раздавались «голоса из народа», мне лично было больно и стыдно за этих «рабочих», «ткачих» и «ударников коммунистического труда», произносивших по бумажке почти оскорбительные речи в адрес «заблудших пасквилянтов» на наш строй. Обвиняя последних во лжи и клевете, эти общественные обвинители вольно или невольно мало чем отличались от «пасквилянтов». Но я не мог высказаться, знаю, что не один я, а многие не могли, ясно и четко: в чем же заблуждаются и те, и другие. Хотя вроде было понятно: и диссиденты, и их судьи не говорили всей правды. А полуправда — всегда ложь. Но ложь — не заблуждение, а своеобразное «мировоззрение».

Правда состоит в том, что все человеческое общество движется к мировой экологической катастрофе. Сегодня можно утверждать, что почти каждый человек осознает это. Говоря о людях, которые уже давно «выступили с идеями, порожденными осознанной ими уже тогда глубокой тревогой за судьбу человечества»,

Сахаров называет имена Эйнштейна, Рассела, Бора, Крассена: «Они призывали к защите прав человека во всем мире, к национальному альтруизму, к осуществлению «открытого мира». «Тогда» — это сразу после второй мировой войны или вскоре, когда было изобретено и создано оружие массового поражения — ядерное и термоядерное. По словам Сахарова, люди эти «выступали за демилитаризацию, за помощь слаборазвитым странам, за укрепление ООН, за мировое правительство». Официально за это же всегда ратовала и наша идеология. Кроме, может быть, «мирового правительства», демилитаризация, укрепление ООН (борьба за мир), помощь слаборазвитым впитались в плоть и кровь нашего народа.

Смею утверждать, что с детсадовского возраста и до седин советский человек воспитывается в духе интернационального альтруизма!

Я помню голод 1947 года, и никакой академик ничего не может добавить (или убавить) к моим физическим ощущениям тех лет, когда — в тот самый год! — эшелоны с хлебом наша страна отправляла в «помощь слаборазвитым», наверное. Об этом свидетельствуют кадры кинохроники, которые не столь давно демонстрировались по телевидению.

Не знаю, может быть, и теперь я еще не имею права высказать свое мнение, но осмелюсь, не призывая «к изменению советского строя», заявить, что на сегодня я пресыщен своим НАЦИОНАЛЬНЫМ АЛЬТРУИЗМОМ, к которому призывали меня в те и последующие годы сторонники идей Эйнштейна, Рассела, Бора и Кассена, в том числе А. Д. Сахаров и его единомышленники.

Мое национальное самосознание очень низко и грозит опуститься еще ниже из-за низкого качества образования, о котором плачет Андрей Дмитриевич академическими слезами, создающими некоторую аберрацию зрения, позволяющую ему заявить: «При приеме в высшие учебные заведения и в аспирантуру — множество сознательных несправедливостей; из них особенно известна антиеврейская дискриминация». Фашизмом он назвать это не решается, но «антиеврейская дискриминация» — тоже зву-

чит. Правда, в другом месте своего труда академик пытается смягчить слово «дискриминация», объясняя его как «раздражение в силу традиций, невежества, предрассудков и различных форм конформизма». «Формы» эти якобы «переадресовываются на интеллигенцию (которая сама является угнетенным слоем), на людей других национальностей (на евреев в России, Белоруссии и на Украине, на русских в среднеазиатских и Прибалтийских республиках, на армян в Азербайджане и Грузии, и т. д.). По сути, в «национальном вопросе» Сахаров ставит все точки над «и»: Россия, Украина и Беларусь — это славяне, и им, по мнению академика, присущ только один вид национальной розни — «антисемитизм», как его именуют. Перефразируя известное выражение, можно сказать: если антисемитизма нет, то его надо выдумать. А поскольку его выдумали задолго до перестройки, то в ее условиях он непременно появился как некая угроза в виде общества «Память». Даже если эта «Память» никому не угрожает, находятся люди, активно принимающие на себя роль трубы «иерихонской». Неизвестно только, почему угрозы евреям шлют евреи, как это было недавно в Ленинграде? Вероятно, славяне, то есть русские, украинцы и белорусы, не желают исполнять пророческих предвидений Сахарова по антиеврейской дискриминации, а продолжают пребывать в своем — увы! — национальном альтруизме. Я почему-то убежден — могу же я знать свой славянский характер? — что антиеврейских выступлений в этих республиках сторонники единого мирового правительства не дождутся, хотя спровоцировать их попытаются. Но вот тут-то так не понравившийся многим Указ о дополнениях по уголовной ответственности в части «нарушения национального и расового равноправия при отягчающих обстоятельствах» должен сыграть свою положительную роль. Славяне будут спать спокойно, лишь подонки будут нарушать их сладкий альтруистический сон.

Не хотелось бы почтенного академика в почтенном возрасте уличать в предвзятости его мыслей по национальному вопросу, но вся его работа пересыпана белым дустом русофобии на многих страницах, полных риторики подобного рода: «Право на свободный выбор страны проживания подтверждено в ратифициро-

ванных СССР пактах о правах человека. Это право имеет первостепенное международное значение для обеспечения международного доверия и открытости советского общества, что существенно для безопасности всего человечества». Если это не намек на то, что граждане еврейской национальности подвержены у нас особой дискриминации, то на что другое намекает он? «Я особенно подчеркиваю,— говорит он,— гуманистическую сторону вопроса — тысячи людей, желающих соединиться со своими близкими, исходя из национальных побуждений (разрядка моя.— **В. З.**), стремящихся избегнуть национальной или иной дискриминации, национального унижения, преследуемых властями...— все они должны иметь это право».

Сегодня мы знаем о трудностях людей, пытающихся получить визы для выезда и воссоединения семей, но склонны считать заведомой ложью его слова: «Я знаю, что у очень многих евреев родственники за рубежом, что обстановка то скрытого, то явного национального унижения, иногда фактической дискриминации, бесперспективность в работе особенно часто заставляют людей еврейской национальности принимать решение об отъезде... Но сводить всю проблему к еврейской эмиграции — недопустимо».

Почему вдруг недопустимо? Ответ Сахарова: «Такая подмена выхолащивает общесоциальное и международное значение права на свободную эмиграцию и возвращение людей».

Сказано темно, но вроде бы умно. А если проще? Окажется, что у многих евреев есть родетвенники за границей, с которыми здесь живущим просто необходимо воссоединиться по признакам национального альтруизма (?), то понятно. Но если у огромного большинства русских, украинцев и белорусов там нет этих родственников и соединяться не с кем, то при чем здесь «общесоциальное и международное значение»? Но тоже понятно, при чем: надо разрешить всем, но кочевать туда-сюда будет малая часть. При всеобъемлющей тяге к оседлости это может кому-то не понравиться. Поэтому Сахаров и говорит: не надо, мол, утверждать, что челночная страсть есть только у одних. И: «Наконец, эта подмена дает возможность нашим властям поддерживать традиционный антисемитизм». Вот, оказывается, в чем дело! Затруд-

няя выезд евреев из СССР, наши власти распаляли русофильство и юдофобию. Сахаров ведь знает, что из любой страны выехать трудно в различной степени любому человеку, если государство считает его д о л ж н и к о м. И наоборот, каждый человек стремится убежать от своих кредиторов. Это естественно. Может быть, в этом бóльшая часть проблем для всех изъявивших желание уехать? Но надо ли создавать и усугублять проблемы, возводя «антисемитизм» в «традицию»?

Насколько мне известно из печати, новая семья Андрея Сахарова преодолела все эти проблемы с завидной легкостью. Но проблемы миллионов семей колхозников и рабочих не может решить «Декларация прав человека». Поэтому заявления Сахарова, с которыми я теперь имею возможность ознакомиться детально, воспринимаются как некий инопланетный шум или случай с космическими аппаратами «Фобос-1» и «Фобос-2». Так далеко это от народного бытия, что я теперь прощаю тех «рабочих», «ткачих» и «ударников коммунистического труда», осуждавших в свое время не своими словами выступления диссидентов. Народ остается на прежних позициях борьбы за мир, демилитаризации, помощи слаборазвитым, хотя в результате постоянного альтруизма он по уровню жизни ниже этих слаборазвитых. В сталинские, хрущевские, брежневские времена русский народ снял свою последнюю рубаху. И как ему теперь с голым задом являться пред очи единого мирового правительства? Любой народ — это народ. Мир убедился, что силой не справиться даже с малочисленными народами Вьетнама или Афганистана, которые стоят за свою национальную независимость. Наверно, никто из агрессоров не может помышлять и о военном порабощении народов СССР.

А что же такое «единое мировое правительство»? Может, это один из способов мирного угнетения. На данном этапе развития цивилизации иначе понимать нельзя. Может быть, планета к тому придет. Плохо или хорошо это — зависит от того, каким будет само правительство.

Сейчас стало понятно, кто такие «космополиты» конца сороковых и начала пятидесятых годов, которые пострадали от ста-

линских репрессий, благодаря возможности ознакомления с идеями Сахарова. Но понятно теперь, откуда растут ноги мировой русофобии — от нас! И не без помощи провозвестников нового строя. Странно, что во всей гласной печати, много публикующей эпизодов об ужасах сталинизма, лишь в одном случае есть робкие намеки на явления «русского национализма» — по «ленинградскому делу»! Расстрелянные в конце сороковых «ленинградцы» помышляли якобы об организации «русской партии». В то же время были и «космополиты», витавшие на крыльях идей Эйнштейна — Рассела — Бора — Кассена. Естественно, что сталинское правительство дрожало от тех и других. В хрущевские времена, а именно в начале шестидесятых — в самом начале! — среди слушателей совпартшколы (даже в Одессе!) не было евреев. Могу согласиться, что в то время на них было оказано негласное давление. О дальнейшем мы знаем — Хрущев был низложен. Просвещая либеральную интеллигенцию Запада, Сахаров шептал ей в 1975 году: «Той же переадресованной» (в адрес интеллигенции.— В. З.) природы — распространенная нелюбовь к Хрущеву, который, несмотря на многочисленные болезненные для страны «загибы» (такие, например, как жесткие ограничения приусадебных участков, бессмысленное и пагубное администрирование в сельском хозяйстве и в области культуры, усиление религиозных преследований, ужесточение режима в местах заключения и др.), все же внес ценный вклад во многих отраслях жизни (освобождение узников сталинизма, повышение выплат на трудодень в колхозах)...» И так далее, о чем мы знаем. Но Сахаров не говорит, что «загибы» Хрущеву были подсказаны некими академиками. В части экономики сельского хозяйства «проектами» академика Заславской под руководством Аганбегяна по сселению деревень и укрупнению колхозов в «бесперспективных» районах Нечерноземья. Областью культуры правила некая особа, без поддержки которой «вождь» не стал бы рвать ворот расписной украинской рубахи в беседах с поэтами и топать на них ногами. А тогда одаренных мальчиков, ныне маститых мужей мировой поэзии, наверно, потрясали классические вывихи рок-н-ролла, и им было непонятно, за что царь Никита на них сердится. Это же так

хорошо, когда дети разных народов могут мгновенно (через девять месяцев) все породниться — и никаких забот!

Продолжим перечень ценных вкладов Хрущева, по свидетельству просветителя западной интеллигенции: «...значительное увеличение пенсий, расширение жилищного строительства, поиски новых путей в международных отношениях, попытки улучшения стиля руководства, попытки ограничения привилегий «номенклатуры», попытки сокращения непомерных военных расходов — эти два последних начинания явились главной причиной падения Хрущева 11 лет назад».

Относительно того года, когда Сахаров это сказал,— одиннадцать лет назад. Четверть века спустя Горбачев предпринимает те же попытки. Спасти его от падения способно лишь одно: гласность. Мы знаем, что свержение Хрущева произошло под покровом какого-то «заговора». Если бы Хрущев был открытее в политике, то этого бы не произошло — народные массы его бы поддержали, несмотря на обилие расхожих анекдотов о нем. Анекдоты — это ум советского интеллигента, зачастую заимствованный.

У любого правительства есть два пути для удержания власти. Первый путь — жесточайший режим. Второй — полное доверие народу, то есть гласность и тоже — «жесточайшая». Иного пути нет. Народ никогда не помышлял о свержении той или иной власти, но способен свергнуть ее в революционном разоблачении.

Скрывая от народа идеи «мирового правительства», брежневское играло им только на руку.

Каковы бы ни были советский народ и советское общество, это все-таки общество и народ, отнюдь не малочисленные и не такие уж никчемные, как они представляются сегодня еще одному академику — Абалкину, концепция перестройки которого выражена короткой фразой: «Машины купим — народ не купишь»... Везет этому народу на академиков! То Лысенко с «ветвистой пшеницей», то Заславская с «ветвистыми колхозами», то Сахаров с «ветвистым правительством», то Абалкин с махровым неверием в народные возможности. Народ — гниль, рвань, пьянь. Одна интеллигенция цветет!

Речи официальных благовоний в адрес народа произносились всегда и всеми правительствами. Демагоги делали то же.

«Нет ни одного народа,— говорит и Сахаров,— который за одно поколение принес бы такие ни с чем не сравнимые жертвы». Но не для мольбы и поклонений говорится сие! Это говорится для слуха западной либеральной интеллигенции, чтобы не слишком обольщалась, когда настанет пора установить над ним власть «единую и мировую». «Его (народ.— В. З.) дрессируют — и он поддается дрессировке, чтобы жить. Он обманывает самого себя. Советский гражданин — порождение тоталитарного общества и до поры до времени — его главная опора. И я могу только молить судьбу, чтобы выход из этого исторического тупика не сопровождался такими гигантскими потрясениями, о которых мы пока не имеем даже представления. Вот почему я эволюционист, реформист».

Да уж! Революционером в век техпрогресса быть ученому, знающему силу созданного его наукой оружия, не подобает. К чести Сахарова сказать, он это понимает прекрасно. Отсюда и речь об эволюции и реформах. Страх перед русскими, овладевшими ядерным оружием, затмил сознание ученому, много приложившему сил к тому, чтобы это оружие было создано. Предостерегая леволиберальную интеллигенцию Запада от иллюзий по поводу мирных предложений СССР, он призывает ее к единству личностей и государств.

«Единство требует лидера,— изрекает наставник,— таким по праву и по тяжелой обязанности является самая мощная в экономическом, технологическом и военном отношении из стран Запада — США». В который раз «открыта Америка»! Политический Колумб ставит яйцо на острый конец. Пятнадцать лет спустя я узнаю, почему началась и потекла перестройка. Мне показалось, что о моем русском «традиционном антисемитизме» заговорили только сейчас: год, два, три назад. Как я был глуп и слеп! Надо благодарить Брежнева с его идеологическим кардиналом Сусловым: они упрятали от меня академика Сахарова в Горький, закрытый город, упрятали его «труды» под семь печатей КГБ. Это могли сделать только те люди, которые и впрямь считают

русских «традиционными антисемитами», вернее, юдофобами; ибо семиты — это группа народов Ближнего Востока и Африки, к которым у русских вообще ни страха, ни упрека, если не принимать всерьез стишки К. Чуковского: «Не ходите, дети, в Африку гулять!» Академик Сахаров вроде бы противоречит Чуковскому — он за права Танечки и Ванечки, которым без лишних проволочек надо предоставить возможность таких прогулок. Чуть ли не на каждой странице он напоминает: «Необходим, в частности, свободный обмен туристами, людьми, едущими для работы, учения, лечения, занятий (в особенности молодежи) на свободной народной основе, а не по рабским советским традициям ОВИРа...»

Сегодня я стою на тех же позициях: пора! Пора за границу туристами и для обучения посылать настоящих патриотов Советского Союза, а не только тех «тряпичкников» и «фарцовщиков», которые за определенную мзду устраивают себе поездки по странным командировкам отделов кадров. Пора! Иначе обо всем нашем народе иностранцы будут судить по этим русским спекулянтам, пройдохам и выжигам.

В благодарность хочу сказать, что Сахаров, Солженицын и многие диссиденты шестидесятых, семидесятых и прошлых десятилетий сделали немало, чтобы размочить сухарь гласности, застрявший в горле России сразу после революции. С кровью глотал его наш народ. Мычали, молчали, давились и корчились. В течение двух лет я пишу подобный сегодняшнему крик русского человека. Кто его слышит? Никто, кроме соседей, которым надоел по ночам стук моей пишущей машинки. Чем этот труд хуже сахаровского, не мне судить. Академики изобрели и сделали ядерную бомбу, а я живу под ней, как заложник гениев технического прогресса. В десятках километров от моего дома строится Крымская АЭС такими же руками, как мои, которые месят бетон и лепят помещения под атомный реактор. И академики говорят: «Строй, Ваня! Будет у тебя много электричества, много тепла и всяких удобств»! Только я этому не верю, и народ не верит. Но — строит! Жить-то надо? Зарплату, хоть она и самая низкая в мире, получать надо — не все же способны добывать деньги грабежом да

спекуляцией. Мы не рэкетиры, мы рабочие, невольные каменщики. Может, гроб себе строим, но деться некуда. Мы протестуем, подписываемся под воззваниями «Нет — КАЭС!», но строим и будем строить ее с полураздвоенным сознанием, как молчаливые самоубийцы. Строим Крымский Чернобыль. Есть надежда, что иностранные спецы определят зону строительства с сейсмичностью выше девяти баллов, выше той, которая определялась при утверждении проекта. Говорят, по ГОСТу она определялась в шесть баллов, как в том районе Армении, где недавно трясло на все десять. И нас призывают к национальному альтруизму. А кто мы в этом вот беспрецедентном случае?! Кто мы — все те, кому и в мысли не приходило обивать пороги ОВИРа, чтобы уехать куда-нибудь на Канарские острова? Сколько у нас желающих покинуть Советский Союз? Тысячи? Сотни тысяч? Или миллионы? Может, надо удовлетворить их желание, пойти на жертвы в конце концов, открыть для них границы... без права возвращения?

Может, я не понимаю «хитростей» внешней и внутренней политики. Даже скорее всего не понимаю. Но не моя в этом вина: ту политику, которую не понимают простые люди, обыкновенные трудящиеся, надо забывать самим политикам. Человечество не должно нести на своих плечах бремя расплаты за «тайны мадридского, кремлевского или вашингтонского дворов». Нет абстрактного добра или зла, а есть зло и добро реальные, и каждый человек весьма чувствительно относится к причинению ему именно этих реальных зла и добра. Что есть зло, мы конкретно можем определить: все есть зло, что ведет к экологической или термоядерной катастрофе, к убийству. И во все времена злом считалось убийство и все действия, прямо или косвенно ведущие к лишению или сокращению жизни.

Не убий, не укради, не лги, не прелюбодействуй — проповедь «пассивного» добра. Надо сделать так, чтобы эти принципы стали общечеловеческими этическими правилами поведения. По определению Н. Ф. Федорова, русского философа, современника Л. Толстого и Ф. Достоевского, ДОБРО ЕСТЬ ЖИЗНЬ И СОХРАНЕНИЕ ЖИЗНИ ВСЕМ ЖИВУЩИМ, а в перспективе и ВОЗВРА-

ЩЕНИЕ ЖИЗНИ ВСЕМ УТРАТИВШИМ ЕЕ, то есть ОТЦАМ НАШИМ.

Я стою на позиции Н. Ф. Федорова, автора «Философии общего дела», на позиции его понимания добра. А поэтому нахожу, что действия и заявления А. Сахарова, направленные к тому, чтобы за счет давления — экономического и политического — с Запада принудить Советский Союз к изменению форм жизни, не есть добро. Такое принуждение несомненно и в первую очередь отзовется усилением материальных тягот народа, что мы уже начинаем ощущать в процессе начавшейся в нашей стране перестройки, когда стали исчезать даже те малые блага для народа, которые еще как-то обеспечивались в годы застоя. Вновь появился термин «временные трудности», через которые якобы необходимо переступить при внедрении нового.

Ничто не ново в подлунном мире! Все уже было, и все способно повториться вновь. Ничто не ново...

«И послушал Моисей слова тестя своего, и сделал все, что он говорил (ему); и выбрал Моисей из всего Израиля способных людей, и поставил их начальниками народа, тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками и письмоводителями, и судили они народ во всякое время; о (всех) делах важных доносили Моисею, а все малые дела судили сами».

Это из книги «Исход», глава 18. Можно ли отрешиться от мысли об аналогии в не столь давнем правлении новоявленного «Моисея» (Иосифа), отличавшегося от древнего Моисея, может быть, лишь большей жестокостью да, что бесспорно, абсолютной беспринципностью, на каждом шагу нарушающего известные «заповеди»:

«Почитай отца твоего и мать твою (чтобы тебе было хорошо и), чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего (ни поля его), ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его (ни всякого скота его), ничего, что у ближнего твоего» (Исход», глава 20).

Что нового придумали люди с той поры? Да если то только, что разрешили себе и убивать, и лгать, и совершать прочие дела прелюбые! Но разве это «ново»?

Что хорошего сулит человечеству установление «единого мирового правительства»? Схема его та же: «миллиононачальники», «тысяченачальники», «стоначальники» и так далее.

В XX веке перевес в управлении сместился, главная роль отдана «физикам». «Лирикам» было предоставлено право лишь воспевать успехи «физиков». И последние преуспели. Сахарова, несмотря на его все «заботы» о людях искусства и культуры, можно и нужно относить к чистым «физикам». Сегодня уже сама природа оказывает им свое недоверие — она погибает от наших действий. Циолковский, Федоров принимали технический прогресс единственно как ступень для осуществления ОБЩЕГО ДЕЛА — сохранения жизни всем теряющим ее и последующего возрождения даже утратившим жизнь.

Ученые и послушные слуги их — инженеры уже работают с энергией, о которой, вероятно, сами еще не имеют окончательного и четкого представления — с ядерной энергией. Это — р е л и к т, язык, мозг, разум Космоса и Вселенной. Ученый-ядерщик, как бы «хорошо» инструментирован ни был, предстает сегодня в образе грабителя с «фомкой», пытающегося открыть сейф сокровищ. И если этот человек сам не чтит главной общечеловеческой заповеди (все эти «не лги», «не укради», «не сотвори», «не возжелай» сводятся в простом понимании добра к одной главной — **НЕ УБИЙ!**), то все его труды и открытия ведут к убийству.

И последнее — гласность.

Добро, если это добро, по определению Федорова, не имеет нужды и стремления таиться, скрываться, ограждать себя глу-

хими заборами секретности, только з л о совершает свои делишки втайне. Поэтому рассекречивание всех тайных обществ и организаций есть непременное условие устройства разумной жизни, и только для этой цели может быть создано Единое Мировое Правительство. Оглашение преступных действий — это уже само по себе есть н а к а з а н и е за преступление.

Зло бессильно в свете правды. Не «око за око» и «зуб за зуб», а всем тайным делам и организациям — всевидящее о к о г л а с н о с т и.

Не надо учить людей, как жить,— пусть они живут, как хотят и как могут, но, по возможности, оповещать большее количество людей о том, как они живут, и тогда вполне может оказаться, что наш народ, по мнению многих, живущий очень «плохо», на самом деле живет очень х о р о ш о с точки зрения сахаровского национального альтруизма.

Месяц спустя после написания этих заметок на вершине трибуны Съезда народных депутатов СССР благодаря телевидению я увидел фигуру академика Сахарова в образе известной вещей птицы, предрекавшей что-то.

Может быть, он вновь окажется прав, и через 10—12 лет мы вздохнем о несостоявшейся перестройке, и поднимется новый академик, чтобы обвинить нас, народ весь, агрессивное большинство, по определению ученых, во всех старых и новых бедах.

Но я не могу изменить своего мнения, высказанного здесь, в этих заметках, потому что имею на это такое же право, каким обладают и академики, выступающие за права человека, но призывающие меня к проявлению национального альтруизма. Я предъявляю к ним свои народные права и призываю их к альтруизму личному.

НЕ ВОЙНА, А МИР

Отгремела мартовская канонада в «Литературной газете»: **КТО ВИНОВАТ?.. РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ... ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ... ЧТО ДЕЛАТЬ?**

И правда, что делать? Мириться или воевать с теми, кто виноват, устроив революцию в России, в результате чего все оказались преступники, а потомки будут наказаны за преступления отцов?

Диалог Кожинов — Сарнов закончен. Продолжаем диалог! С единственной целью — прийти к миру. Сарнов усиленно и убежденно доказывает: «Я убежден, что русская революция — законнейшее дитя русской истории. Был глубокий многолетний, давний кризис (я бы добавил: вековой, тысячелетний, вспомнил Рюрика и т. д.— **В. З.**), упирающийся в хроническую неспособность разных р у с с к и х правительств как-то эти кризисные проблемы решить».

Ну, спасибо, Бенедикт Михайлович! Гениальный ход.

Значит, по-вашему, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Урицкий, Дзержинский, Джугашвили, Свердлов, Берия, Ягода, Каганович (огласите весь список, пожалуйста!) во главе с Лениным р е ш и л и? Что бишь они решили? Ничего они не решили. Тоже — п р а в и т е л ь с т в о! Пенсне в грязи и мальчики кровавые в глазах! Задавать вопрос, какова была власть этого правительства — народная или антинародная, как это делает Сарнов, я бы не стал. Эта власть хотела переделать народ, вероятно, затем, чтобы «решить к р и з и с н ы е п р о б л е м ы Р о с с и и». «Розги поме-

щиков» не возымели действия, социал-демократы револьверы взяли в руки.

«На мой взгляд,— говорит Сарнов,— дело совсем не в том, кто по национальности были эти люди, а в том, почему за ними (и выдвинутыми ими идеями) пошла значительная часть народа».

Это как посмотреть! Подходит к моему семнадцатилетнему отцу комиссар и говорит: «Филя, сколько у тебя земли?» А Филя отвечает: «Нет у меня земли».— «Пошли,— говорит комиссар,— воевать за землю, свободу и коммунизм. Все будет!» — «Айда!» — согласился мой батька. И понеслись они на тачанке, то с Махно, то против Махно. В двадцатом отцу надоело воевать, вернулся комсомолец, женился. А в тридцатом по пьяному делу по физиономии одному бухгалтеру-жулику съездил и еще как-то обозвал коротко. Ему за это много земли дали! Копал канал и тачками возил до самого сорокового года. Вернулся, еще меня успел родить, чтобы в январе сорок второго получить коллективный «надел» — братскую могилу.

Сарнов ведь обмолвился, что «он просто не любит антисемитов». Я к ним не отношусь, но тоже просто не люблю русофобов. И наша нелюбовь в чем-то сродственна, что и Н. Бердяев подтверждает, говоря, будто «русский мессианизм родствен еврейскому мессианизму». Один мессия замесил кулаком другого мессию, и разошлись очень удовлетворенные друг другом, почти как Кожинов с Сарновым: месили, месили и замесили — тот «за революцию», а этот «за Россию». Как там Бухарин соратника костерил: «...циник-убийца Каменев, омерзительнейший из людей, падаль человеческая». Во как! А Орджоникидзе, говорят, на Кавказе применял «физические выражения». Рыцари революции и герои гражданской войны! По этой части отец мой, Филипп Митрич, от них мало чем отличался. Это я понимаю без цитат.

Но дело сделано. Что же дальше делать будем? Кого звать намерены нынче на престол, ежели признать «хроническую неспособность разных р у с с к и х правительств» диагнозом окончательным? После революции в Кремле были, видимо, одни «хроники-параноики». Уж не подозревает ли их Сарнов в набожности, цитируя слова Н. Бердяева о «родстве» еврейского и русского

мессианизма? Приход какого же Мессии ожидался, когда с восторгом крушили христианские храмы? Если только Антихриста. Так что не надо бы поминать Бердяева всуе, говоря о мессианизме, он, вероятно, имел в виду нечто другое, отличное от того, о чем спорят Кожинов с Сарновым.

Последний в споре все время сползает к обезличиванию зла, гулявшего по стране во время революции, гражданской войны и последующих лет, а заодно и сегодня происходящего. Неизбежность в России русской революции видели многие. И многие делали все, чтобы ускорить эту неизбежность. Тут спорить не о чем. Сегодня творится нечто подобное. Все говорят, от политиков до юмористов, что так жить нельзя. А как жить дальше, никто не говорит, ни Совет Министров, ни Жванецкий. В семнадцатом году и раньше говорили те же слова: так жить нельзя. Попробовали иначе — плохо получилось, получился «социал-сталинизм». Русско-еврейский мессианизм оказался за колючей проволокой русско-еврейского сталинизма. Кто больше любил вождя народов: русские или евреи? Вот вопросик! Сейчас мы бьемся над его разрешением, докапываясь до происхождения палачей и их жертв.

Ругаться словами «сталинизм», «ежовщина» можно, наверное. Но почему же нельзя сказать, что были, хоть и немного, «свердловщина», «бухаринщина», «каганизм». Может, «троцкизм» тоже миф? Были эти явления! Были, и никуда от них не деться. Если слово «Свердлов» по желанию Сарнова хочется кому-то заменить словом «Оргбюро», то «сталинизм» так же заменимо на «Политбюро», а слово «Брежнев» совсем обезличить — застоем назвать, и ну его в болото. А чем отличается, например, «сталинщина» от «брежневщины»? Жванецкий бы сказал, что при Сталине «стоя сидели», а при другом — «сидя стояли». Потому — застой. Но при всех режимах были личности окаянные и микоянные. Окаянная голова при любом режиме в кусты летит, а вторая прячется. Сейчас у нас всех головы должны быть покаянные, как сказал Абуладзе Тенгиз. Да не тут-то было! Каяться никто не хочет, окаиваем друг друга. Значит, Бердяев ошибся: отличается мессианизм русский от еврейского. Спасителя никто не

ожидал и не призывает. Одни кричат: «Спасай Россию!..» Другие: «Спасайся, кто не может». Но негде спасаться — Земля оказалась маленькой планетой, биосфера амортизирована. И спасать всю планету надо частями — каждому «по месту жительства» заниматься спасением.

Русское еврейство заговорило о «культурно-национальной автономии», а такие разговоры напоминают крик «Спасайся, кто может!». «Мы наш, мы новый мир построим!..» — пели? Пели! Хором пели. А теперь решили, что с русскими ничего хорошего не построишь, появились «солисты» — эстонский фронт, литовский, латышский, армянский, азербайджанский и так далее. Против кого фронты те?

Если бы не было этой «фронтовой» обстановки в стране, то диалог между Кожиновым и Сарновым не возник бы. Мне так кажется. А что касается советского еврейства, то оно сейчас выступает в поддержку всех фронтов. Что ж, прикажете круговую оборону занимать? Сарнов ведь в шутку напоминает, что уже идет «гражданская борьба». Из опыта революции можно сделать вывод, что если русские снова ввяжутся в эту «войну» или «борьбу», то живота своего не пощадят, и Россия будет угроблена.

Можно поговорить и о мессианизме. Николай Бердяев сегодня бы, может, даже наверняка не стал бы утверждать, будто русский родствен еврейскому. Под «мессианизмом» я понимаю веру в с п а с е н и е и все предпринимаемые к тому меры. У русских он оседлый, у евреев кочевой. Первый — ленивый, второй — очень активный. Иначе говоря, русскому везде хорошо, а евреи ищут, где лучше. Это чисто внешние характеристики. Когда русскому человеку становится плохо, он стремится забраться в глушь, подальше от цивилизации, где его не тронут. Евреи же, наоборот, тянутся к центрам технического и культурного развития. Почему так, я не знаю, но это так. По-видимому, это неисправимые или весьма трудноисправимые душевные свойства. Надо ли их исправлять, я тоже не знаю. Попытки царского правительства установить «черту оседлости», естественно, не могли не вызвать среди евреев подъема активного революционного духа на рубеже XIX и

XX веков. Поэтому в русской революции командные пункты заняли евреи, жившие и не жившие в России, организуя ячейки. Надо ли это доказывать, если оно очевидно? И называть их «губителями русского народа» я бы не стал. Но после революции произошло нечто страшное, чему до сих пор нет объяснения. Сейчас это пытается кое-кто объяснить тем, что экономическое развитие России было весьма плачевно, чтобы совершить такую революцию в ней, страна была, дескать, не готова, не успев пройти этап буржуазной демократии. Но с таким же успехом можно сказать, что если бы Россия прошла этот этап, то революция была бы в ней и невозможна: народ бы не пошел за революционерами. Именно в отсталой стране возможен революционный коренной переворот. Пример тому дает история — ни одна из европейских стран не повторила «октября». Вожди наши этого не поняли, кроме, может быть, Ленина. Брестский мир их спас. Даже Троцкий, наверное, потом сообразил, что в реальной политике он мальчик по сравнению с Ульяновым. Вожди были не готовы к этой революции! Ни Россия, ни ее народы не виноваты в данном случае в том, что с ними случилось. Народ не искажал идей революции, он поверил, что она свершилась для него. А в последующем, как мог, сопротивлялся.

Троцкий говаривал, «что человек есть довольно ленивое животное». Кто сегодня согласен защищать Троцкого, должен разделить его мнение о человеке. Конечно, Лев Давидович в русском мужике видел это «животное», которое не хотело исполнять повеления революционных вождей. Сталин наверняка придерживался того же ви́дения. Особенно явно лень русского мужика стала им видна, когда после нескольких лет новой экономической политики мужик стал опасен, да еще и хлеб за здорово живешь не хотел отдавать «трудолюбивым» продотрядчикам. Не хлебом единым жив человек. Но без хлеба и самого Сталина скоренько можно отнести в Мавзолей вперед ногами. Кстати, у него голова от успехов его политики не кружилась, этот тиран обладал удивительным хладнокровием и чутьем.

Сегодня, когда его деяния преданы гласности и народному

суду, русский народ молчит. Почему он молчит, если воочию можно убедиться, что именно на своем хребту, хотя бы пропорционально численности, испытал наибольшее давление от планов коллективизации, индустриализации и потерь в Великой Отечественной войне? Почему?! А потому, что осуществлял это давление и угнетение многочисленный аппарат. Чтобы поработить великий народ, нужен был великий аппарат порабощения. В глазах простого человека этот аппарат стоит до сих пор! И что за дело простому человеку до того, что самым великим злодеем был Сталин, когда он знает непосредственного злодея, уводившего со двора последнюю корову! Может, Сталин и в самом деле таков, как его теперь размашисто рисуют, размышляет простой человек, вспоминая совсем иной портрет Сталина, но вот тот секретарь партячейки, все время говоривший, что «Сталин — великий вождь», а сам от имени вождя сующий под нос дуло нагана, и был злодеем с идейно искаженной душой. И когда этого непосредственного злодея с наганом сегодня называют «жертвой сталинизма» — это верно, на самом деле он является жертвой неудачного опыта с преждевременными родами. Вроде выкидыша. Сталин оплодотворил их своими идеями, а его акушеры кесаревым сечением получали советского человека.

Сейчас мы будем миллионы рублей тратить на переименование городов и улиц, названных именами этих акушеров. Придется народу пойти на такие издержки, ибо материальные ценности и богатства государства создает народ. У России нет и не было колоний, за счет которых она, как Великобритания или Соединные Штаты, получала бы «национальный доход». Только за счет своих наций. Великодержавные замашки у русских царей проявлялись. Было. Но русский мужик никогда не эксплуатировал грузинского мужика. Слава Богу, там своих князей хватало.

Мне трудно судить, как обстояло дело с национальным вопросом до войны, если случай с отцом не брать во внимание. Национальной проблемы, по-видимому, тогда не существовало: все были равны.

Подразумевается, что заключил всех «врагов народа» Сталин,

хотя все, как те крестьяне, у которых отбирали последний хлеб и сводили скот, должны были бы ощущать злодеяния начальных исполнителей сталинской воли в лице непосредственных акушеров человеческих душ. Но, как я уже сказал, среди «врагов народа» еврейского происхождения почему-то много литераторов, которые, конечно, разбирались, кто виноват. Сегодня в их мемуарах судейские тройки-трибуналы выглядят зачастую жалкими и безликими, но все же достойными снисхождения жертвами того же сталинизма. Да и разве упомнишь имена этих безликих, если нет у них особых отличительных черт, как, например, голубоглазость и русоволосость? Но эти черты встречаются и запоминаются хорошо, в мемуарах упоминаются. А мне это почему-то показалось сначала странным, пока я не поглядел в зеркало.

Мало, оказывается, провозгласить равноправие наций и принять закон об ответственности «за разжигание расовой и национальной розни». Такая трактовка ничего не говорит и ничего не дает. Чем эта «рознь» разжигается? Ну чем?

Надо признать, что со времен революции, когда был принят этот круглый, рассчитанный на «ваньку» закон, и началась испепеляющая пропаганда интернационализма, под пеплом тлела национальная рознь в виде внутреннего огня обиды и непонимания.

Иногда можно слышать (часто печатают такие письма): у меня, мол, мама русская, а отец чуваш, и как, мол, мне называться? Да какое мне дело! Называйся хоть ацтеком! Все же равны! И фамилию можно бабушкину взять.

Недавно поэт Евтушенко, наш бабушкин сын, заявил, что он-де русский, но ненавидит антисемитов. Ради бога! А кто их любит?! Правда, Евтушенко не обнародовал свое отношение к русофобам, вероятно, по-бухарински считает, что русские должны считать себя ни в коем случае не выше и даже не на уровне, а несколько ниже остальных народов, населяющих нашу страну. Вот тебе и мессианизм, когда один народ должен осознанно пригибать голову, чтобы шовинизма не было. Исторически русские люди к этому привыкли, осталось им на коленки бухнуться и

попросить прощения у всех за террор русской революции.

Обращение к истории связано всегда с оценкой настоящего. Если бы все было хорошо, то к чему поминать плохое, спрашивается? Наверное, ни к чему. Кожинов с Сарновым теребят раны истории, чтобы по ним найти «рецепт» для лечения сегодняшнего заболевания. Копают глубоко, до крови. И я снова хочу вернуться к реплике Сарнова о «многолетнем, давнем кризисе» России, родившем революцию — «законнейшее дитя русской истории». Кризис этот упирался «в хроническую неспособность разных русских правительств как-то эти кризисные проблемы решить». Очень ученая фраза! Не согласиться с ней невозможно. Недавно мы снова уперлись в кризис, и «разные русские правительства» — хрущевское, брежневское — хроническую неспособность доказали. Ленинское правительство тоже не решило, может быть, потому что сам Ленин вскоре после революции был отстранен от руководства... по болезни. Сталинское правительство с кризисами разделалось оригинальным способом, который русским никак не назовешь, даже если применить логику Сарнова. Но тут он невольно себя показывает (как историк) апологетом этого сталинского правительства, даже если его считать полностью русским по всем признакам. Кризисов не было! Машина работала как часы! Время эти часы показывали такое, какое нужно, то есть что хотели, то и показывали, а чего не хотели, того не показывали. Показывали в основном время радости и совсем не показывали время печали. Могли догнать, а могли и перегнать. Это уже мое время: война кончилась, началась «холодная война». Для народа это была еще и «голодная война». Теперь знаем, что в сорок седьмом мы делали бомбу. Американские стратеги разрабатывали планы «Дропшот», «Флитвуд», «Чариотира» и прочие. Никто не скрывает, что это были планы нападения на Советский Союз. Дело прошлое, планы остались планами, но дело было нешуточное. В книге «ЦРУ против СССР» Н. Н. Яковлев обширно цитирует А. Брауна, опубликовавшего в 1978 году «Дропшот». Конечно, это сумасшедший план или план сумасшедших политиков, но, вероятно, когда они его разрабатывали, то считались людьми вменяемыми.

Я позволю себе из книги Яковлева процитировать заключение объединенного разведывательного комитета, «основным элементом советской мощи» считавшего следующее:

«1) прирожденное мужество, выдержка и патриотизм русского населения; 2) отлаженный и четкий механизм централизованного контроля Кремля в советской орбите; 3) идеологическая привлекательность теоретического коммунизма; 4) доказанная способность советского режима мобилизовать прирожденный русский патриотизм в поддержку советских военных усилий; 5) способность русского народа и правительства вести войну в условиях крайней дезорганизации, как случилось в годы второй мировой войны».

Лестную оценку русского народа оставим на совести церэушников, хотя нельзя признать ее необъективной. И я не помышляю вскипать возмущением по поводу планов сорокалетней давности, которые теперь опубликованы, как устаревшие. Имею в виду «Дропшот» и другие. О новейших планах стратегов США в отношении России могу строить лишь вымыслы и фантазии. Хочется думать, что теперь эти планы имеют мирный характер. Но коль скоро зашел разговор о мессианизме того или иного народа, хотел бы обратить внимание на характеристику русского народа, данную ЦРУ. Можно подумать, что в этой организации служили и служат сверхгуманисты, мечтающие освободить такой прекрасный народ от «коммунистического угнетения». Только «освобождать» они нас намеревались так же, как жителей Хиросимы и Нагасаки. Что же им помешало? Американские военные психоаналитики не преувеличивали, говоря о «способности русского народа и правительства вести войну в условиях крайней дезорганизации». Каждый трудящийся человек нашей страны подтвердит, что жизнь его (не только война, но и мир) прошла именно в этих у с л о в и я х. Кто же, позвольте задать безадресный вопрос, дезорганизует эту жизнь? Имена назвать не могу, но общий ответ таков: дезорганизацией жизни нашего народа занимаются те, кому это выгодно. Народу нужна организация или по крайней мере такое положение, когда ему мешать не будут в деле организации собственной жизни.

В диалоге «Россия и революция», когда Сарнову нечего сказать, он задает вопросы сомнительной ценности. Например: «Выходит, Ленина отстранили от власти как — контрреволюционера? Забавно». Нет ничего забавного в таких делах — Ленина отстранили как организатора, который мешал остальным «тонкошеим вождям». Всю жизнь Ленин боролся с «ликвидаторами», они же его ликвидировать пытались сразу и в 17-м и в 18-м.

Анатомический вывод Сарнова о «хронической неспособности разных русских правительств» несколько отличается от вывода психоаналитиков СНБ (Совета национальной безопасности) США, но тот и другой, несомненно, продиктованы очевидностью условий «крайней дезорганизации», в которых пребывала Россия и пока еще остается. Правда, американские стратеги признавали, что в конце сороковых годов и страна, и народ, и правительство Кремля представляли для них довольно опасную организацию. Сарнову это надо тоже признать, но тут надо выйти за рамки одного государства и не стараться свалить все только на русский народ и русское правительство Джугашвили. Хоть за «железным занавесом», но государство развивалось не изолированно, тем более что это не Лихтенштейн, а Россия, хотя и бывшая, конечно. Теперь это был СССР. Сталина представляют сегодня в образе великодержавного и великорусского шовиниста, спящего с открытыми глазами на русской печи под заячьим тулупом, под воркотню бабки Матрены, забывая о том, что в 1929 году его провозгласили еще и вождем Коминтерна.

Передо мной «Правда» от 7 апреля 1989 года. «Страница истории», на которой беседует корреспондент с докторами исторических наук Ф. И. Фирсовым и К. К. Ширинем. Читаем: «С конца 1929 года Сталин был объявлен вождем Коминтерна, единственным истолкователем ленинизма. Все его суждения следовало воспринимать как истину в последней инстанции. Он фактически диктует Исполкому Коминтерна свои установки по ключевым вопросам политики коммунистического движения». Кто сделал такое объявление, не столь важно, если бы оно не играло ту зловещую роль в судьбе Коминтерна. Но объявили его таковым, вероятно, имея к тому достаточные основания, интер-

н а ц и о н а л и с т ы. В той же газете публикуется фотография Секретариата ИККИ после VII конгресса Коминтерна (1934 г.). Не откажу себе в удовольствии перечислить их имена: А. Марти, Г. Димитров, М. Эрколи (П. Тольятти), В. Флорин, Ван Мин, М. Москвин (М. Трилиссер), О. Куусинен, Д. Мануильский, К. Готвальд, В. Пик.

Не исключено, что Сталин видел себя в мечтах Главой Всемирного Коммунистического Правительства, а перечисленные товарищи — Министрами Мирового Правителя. Многие из них, после гибели более пятидесяти миллионов человек, заняли довольно важные должности в послевоенном мире. А тогда, в тридцать четвертом, в Германии уже окреп фашизм и мог нарушить мечты членов ИККИ Коминтерна. Конечно, надо было объединяться против угрозы Гитлера, который и сам не дурак был, тоже мировым правителем стать мечтал! Англия и Соединенные Штаты должны были выбирать между этими двумя «мечтателями»: кому помогать. Национализм — жуткая штука: если его разжечь — спасения не жди. Выбрали «интернационалиста» Сталина. Тридцатые годы были поставлены на карту. или — или! Что творилось в это время в Советской России, мы теперь знаем отчасти. Господи! Разве в такой «крупной игре» кто-то мог пожалеть этот «великодержавный» народ — русских! Загнали их в лагеря, в трудармии, в колхозы, а когда, несмотря на «хитрость» Сталина и Молотова, заключивших с Германией мир, а потом и договор о дружбе, Гитлер все же поддался провокации и пошел,— тот же народ мобилизовали, вспомнив о природном русском патриотизме, и, даже не снарядив как следует, швырнули под колеса фашистской машины.

«Мы победили!» Победил интернационализм — нацизм был разгромлен. Неужели доля русского народа столь мизерна в этой интернациональной победе, что теперь можно этот народ третировать?! Неужели кто-то сомневается в его интернационализме?!

А как же малые народы? Сталинские интернационалисты не разбирались: малые, большие — гуртом! Им виделась «победа коммунизма», после которой выдающимся интернационалистам расставят памятники по всей земле.

Я знаю, что русский человек никогда не выступит с притязаниями своего национального величия, как это сделала германская нация. Он не будет образовывать «русский фронт». Но все «языки сущие» в нашей стране должны хоть теперь понимать, что с исчезновением русского народа восторжествует «интернационализм», при котором даже украинцы и белорусы не будут котироваться как самостоятельные нации. Процесс интернационализации должен проистекать естественным путем, без насилия и искусственного оплодотворения наций идеями денациональных вождей и пассионариев.

Тот кризис, к которому привело нас брежневское правительство, «русское по форме, интернациональное по содержанию», при котором все народы нашей страны почти уже были объявлены советскими, должен был научить нас чему-то хоть. Но мы же интернационалисты по духу, а не по катехизису! И готовы были верить шайке коррумпированных людей, дорвавшихся к самой вершине, что социализм развитой построен, что создана даже социалистическая цивилизация, что идеология наша попрежнему ленинская, а партия Коммунистическая ведет нас семимильными шагами прямо в светлое будущее. Бескультурье правительства скрывалось за тиражами ученых от культуры.

Первейшая роль в национальной культуре принадлежит языку. В результате сталинской и последующей интернационализации произошли значительные изменения в сторону русификации иноязычных народов нашей страны. Если человек владеет родным языком в совершенстве, а творит, например, Ч. Айтматов или Ф. Искандер, на русском. Лично для них это приобретение является обогащением, слов нет. Что это дает их родным национальным культурам, я не знаю и не берусь судить, что дает такой опыт русской национальной культуре. Но русификация речи многих народностей при отвыкании от родного языка, несомненно, приносит ущерб национальным культурам. Русификация поощрялась интернациональной идеологией несомненно. Идеологами, но не просто русскими людьми. Конечно, русский народ не будет против, если все другие народы будут говорить на его языке!

Но сейчас заговорили об «опасности» русскоязычия, словно ее создает народ, создавший этот язык.

Диалоги, диалоги, диалоги...

И обязательно в них затрагиваются национальные проблемы. О чем бы ни говорили: о литературе, экономике, образовании или политике — разговор обязательно скатывается в «национальную обочину», хоть краешком, но сползет туда. Но каждый согласен, что любая национальная культура самоценна, как бы архаична и отстала ни была, все равноценны с остальными (буржуазная посылка). Русская культура имеет свою цену в ряду этом. И, конечно, никто открыто выступить против любой культуры не осмеливается, потому что это культура! Но есть и тут возможность выступить, например, с позиций «интернациональной культуры» показать бескультурье «отдельных людей» определенной национальности. Мишенью в данном случае всегда становился «русский мужик» как национальный тип. Мне лично еще не приходилось читать или видеть в кино, чтобы кто-то, кроме русских, сморкался очень неприлично или напивался до скотского состояния. В рассказах Искандера, которые я перестал читать, поэтому, может, много теряю. Но у него как только появляется парень с признаками Нечерноземья, то обязательно демобилизованный сержант, словарь которого в отличие от «людоедки Эллочки» состоит всего из одной фразы, и то неправильной. Ради бога! Я отнюдь не собираюсь «учить писать» всемирного и известного, но такой подход к русской литературе называется гопничеством на большой дороге. Русская литература — очень большая дорога. Русские писатели стесняются выпячивать недостатки национальных типов, считая, что это недостойно великого русского языка.

Очень деликатный разговор получился. Особенно при упоминании имени Солженицына. По выражению Чупринина, кто-то «хотел бы увидеть в Солженицыне не Солженицына, а нечто вроде русского «аятоллы». Опять «прежде всего». Но почему «кто-то»? В. Астафьев недавно заявил, что, возможно, наши потомки поедут за границу, чтобы поклониться, как сам он ехал на поклон праху И. Бунина.

Но вот уж чего не ожидал от Аллы Латыниной, что она «повторит подвиг», который хотел совершить я, сославшись на В. Астафьева! У ней особенная стать: «Сошлюсь на вывод авторитетного исследователя Солженицына Доры Штурман...» Жаль! Никто, выходит, не читал Солженицына, и тем не менее одни клеймили его в свое время, другие... ссылаются на Дору. Но ведь читали же вы! Молчок! Свое мнение высказать никто не хочет, критики ждут разрешения от кого-то, и мне никогда не понять этого! А поскольку всех пишущих в «Литературной газете» я отношу по принадлежности языка к России, то мне остается *только верить* Тютчеву, верить в Россию, но не Доре Штурман.

Деликатный диалог С. Чупринин завершает ссылкой на авторитет из команды «знатоков России», непререкаемого Ф. Искандера: «Боюсь, что споры эти (кто больше всех пострадал от командно-бюрократического насилия.— В. З.) пока не столько общественную мысль движут, сколько дают интеллектуальные аргументы «лавочникам». Фазиль Искандер, оказывается, стал разнообразнее — вот уж и «лавочники» появились, а то одни «удавы» да «кролики». Но чего боится Чупринин? Ах, да! «Кроличий синдром», хотя и «удавье» что-то в этой фразе уже вырисовывается: не пора ли споры сии придушить, мол? А то как бы чего не вышло. Нет, братцы! Вы уж спорьте и дальше! На русском языке это очень здорово получается.

ОТ ЗЕМЛИ ОТЧУЖДЕННЫЕ

К рабочему не приедет московский корреспондент, чтобы взять интервью на тему о перестройке, поэтому я сам перед собой поставил задачу: сделать сообщения личного характера, поделиться собственными соображениями и тревогами в свете текущих моментов и событий.

Дотошные журналисты по этой фразе должны сразу же уличить меня в плагиате. Для тех, у кого возникнут затруднения в деле разоблачения, облегчаю следствие: «зачин» для своей статьи взял из книги «Если по совести», изданной в Москве «Художественной литературой» в 1988 году. А «обокрал» очень известного драматурга, автора знаменитой «Премии» — пьесы, с успехом прошедшей по всей стране и теперь незаслуженно забытой. Она, как известно, была отмечена и упомянута на одном из Пленумов ЦК по идеологической работе самим Сусловым.

Если по совести, то, когда пьеса шла на наших телевизионных экранах, у меня, бригадира комплексной бригады судосборщиков, особого восторга не вызвала. Это мое личное мнение, не лишенное элемента предвзятости: я с недоверием относился к Суслову, «главному идеологу», поэтому его похвалы даже в адрес хороших произведений могли во мне вызвать неприязнь. Но вот компилирую первый абзац статьи «Время собирания сил» А. Гельмана (плохую лошадь вор не украдет!) и уже этим снимаю с себя возможные подозрения в неуважении к автору знаменитой пьесы.

Характер текущего момента перестройки определяется выборами народных депутатов СССР. Особенность его в том, что советским людям впервые предоставлено право на участие в политических играх, называемых предвыборной кампанией, и здесь

перед избирателями выступает не один достойный из достойнейших, а два-три кандидата на это звание. Трудно себе представить ситуацию, что избиратель окажется в положении «буриданова осла» — выбор будет сделан, и бюллетень опущен в урну для голосования.

У огромной массы избирателей интерес ко всякого рода выборам раньше проявлялся весьма своеобразный: чем разнообразнее был ассортимент торговли в день голосования вокруг избирательного участка, тем он был активнее. Когда-то эти дни были днями добавочных великих праздников. В последнее время застоя они превратились, несмотря на музыкальное оформление, в унылые «праздники бюрократов». Что есть теперь — видно. Но рабочие инертны, и большинство из них взирало на листовки с ликами соревнующихся кандидатов равнодушно. А по тому, как ведут себя на выборах рабочие, можно сказать, в какой степени их затронула общая перестройка.

Рабочий класс считался гегемоном: «Рабочие и колхозники! Добивайтесь высоких...» Чего? Показателей в труде, вероятно. Передовая роль рабочих не выпячивалась, но подчеркивалась. И если мы заглянем в свои биографии, многим из нас припомнится детство, проведенное в селе. А отцы-матери и дедушки-бабушки непременно, хотя бы той или другой половиной, окажутся сельскими в прошлом жителями. У многих молодых рабочих и сейчас родители — там же. Может, поэтому рабочий класс и считается гегемоном и авангардом, что он родился от избиения крестьянства? Не иначе! Откуда бы взяться столь многочисленному отряду рабочих, если не из разоренных колхозников? Как это происходило и происходит на нашей земле, описал Василий Белов в своих романах «Кануны», «Привычное дело», а особенно популярно изложил в очерках «Ремесло отчуждения».

В результате этого отчуждения рабочий класс наш настолько окреп и увеличился по численности, что страна действительно превратилась из аграрной (отсталой?) в индустриальную (развитую?). На этом основании «академик» Афанасьев в своих теоретических трудах назвал социализм, построенный в нашей стране, развитым. Даже главный редактор «Огонька» Коротич скло-

нен упрекать «академика» в некотором преувеличении развитости. Но разве мы не построили тех огромных промышленных предприятий от субтропиков до Заполярья? И от Полесья до Чукотки? Построили! И все они дымят, гремят, работают. Работают, порой на уничтожение природы и окружающей среды, в том числе и самого человека. Стройки огромны, планы огромны, и средства несчетны. Откуда средства берутся, ясно. Госбюджет! А госбюджет откуда? Кем создаются доходы государства? Наверно, всем народом. И по планам госбюджета все время предусматривается дальнейшее развитие и расширение промышленных предприятий. А что может сотворить отчужденный от земли человек? Он не только реки поворотит, но и горы свернет и моря вычерпает! Арал — это лужица! Отчужденный от земли гегемон способен если не осушить, то перемутить Великий, или Тихий, океан. Валентин Распутин бьет тревогу за состояние вод Байкала и Катуни. А между прочим, мы уже прорвали озонную простыню над земной колыбелью, как именовал планету К. Циолковский. Не сегодня завтра сбросим совсем это защитное покрывало еще одним неосторожным движением — и пожалуйте бриться! Если к тому времени человечество не облысеет окончательно.

Кто это все создает? Гегемон! Рабочий класс всех времен и народов. А откуда он появился, мы уже знаем — из деревни. Пришел он оттуда неграмотным, в лаптях, с котомкой, скоренько обучился новому ремеслу и стал орудовать.

Наряду со всякими «культами личностей» не кажется ли хоть кому-то, что у нас создан ложный «культ рабочего класса»? Мне трудно проанализировать и определить точно, кто создал «культ Сталина». Может быть, Иосиф Виссарионович вызвал в кабинет Лазаря Моисеевича и приказал: «Создать мне культ!» Надо знать, каким тираном был Сталин, чтобы не сомневаться: Каганович не мог ослушаться и выполнил приказ. Но я знаю точно, что рабочий класс не вызывал в свой «кабинет» свору борзописцев и сладкопевцев, не давал указаний. Однако культ рабочего человека в нашей стране существует, и не менее ужасный, чем сталинский, хотя сами рабочие от этого культа, кроме мозолистых культей, ничего не имеют. Простой человек не противится, если его хва-

лят, значит, это кому-то нужно. Что творилось в «лучах сталинского культа», мы узнаем — беззаконие и произвол, направленные прежде всего против народа. Даже сталинский террор против интеллигенции в итоге отрицательно сказался на том же рабочем человеке или колхознике.

Поэт Евтушенко в известной статье «Притерпелость» из той же книги «Если по совести» склонен упрекать народ в рабском повиновении сталинско-бериевской тирании. Он давно заметил, что рабочий человек не всегда соответствует плакатному образу. В поэме «Просека», если мне не изменяет память, Евгений Александрович заметил, что в натуре может быть «рабочий хам, рабочий — лодырь». Возможно, кто-то уже пожурил поэта за его «храбрость», в нелицеприятных выражениях проявленную. Со своей стороны скажу, что не просто есть, а очень много среди рабочих и хамов, и лодырей, однако пропускать рабкласс сквозь строй строк, этаких поэтических шпицрутенов, даже если руки поэта в «лайковой перчатке», не очень поэтично. От рукоприкладства те хамить не перестанут. Мы уже научились так лениться и лодырничать, что некоторым даже медали выдают «За трудовую доблесть», хотя награды эти надо бы назвать «За трудовую подлость».

Культ Сталина развенчан и растоптан после его смерти, и то сразу это сделать не удалось, а должно было пройти более тридцати пяти лет, чтобы кумир окончательно пал.

Культ рабочего человека растоптать никому не удается, ибо мы живы и нас очень много. Мы, рабочие, только светимся при этом культе, получая от него «моральное удовлетворение», а кто-то на этом же огне жарит каштаны, вытаскивая их для себя нашими же руками. Их много во всяких учреждениях!

К месту скажу, если не к месту — пусть поправят, что «культ колхозника», не считая известной скульптуры Мухиной и символического серпа с колосьями на гербе, намного бледнее «культа рабочего». В быту имело хождение брезгливо-презрительное определение: «колхозник», «колхозничек». Никто не выражает свои чувства так: «Куда прешь, рабочий!» Все знают, что «рабочие

сделали революцию», «рабочие построили государство»... Под руководством, конечно.

Итак, отчужденный от земли крестьянин, становясь рабочим, превращался в гегемона, и ему был создан культ. Построенные рабочими руками промышленные монстры стоят и дымят, а то, что создавал колхозник, где оно? Нету! Съели. Да так чисто подметали, что самому производителю есть было нечего. Когда в городе с едой стало туго, тогда все осознали: нужна перестройка.

И она была начата. Референт Хрущева Федор Бурлацкий, всенародно вопрошающий, какой социализм мы построили или какой социализм нужен народу, не даст соврать, что «химизация и интенсификация сельского хозяйства» были придуманы не одним Никитой Сергеевичем (у него было свое «окружение») именно в целях перестройки и решения Продовольственной программы. Но что-то помешало Хрущеву создать в лице колхозника «культ сеятеля кукурузы». Гегемонизация промышленного работника продолжалась и продолжается. Загрохотало слово агропром. Варварскими способами огромные массы отчужденных от земли людей были переброшены в степи Алтая и Казахстана. Был мгновенно воздан культурный ореол целины и целинника. Все это делалось на глазах ныне живущего поколения, мне нет нужды пояснять, как этот культ создавался. Одновременно гремели бум БАМа и «Ура! Ангара!». Терпеливый народ пел великолепно написанные песни, чтобы заглушить стон уничтожаемой в «битвах за урожай» земли. Стоны просек в тайге, удушье рек в плотинах. Вряд ли настоящие колхозники были «новоселами на земле целинной». Но, может, были, хотя в колхозах их уже недосчитывались, а студенты и доценты по осени надевали резиновые сапоги, чтобы ехать «на картошку», из которой получают крахмал для академических белоснежных сорочек.

Сегодня спросите рабочего любого промышленного предприятия: как у вас с перестройкой? «Никак»,— в лучшем случае будет ответ. В худшем — этот вопрос вызовет нервозность, и рабочий начнет перечислять, чего нет теперь в магазинах. А за время перестройки многое, что еще застаивалось и залеживалось на

прилавках, стало исчезать, и надежд мало, что исчезнувшие товары и продукты появятся скоро.

Но появился «индекс цен». Словосочетание это любят повторять очень умные, видно, люди. Рабочий человек прекрасно видит, что этот «индекс» очень сильно растет. Если Евтушенко возмущается положением, когда пожилая супружеская чета не имеет возможности купить на свою серебряную свадьбу бутылку шампанского, то я вот думаю, мы с женой, непьющие вообще, в свой юбилей устроили бы чаепитие с конфетами... А в магазинах полгода ни чая, ни конфет. Конфеты теперь появились, но чая пока нет. Если московскому поэту туго с выпивкой, могу обменять бутылку водки на эквивалентное количество чая, а то у нас в связи с Указом 1985 года против пьянства весь чай кончился.

Но, если по совести, что рабочий думает о перестройке? Какая модель хозрасчета приемлемей? Или о том, как снизить себестоимость выпускаемых заводом металлоконструкций? Нет же! Мысли у гегемона самые утилитарные: как обеспечить себя продуктами питания и товарами первой необходимости.

Рабочие выпускают продукцию, которую сами не используют. Спекают они руду на камышбурунском комбинате, строят суда на верфи, производят удобрения. И мысли гегемона направлены на то, как перестроить прилавок в продтоварах, чтобы то, что колхозник сейчас производит, не исчезало в неизвестном направлении. Об этом думают все. Слышу, выступающая по телевидению академик Бехтерева говорит об этом же. Мысли рабочего и академика совпадают! Я даже с поэтом соглашусь, что неплохо во время дружеской беседы и пузырек шампанского распенить, тогда и речь у некоторых очищается по русской поговорке: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

Но сейчас мы все вроде бы «под хмельком» — говорим, что думаем. Гласность! Все ли способны соображать и отдавать отчет сказанным словам, зависит от «степени опьянения». Налицо похмельный синдром перестройки, обильно пьем словесный рассол полемики.

Пожалуй, первыми очнулись патриоты: Белов, Распутин, Ас-

тафьев. Естественно! Патриоты за трезвость давно стоят. Это писатели-интернационалисты выступают за «культурные выпивки». Вдруг Володя Тотельбойм приедет и скажет: «Выпьем, Женя, за перестройку!» А у того только-только брага новой статьи запущена. Разве это культура! Тьфу, руки липкие!

Так вот патриоты стали говорить, что делать: «закрестьянить» народ, во-первых; во-вторых, закрыть разрушительные стройки. В их среде началась настоящая перестройка.

Но интересную мысль, например, высказал академик Абалкин. Его теперь все должны знать, потому что «Комсомольская правда» его имя назвала «символом экономических реформ». Мысль академика не нова: духовная и экологическая сферы в нашей стране представляют «лунный ландшафт». И беспокоит при этом академика страшная догадка — «в первую очередь тревожит теперь, что мы разучились работать». Кого-то это совсем не тревожило, когда создавался проект «осушения Северного Ледовитого», то есть «поворота северных рек». Наверное, ученые люди были убеждены, что наши советские рабочие справятся с поставленной задачей! Теперь Абалкин сомневается. Где он был раньше? Словно «Ремесло отчуждения» В. Белова он не читал, а на основании самостоятельных научных изысканий сделал беловский вывод о том, что в народе исчез культурный слой — «гумус», носитель информации о рациональном труде. Убивается академик: «Ведь это же срам: Россия мастерами славилась, и сейчас есть мастера и хозяева, но нет слоя мастеров и хозяев. Нет качества массы». Страшно ему! Где же прорастут зерна его «экономических реформ»? И опять народ виноват: «Машины купим. Народ не купишь». Оно и верно: где взять триста миллионов народа? И куда этот денешь?! Академику вторит и корреспондет комсомольского возраста: «Пьянство, длинные очереди, хамство — везде, от автобуса до присутственных мест, изрезанные скамейки в электричках, унижение и уничижение...» Это — развитие той давней мыслишки поэта о том, что есть, мол, «рабочий — хам» и так далее. С интеллигентами спорить как-то неудобно: везде, значит — в е з д е, а не только в электричках. Имущий уши да услышит! Иногда и рабочие заглядывают в га-

зеты и читают, что там написано о поголовном пьянстве и хамстве на фоне лунного российского ландшафта. Как этот ландшафт превратить в цветущий оазис, никто не говорит. Молчат высоколобые.

А газеты прямо-таки взбесились: только о нашем «сталинском рабстве» да о сегодняшнем «поголовном пьянстве» в совокупности с проституцией и наркоманией писать стали. Позвольте тогда задать вопрос, уважаемые корреспонденты: как же в этаком обществе совершить перестройку?!

Вопрос хоть и риторический, но требуется ответ.

Уважаемые литераторы взяли на вооружение афоризм А. П. Чехова и выдавливают рабство... Только не свое лично, а из кого-то выдавливают его и готовы любому классику помочь, если тот не успел сам выдавить. Смотрю я на картину И. Глазунова (на репродукцию, конечно!) «Мистерия. XX век». Художник свел всех, чтобы не тянуть канитель, и выдавливает. Альберт Эйнштейн даже язык вывалил от давления Глазунова. Что я могу сказать? Идет перестройка. Интеллигенция освобождается от сталинского рабства, если классиков давить начали, значит, сильными себя почувствовали.

А мы — рабочие по статусу, созданному идеологией советской интеллигенции,— гегемоны, а этимон этого слова «р а б ы». Если мы из себя свое рабство выдавим или вычерпаем, как предлагают некоторые, то мы же р а б о т а т ь перестанем! Нас много на каждом предприятии, намного больше, чем корреспондентов-хамов и академиков-лодырей. Или таких нет?

Основная причина торможения перестройки в том, что интеллигенция не понимает нужд народа, а народ не доверяет сегодня интеллигенции. Это непонимание, на мой взгляд, выпукло и зримо проявилось в канун выборов в Советы народных депутатов. XIX партконференция взяла курс на демократизацию общества — на усиление и передачу власти Советам, выборным народным органам — и задала тон в расширении критической гласности. Критика, как известно, только выявляет, но не устраняет недостатки. Устранить их сможет только в л а с т ь. И власть эту мы сейчас выбираем.

Что же происходило в нашем избирательном округе? Выдвинули двух кандидатов. Один из них рабочий, другой интеллигент. И странная получилась картина. Ознакомившись с предвыборными программами на встрече кандидатов с избирателями, я, рабочий, выступаю против программы рабочего, призываю голосовать за программу другого кандидата — интеллигента. Тем самым вызываю «непонимание» со стороны администрации нашего предприятия и партийно-хозяйственных функционеров города — они за кандидата «из рабочих». К слову сказать, дохаживал свой депутатский срок рабочий нашего предприятия, «выбранный», как известно, во времена «развитого социализма», на закате развития. Попытка администрации избрать его на второй срок окончилась неудачей. Нашли нового рабочего с другого предприятия. Казалось бы, это же хорошо! Непосредственно власть отдать в руки гегемона, рабочего человека. Да в том-то и дело, что такая «передача» власти в руки рабочих, то есть выборы их в Верховный Совет, зачастую является лишь внешним блеском лучей «культа рабочего человека», а истинно народная власть только тогда будет служить делу народа, когда она будет именно культурной, но лишена всяких культовых элементов и групповщины.

Программа кандидата «из рабочих» предельно ясна для понимания и стоит того, чтобы привести ее здесь в первозданном виде. Она, несомненно, претерпела изменения в процессе предвыборной кампании за счет наказов и подсказов избирателей. Выглядела так:

«1. Строительство жилья в городах и сельских районах округа в соответствии с программой до 2000 года.

Для этих целей:

— произвести реконструкцию и расширение мощностей КПД городов Керчи и Феодосии;

— использовать ЗЖБИ АЭС для строительства на селе;

— оказать помощь индивидуальным застройщикам, обеспечив их материалами и кредитами;

— в городах Керчи и Феодосии организовать и содействовать строительству МЖК;

2. Развитие и укрепление базы коммунального хозяйства региона.

3. Строительство объектов культуры, учитывая интересы всех населенных пунктов».

И так далее, шесть пунктов «первой части» и четыре пункта-предложения «второй». Пожелав изложить эту «программу» в своей статье, чувствую, что увязаю в сахарном сиропе. Чего стоит, например, «четвертый пункт «второй части»:

«4. Обеспечить возможность законодательной защиты женского труда. Надо вернуть женщине образ мадонны с младенцем и навсегда покончить с позорным для нашей страны образом женщины с отбойным молотком».

В этом последнем пункте рабочий человек поднимает молот упрека над головами поэтов и композиторов, создавших некий «образ». Навсегда покончить! Не иначе. На то мы и гегемоны. Эта программа очень «нравилась» администрации нашего предприятия. Во время выступления против такой программы я увидел повернутые ко мне лица директора и секретаря парткома, в которых выражалось явное непонимание моего непонимания «истинной демократии». И тут же начальник юридического бюро предприятия выступил в защиту блистательной программы и мягко пожурил мое непонимание. А на совете объединения директор тоже упомянул, что вот, мол, некий рабочий нашего предприятия проявил политическую «неграмотность». Став гласным, я слегка спутал карты в их игре выборов.

Дело в том, что программа второго кандидата содержала в себе конструктивные предложения, осуществив которые он предполагал активизировать динамику власти Советов сверху донизу. Этот кандидат почти не увлекался произнесением глаголов в повелительном тоне: «провести», «использовать», «содействовать», «освободить» и «обеспечить». Всем должно быть ясно, что обеспечить все это можно, лишь выварив программу в рассоле рабочего пота. Но мне нужна такая власть, которая не будет упиваться сахарным сиропом планов и реконструкций, замешивая огромные суммы трудовых рублей госбюджета на дрожжах моего энтузиазма.

Как раз сейчас предприятие наше перешло на новые условия хозяйствования. Судя по сообщениям прессы, оно уже это сделало с 1 апреля 1989 года. Хочется думать, что это не станет первоапрельской шуткой, но на профсоюзной конференции прозвучал тревожно голос. Феодосийская газета «Победа» сообщала: «Среди самых болевых проблем на конференции названы несокращающиеся потери рабочего времени, плохое освещение в ряде цехов, низкие темпы жилищного строительства, антисанитария в столовых, рост заболеваемости из-за сквозняков в цехах, нехватка мест в детских садах, теснота в поликлинике. Все отмеченные недостатки отражены в принятом на конференции постановлении».

Можно сомневаться, что все недостатки отражены, но не приходится сомневаться в том, что в постановлении решено искоренить, устранить «все отмеченные недостатки».

Именно мысль главного экономиста предприятия сформулирована в повышенно-тревожном тоне: «...Если мы резко не сократим потери времени, материалов, не повысим производительность труда, сократив время на строительство судов, то останемся не только без премий, но и без зарплаты. Раньше можно было попросить помощь у министерства, сейчас же в штабе отрасли таких средств попросту нет. Надеяться «на дядю» не приходится. Планы и договоры надо выполнять. В противном случае коллектив окажется в положении банкрота».

Если вспомнить разговор академика Абалкина в «Комсомольской правде», он как раз и предлагает провести «пробную ликвидацию» убыточных предприятий. Не знаю, может быть, и надо попробовать — семьдесят лет экспериментируем! Как знать, не возродится ли родная беловская Тимониха в результате абалкинского опыта «ликвидации»? Но нашу администрацию вряд ли устроит вариант ликвидации из-за банкротства. Поэтому она горой стояла за кандидата-гегемона. Хотя вряд ли тут депутат-рабочий чем-то смог бы нам помочь. Все надежды на совокупный рабочий класс, на его энтузиазм опять же.

Что же сделано в административном порядке при переходе на хозрасчет? Во-первых, проведена переквалификация ИТР и служащих. Кое-кому повышены оклады и ставки, но все осталось на

своих местах. Произведена, во-вторых, перетарификация основных производственных рабочих. Тарифные ставки нам повысили. Но работаем мы по сдельно-премиальной системе. Сдельно — значит: сделал — получи, а не сделал — не получишь. Для рабочих это вроде денежной реформы 1961 года, но может оказаться еще и глупее.

Причем кратко сформулированная мысль главного экономиста, опубликованная в газете, намекает на то, что наше предприятие и до сего времени фактически находилось в состоянии неразоблаченного банкрота. Что же его может в таком разе спасти от ликвидации? Хозрасчет? Увы! Даже не будучи экономистом, можно догадаться, что спасти нас может избавление от первого отмеченного недостатка: потерь рабочего времени. Тут, конечно, нет прямого указания на то, откуда эти «потери», но намеки на давнее и недавнее евтушенковское определение «рабочий-хам, рабочий-лодырь» и комсомольско-абалкинскую характеристику — «пьянство, длинные очереди, хамство — везде» ощущаются.

Итак, в результате «хозрасчета» (банкротом себя признавать дирекция пока не хочет, хотя подпольно мы таковыми являлись) начнется... завинчивание гаек. Результаты нашей работы определяются чуть ли не в первые месяцы, а вот жилье, поликлиники, сквозняки, пустые магазины, спекулятивные цены — все, что отмечено конференцией и в прессе, это не первоапрельская шутка! Это у нас давно и надолго. Жильем — по всем программам! — мы будем обеспечены только к 2000 году.

Но пресса постепенно принялась за создание «культа кооператора». Культ рабочего еще силен, но скоро ему придет конец, если уже не пришел.

Есть у Маяковского метафорическое выражение «от мяса бешеный». Певец не подозревал, что наступит время перестройки, когда весь народ станет «без мяса бешеный». Ибо от вида телевизионных шоу московских красавиц сыт не станешь.

Мои предложения, если бы я был кандидатом в народные депутаты, вероятно, не отличались бы от программы забаллотированного кандидата «из рабочих», но были бы направлены в одну точку: уничтожить проповедуемый нашей идеологией культ

рабочего, приложить всю силу власти к повышению его культуры. И в программе второго кандидата в народные депутаты, который оказался кандидатом технических наук, я обнаружил саженцы и ростки конкретных предложений для создания культуры рабочего класса. Жаль, если они погибнут.

А если конкретно и по совести, то, как рабочий с тридцатилетним стажем, могу подтвердить, что отмеченные на заводской конференции недостатки работы являются самыми болевыми. Повторять не буду, но остановлюсь на одном — «несокращающиеся потери рабочего времени». Неясно, что подразумевается под этим. Непосвященный, но информированный прессой человек отнесет эти потери опять на счет того же «хамства рабочих» — пьянства, прогулов, опозданий. А это не совсем так, если совсем не так. Массовых загулов и прогулов целыми бригадами и участками за тридцать лет работы не видел. Если взять бригаду, то единичные случаи в известные времена невыходов на работу по вине рабочих случались. В исключительных случаях, может, раз или два за всю практику, я встретился с ситуацией, когда прогулявшего или опоздавшего некем было заменить и выполнение плановых норм от этого слегка напрягалось. Но мы находили выход в бригаде, которой руководил более десяти лет. В конце концов я мог обратиться к бригадиру смежников, который не отказал бы и «командировал» в мою бригаду того или иного специалиста. Так постоянно и делается. А если не загулял человек, а заболел? Или в отпуск ушел? В данном случае это «плановые потери». Они учитываются, но разве их можно точно рассчитать?

В каждой бригаде, на каждом участке есть скрытый ресурс производительности. Потери рабочего времени за счет пьяниц пустяки. Но никто не учитывает потери за счет плохой организации труда. А именно из-за нее, да еще из-за непоставки вовремя оборудования по межзаводской кооперации, из-за несогласованности и ошибок проектной документации у нас происходили и происходят срывы сдачи продукции заказчикам. И тогда план выполняется любой ценой. Цена эта известна и главному экономисту, и рабочему. Если рабочему заплатят, да заплатят «хорошо»! — то он все и сделает. У нас высокие заработки быва-

ли не у тех рабочих, которые постоянно заняты, а у тех, которые работали рывками. Это неплохие специалисты, умеют работать — так рвануть, что у кого-нибудь из отдела труда и нормирования лицо каменеет: много! Но сделать это лицо ничего не может: срежь нормы — в следующий раз (а он обязательно придет при нестабильности поставок) рабочий просто откажется выполнять роль тяглового рысака плана. Так мы и жили: наступал срок сдачи заказа — на него набрасывались как саранча! Откуда только администрация людские ресурсы брала при «несокращающихся потерях рабочего времени»! Сам директор, ежедневно посещая «сдаточный заказ», подъезжал на белой «Волге», как на маршальском коне, поощряя эти авралы.

Что изменилось при переходе на «новую систему»? Ничего, кроме упомянутых мною «переквалификации» и «перетарификации», пожалуй, не сделано. Провели несколько конкурсных выборов начальников цехов, вроде любительских спектаклей. Хочу вот, но никак не представлю себе человека, который бы вышел бы перед людьми и сказал: «Буду вашим начальником!» Каков он должен быть? Начальник наш? Ему надо в самом деле перестроиться. Не вижу таких пока. Но, может, кто-то видит, может, кто-то что-то и предложит дельное.

А рабочие есть рабочие. Культуры в работе нет. Но откуда ей взяться при сквозняке в цеху и плохом освещении? Рабочие хоть и недовольны своим бытом и плохими условиями труда, но мирятся с этим. Начнешь перестраивать — как бы хуже не стало.

Сейчас вот огородами обзавелись — по четыре сотки. Копаются там некоторые по четыре часа каждый день после работы, а в выходные — все время. Это и приятно, и полезно — к земле приобщаются от нее отчужденные. И многие, очень многие делают это с большой любовью! Если посчитать, то труда они вкладывают намного больше, чем получают продукции с этих соток, в сравнении с их зарплатой на предприятии. Это от того, что на четырех сотках не развернешься. Но люди работают с удовольствием и радостью. А, может быть, и с тоской. Все же лучше бы этому гегемону те четыре часа после работы истратить на

культурные занятия, чем на такие бесценные ковыряния в дырах семейного бюджета по добыванию продуктов. Как знать, как знать... Я свое отработал, оказалось — впустую. Но я оптимист и почему-то верю, что перестройка должна завершиться народовластием в нашей стране. Испытывать на себе «завинчивание гаек» для народа — привычное дело. Он выдержит. Но резьбу сорвали.

Даже вот объявленный с 1 апреля хозрасчет не пугает. Через годик рабочие уяснят себе, что это такое. Для нашего объединения хозрасчет скорее всего явится перестроечной косметикой. И все равно придется прибегнуть к пластическим операциям. Но мы пока не знаем, как. А академики народу не говорят.

Хозрасчет пока для нас такое же слово, как сама перестройка. Давайте повторим его в развернутом виде: хозяйственный расчет. Что получается? Получается, до сих пор был бесхозяйственный? Мило! А мы и не знали, и главный экономист нам об этом ничего не сказал раньше, и «символ экономической реформы» Абалкин помалкивал. Короче, для слуха рабочего сегодняшнее слово ХОЗРАСЧЕТ так же понятно, как ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ. Бесхозяйственный расчет должен стать хозяйственным? Но читающие рабочие уже должны были бы споткнуться об утверждение с доказательствами того, что «первая модель» хозрасчета никуда не годится, а «вторая модель», пожалуй, первой хуже. Буду надеяться, что экономисты нашего предприятия решили внедрять самую хозяйственную. Но в целом по стране дела обстоят не блестяще: самый главный экономист Абалкин сомневается в том, что народ потянет его разработки. Однако на местах дело идет. Переходим вброд.

Надо ли рабочему разбираться в том, что представляют собой «модели» хозрасчета? Мне кажется, нет, не надо. Для этого надо много учиться, а ему некогда: восемь часов на работе, а там — у кого огород, у другого... какое-нибудь иное хобби. Умеют ли наши рабочие работать? Умели. Предприятие несколько раз зазоевывало переходящее Красное знамя по отрасли. «Помощь» министерства в прежнем заключалась отчасти в том, что нам

отодвигали сроки сдачи заказов, задержки в строительстве которых происходили отнюдь не по вине рабочих. И сами рабочие об этом министра не просили, занимался просьбами о «помощи» главный экономист. И, наверное, он объяснял неудобную ситуацию не «потерями рабочего времени» и «низкой производительностью», а иными факторами? Вероятно, ошибками плана и неурядицами с поставщиками, а теперь?..

Теперь наши хозяйственники надеются, что рабочие выявят свои скрытые ресурсы производительности, но остается прежним положение дел с технологией, организацией труда, снабжением, бытом, медобслуживанием и тому подобным. Чудес не бывает. Если, конечно, итэровцы и служащие, кому при переходе на новую систему хозрасчета повышены оклады, не станут работать за четверых. Но разве это не было бы чудом? Значит, надежда — на репрессивные методы штрафов, лишение премий и вообще зарплаты?

Можно долго и безрезультатно спорить по вопросу: умеют или не умеют наши рабочие делать вещи и товары такие, как в Японии. Как-то по телевизору показывали корпусо-сборочный цех фирмы «Тойота». В милой улыбке скалил зубы начальник этого цеха. Все блестело, и по конвейеру двигались корпуса автомобилей, возле них не спеша похаживали несколько рабочих, то ли с гайковертами, то ли с импульсными сварочными «пистолетами». Бог мой! Мечта моих товарищей-трудяг.

Наш рабочий, лавируя между луж и наносной грязи, входит в цех (уникальный безопорный пролет длиной сто сорок, шириной сто и высотой до гака подъемного крана сорок метров), отталкивает искореженную дверь и погружается в утреннюю полумглу. Беспорядочно стоят какие-то ящики с комплектующими изделиями, детали, тележки, кондукторы, нужные и ненужные для сборки, горы кирпича и стальных профилей. Все это между и по соседству со строящимися заказами. Откуда-то подтекает вода, но в сатураторах для питья ее никогда нет. Из санузлов булькает и соответственно пахнет. Освещение... отмечено в колдоговоре. Вентиляция, отопление? О чем говорить! Цех, как всегда, начал выпускать продукцию, будучи фактически недостроенным. Но

что у нас хоть когда-то сдавалось в эксплуатацию достроенным?!

Неужели во всем этом виноваты рабочие?! Ага! Непременно, виноваты строители — штукатуры, каменщики, сантехники, электрики. Как виноваты все стрелочники в крушениях поездов.

Есть резервы повышения производительности труда? Есть. И наши рабочие их скрывают. Ходят, спотыкаясь, в этом хаотическом нагромождении творений рук своих и не своих. И никогда — повторяю: никогда! — не будут они работать, как японские рабочие, до тех пор, пока будут работать в столь скотских условиях, созданных руководством.

Раньше нам говорили: план! И мы давали план урочно, а если надо — сверхурочно. Надо ли говорить о том, что зарплата нашего рабочего несколько отличается от зарплаты улыбающегося рабочего японца?

Что сейчас хотят от нашего рабочего, я не понимаю. Чтобы он перестроился? Как?! Подскажите хоть кто-нибудь!

Я уже перестроился — мне противно стало входить в свой цех, переодеваться в тесноте раздевалок на гадком щербатом кафельном полу или прямо в цеху, возле инструментальной тумбочки, волочить на заказ инструмент, подключать шланги в свистящую магистраль сжатого воздуха, включать шлифовальную или фрезерную пневмомашину и скоблить металл, как мне вздумается, потому что техпроцесс, как всегда, не разработан или недоработан. Но я это делал из года в год, строя радужные планы на будущее, далекое и близкое, предполагая заработать столько, сколька смогу или дадут. И ежегодно — для отчета о повышении производительности — от меня как бригадира требовали «пересмотра норм» на серийную продукцию. Не секрет, что квалифицированный рабочий у нас получал больше рядового инженера-технолога или конструктора. Сейчас инженерам оклады повысили — привели примерно к уровню зарплаты «среднего» рабочего-сдельщика. Что это значит при хозрасчете? А это значит, если условия работы производственных рабочих не улучшатся, эта прибавка должна обеспечиваться сдельщиками за счет голой ин-

тенсификации их труда. Интеллигенты трубят о том, что наши советские рабочие не умеют работать. Ложь это! Наглая ложь.

Меня лично будущее мало коснется: по состоянию здоровья в конце прошлого года я перевелся на повременную работу в этом же цехе. Но жалко жизнь, проведенную как в кошмарном сне. Поэтому так задело замечание «главного экономиста», академика о народе, который не сможет освоить роботы типа японских: «Машины купим. Народ не купишь». И обидно за отца своего, погибшего в сорок втором, что не дало возможности мне стать академиком. Это он, если следовать логике Абалкина, виноват во всех несчастьях тех лет, отец из народа. Теперь в провале тех или иных «моделей» хозрасчета буду виноват я и мои друзья да наши сыновья, что пошли в ГПТУ.

А вообще-то я крестьянин, сын крестьян. И таких было много в наших деревнях. Мы ушли оттуда, окончив среднюю школу в конце пятидесятых — начале шестидесятых. Села стали съезжаться. Кто там — Заславская? Аганбегян? — защитили на моей горькой судьбе докторские диссертации? Стали мы штукатурами, токарями, слесарями. Мыкаемся. Но вернуться нам уже нельзя. К земле надо привыкать смолоду.

Остается надежда на Советы, которые мы теперь выбираем. Может, новый состав органов власти, и прежде всего местных, займется нашим бытом, найдет компромиссный режим содействия инертного народа с перестройкой бюрократии? Теперь никто не станет отрицать, что в управлении нашим государством долгое время пребывали экстремисты: «Даешь коллективизацию-индустриализацию!», «Догоним и перегоним!», «Вставай, страна огромная!», «Партия торжественно обещает!», «Перестройка!» Сейчас на всей планете возбуждена экстремально-гнетущая обстановка всеобщего краха, созданного экстремизмом именно ученых. Инертные народы построили то, что ученые изобрели. Пора остановиться, не наплодив повсюду потенциальных Чернобылей.

В речах Генерального секретаря прослушивалась тоже некая тревога: если, мол, мы к такому-то сроку не осуществим экономическую реформу, то... Мне понятна его тревога и радует его озабоченность, что наша страна вольется в единую мировую систе-

му с единым мировым правительством на правах бедного родственника. «Полюбившийся» мне академик Абалкин меньше удручен по этому поводу и за детей своих, если они у него есть, думаю, спокоен. Нельзя пропустить мимо ушей и замечание академика, сделанное, исходя из личных наблюдений: в малых народах он видел больше деловых и думающих людей, и наоборот. Этого теперь никто и не скрывает: несть числа оборотистым и деловым «кооператорам», гарцующим по стране и торгующим чем попало, и всем видно, что это выходцы именно из малых народов нашей многонациональной Родины. И если бы «большие» народы не продолжали трудиться на полях и у станков, то Всесоюзный институт экономики был бы столь же необходим, как пятое колесо разбитой телеге.

В заключение прибегну вновь к плагиату в открытую — перелистаю странички статьи Гельмана «Время собирания сил» и просто перепишу концовку.

«Нужно набрать воздуха для второго дыхания, сейчас самое-самое время это сделать. Борьба не то чтобы кончилась, ее решающий трудный этап только начинается».

Эта фраза должна кому-то что-то напоминать. Что, точно не помню, но кажется — «классовая борьба будет усиливаться». Вот вам и перестройка! Напрасно Даниил Гранин взывает о милосердии. Какое может быть милосердие в решающей борьбе на самом трудном этапе! Драматург в сусловские времена воспевал рабочий класс. Это было его «первое дыхание». На кого же он затаил «второе дыхание»? Никак Марка Любомудрова решил побороть? Что ж, боритесь, спустите затаенный воздух гласности. А рабочие поглядят, кто кого.

Что касается перестройки, то народ своего Отечества никогда не расстраивал и не подводил в трудную минуту.

Народ — это и есть отец всеобщий, а земля — мать. Дети только неразумные у них случаются: то дерутся, то плачут. Горестные дни наступили для родителей и в буквальном, и в переносном смысле. Горе Земле и Народу, если дети в заботе только о своей свободе теряют почтение к живым еще предкам.

НА КУЛЬТЯХ КУЛЬТОВ

Кто не читал, как Клямкин засунул за пояс Троцкого с Каутским, почитайте! Журнал «Новый мир», № 2, 1989 год, «Почему трудно говорить правду». Читается с захватывающим интересом, но довольно легко! И это удивительно, что л е г к о. Никто не отрицает, что п р а в д у г о в о р и т ь т р у д н о. Да ведь и с л у ш а т ь п р а в д у нелегко. Но прочитал Клямкина и не надорвался — тридцать четыре «новомирские» страницы петитом. Или не петитом, но мелко, очень мелко. И дело даже не в шрифте и не в том, что «редакция не во всем согласна с автором», в конце концов читателю мнение редакции если не безразлично, то дело, как говорят, второе, если, конечно, на читателя эти слова не оказывают давления: мы не во всем согласны, так и вы не будьте простачками. Не будем. Мелко и темно. Ведь речь идет о том, как долго нас всех о б м а н ы в а л и, то бишь не говорили правду. Заговорив об этой правде, Игорь Клямкин встречает внутреннее сопротивление: трудно!

Позвольте опять не поверить. Правду говорить легко, но беда в том, что никто из нас не знает правды. Поэтому действительно трудно. И автор «новомирской» статьи говорит в основном ту правду, которая уже известна и без него. Это правда о «заблуждениях» Троцкого и его оппонента Каутского, правда о соглашательстве Каменева, Зиновьева, Бухарина с «политикой» Сталина. И, конечно, правда об уродстве социализма, построенного на принципах военного коммунизма. Сомневаюсь, что найдется сейчас человек, искренне не желающий поступиться «сталинскими принципами». Утверждать, что такие люди есть — значит, продолжать то великое дело поисков «врагов народа» в лице принципиальных. Не хочет кто-то поступаться, и пусть не поступается! Это их личное дело. А мое личное дело — поступать так, как

я нахожу должным и нужным. Сколько мы уже времени клеймим «манифест сталинистов»? Меньше, чем «пережитки капитализма» и «царизма», но достаточно для того, чтобы подобное занятие приобрело одиозность. Кого мы будем винить завтра? Сегодняшних «антисталинистов»? Или принципиалов? Должны мы наконец твердо сказать себе: святых людей не бывает. Это и будет правдой.

А тот, кто лжет или утаивает хоть часть правды, лишен святости. Мало того, этот человек лишен чести. Так и надо сказать, что наши беды от бесчестия людей, знавших правду, но не говоривших ее народу. Кто правду знал, предположить не так уж трудно. Это партия — ум, честь и совесть эпохи. Мы говорим: партия, а подразумеваем?..

«Культ личности Сталина» состоит из многих культов, входящих в него как необходимые элементы. Во-первых, без культа Ленина он был просто невозможен. Невозможен был он также без культа рабочему человеку, без культа партии. И все эти «культы» лежат у основания того государства, которое, будучи могучим и сильным, оказалось самым неразвитым к концу XX века.

Народ заставляли поклоняться вождю пролетариата, вождю всех народов, партии и самому народу — человеку трудящемуся. Со стороны правительства это было обманом. Самая тонкая психологическая уловка партийной идеологии — внушение поклонения самому себе. Человек — это звучит гордо. И «советский человек» — до сих пор звучит... Союз Советских Социалистических Республик — звучит. Еще как! Некоторые согласны в графе «национальность» писать: советский. Национальные черты были сметены на свалку, национальные богатства, накопленные аристократией, разграблены людьми без национальных черт, называвших себя интернационалистами. А это были не интернационалисты, а обыкновенные жулики международные.

Параллельно с миграционным процессом бескультурных масс из деревень в промышленное производство городов Клямкину с Троцким и Каутским надо было бы упомянуть о бухаринском лозунге «Грабь награбленное!». Спорить не приходится, что нэп,

возможно, натолкнул путеводцев на создание военного коммунизма второго порядка, иерархии культов с признаками убывания. Сталин — главный, «А вокруг его сброд тонкошеих вождей, Он играет услугами полулюдей». Почему бы теперь не обратить внимание на эти стихи, написанные в начале тридцатых? Культы «тонкошеих вождей» были. И полулюдям воздали почести. И культ партии уже существовал, Маяковский к этому приложил талантливую руку поэта. Большое количество маленьких Маяковских трудились над созданием культа рабочему человеку, была даже такая ассоциация Пролеткульт! Институт красной профессуры. Допустим, что все это было создано по заданию Сталина с его принципами классовой борьбы. «И вечный бой! Покой нам только снится...» — трудно ли трансформировать в приводимые Клямкиным стихи:

Не прекращается
злой
и классовый
бой,
бой,
бой!

Если уж «Двенадцать» А. Блока пристегнули к паровозу, который вперед летел, обгоняя «Русь-тройку» с Чичиковым, то авербаховская контора пролетарского культа мастерила такое, что теперь и стыдно произносить вслух.

Игорь Клямкин абсолютно прав, говоря, что напряжение военного коммунизма было привнесено даже в поцелуй рабфаковки с пролетарским пареньком за занавеской барачного угла.

Культ Сталина, а с ним и культы тонкошеих вождей и первых маршалов в то же время не перечеркивали, а подчеркивали культ простого человека. Это был величайший обман. А кто в этот обман не впадал — подлежал уничтожению. Право, как это можно, не воздать почести трудовому народу! Но все ли впадали в самообман? По Клямкину — все. По-моему — нет. У некоторых просто не было возможностей. В обман или самообман впадали те, кто мог воспользоваться плодами культа, любого из набора, кто, по определению Троцкого, являл собой «довольно ленивое животное».

Трудолюбивое животное понимало, что если все станут комиссарами, то сеять хлеб будет некому. А ленивое пошло в гору, чтобы получить портфель и должность. Потом оно вольется в Систему и с гордостью будет называть себя партийной, советской номенклатурой. Не секрет, что и сегодня учатся для того, чтобы не «вкалывать», за тем же вступали в партию. Человек и правда не слишком трудолюбив, кроме одаренных фанатиков, которые готовы трудиться и в нищете, чтобы осуществить свою идею. Но в трудлагерях, по Троцкому, он стал еще подлее.

Можем ли мы считать, что с «культом личности» покончено? Пожалуй, да. Можно. Каждому ясно, что подобное превозношение человека есть со всех сторон бескультурье. Но у нас остался абсолютно нетронутым созданный за долгие годы «культ партии». Мы умудрились с двадцать четвертого года до сего времени повторять, что партия идет ленинским путем. Ложь явная. Партия шла сталинским путем, шла хрущевским, брежневским и вообще путем неисповедимым, а ей приписывалось четкое следование начертаниям вождя пролетариата. Сейчас не знаю, каким путем идет партия. Но пишу свои заметки лишь для того, чтобы партия впредь называла путь истинным. Народ согласен идти и путем Троцкого, тем более что есть подозрения, что мы недалеко свернули с него. Если партия примет путь Клямкина, то так надо и сказать: «Вперед! К цели, указанной товарищем Клямкиным!» Это будет честно, а может быть, даже и умно.

Только одного пути народ не поймет: если его опять поведут путем интернациональным. Это непонятно куда. Даже если взглянуть на Японию или Германию после капитуляции, то они не шли китайским или английским путем, а — национальным. Нацизм был подавлен во второй мировой войне. Но, повторяю, все более или менее развитые страны добивались хоть каких-то успехов (более или менее) тогда, когда использовали национальный фактор своего народа, шли только своим путем.

В нашей многонациональной стране было совершено еще одно чудо — был опровергнут извечный тезис тирании «Разделяй и властвуй!». Послереволюционная Россия доказала, что эта формула — чушь! Соединяй и властвуй! Крестьян согнали в колхозы,

рабочих в трудовые лагеря, писателей в конторы, все нации перемесили в одной «братской семье» и всех превратили в рабов. Партия едина, народы едины, интеллигенция, как выражался еще недавно один популярный перестройщик, «вместе с партией, вместе с народом», а вождям всех времен ничего не оставалось, как только властвовать всей этой безликой массой. Копенкин приехал на своей Пролетарской Силе на улицу имени Розы Люксембург и теперь, наверное, успокоился. Он ведь мог, к примеру, заехать из Чевенгура в Крым и прямехонько — туда! Благо в Симферополе на этой улице расположена лечебница, подходящая его фобии. Признаком полной бездуховности было это культивирование имен революционеров-интернационалистов, на каждом шагу вешали таблички, говорящие только об одном: мы идем правильным путем. Несмотря на обилие указателей революции, мы пришли, однако, куда-то в тупик. Но если верить тому же Игорю Клямкину, стоим «на пороге духовной революции». Так называется его последняя глава в труде «Почему трудно говорить правду». Но и дочитав до конца, я так и не уяснил: почему же все-таки? Если только не предположить, что у правды короткий хвост, как у кролика. Но так ли это? Сталин — это хвост нашей правды. Растянули мы его более чем на тридцать лет, и конца не видно. Скорее конец света увидишь, чем конец культу. Как с этим делом обстоит у немцев, интересно знать? Культ Гитлера у них был не слабее, несмотря на то, что немцы очень культурные люди. Нам простительно, мы варвары, как убеждают меня все прогрессивные литераторы, а варвары из-за бескультурья способны принять рабство под любой тиранией. Мы и впали в самообман рабства, ведущего к светлому будущему. А вот немцы пошли почти с теми же маршами в рабство тирана, звавшего их к покорению всех народов, в том числе и славян-варваров. Духовности у нас никакой не осталось к сорок первому году, и наш бездуховный народ-раб взял и разбил фашизм наголову. Какая тут духовность! И по Клямкину получается почти так, что «оборонное сознание» абстрактной духовности «военного коммунизма» «только потому и стало реальностью (май 45-го года — реальность.— **В. З.**), что реальностью были казарменная

организация жизни и образ врага». Бездушный мы народ, однако! Только непонятно, почему «побежденные народы» — немцы, японцы, итальянцы — живут теперь лучше победителей. А нельзя ли сделать вывод, что народы нашей страны путем обмана, разумеется, были положены жертвой на новый алтарь некоего культа? Например, коммунизма. Я делаю такой вывод, а отсюда еще и заключение о том, что интернационализм, в духе которого нас воспитывают с семнадцатого года, омыл свои чистые ручки в славянской крови.

Что такое «образ врага», я не знаю. Может быть, это известное «Папа, убей немца!». Кто его создал, тоже не знаю. Клямкин знает, но не говорит. Это трудно ему. Отсюда понятен ответ на вопрос: почему же все-таки трудно говорить правду. Понятна и цель перестройки — «это слом Административной Системы, это формирование современного работника, современной экономики, создание демократической политической системы». Проще говоря: экономика должна быть экономной? Это всем давно понятно, оскомину набили. «И оптимизм может стать чем-то устойчивым и прочным, когда люди увидят, что это, во-первых, возможно, а во-вторых, что в результате жизнь становится лучше, чем была».

Это еще одно «открытие Америки», или «если жизнь станет лучше, то она станет веселее!». А пока... «Пока оснований для такого оптимизма не очень много. Поэтому по-прежнему так трудно говорить правду». Мрак какой-то. Правду было трудно говорить по Брежневу, значит, при Горбачеве — по-прежнему? Или так силен пессимизм перестройки, что страшно говорить правду? Абсолютно непонятно. Наверно, по пословице «Скажешь правду — потеряешь дружбу». Только так можно понять. От образа врага уходим, а правда и друзей делает врагами.

И вывод один: лжи станет больше в целях создания «образа друга»? От образа врага мы должны откреститься.

Но в стране наблюдается все больше разногласий, возникающих во всех сферах бытия. Это признак того, что хоть трудно, но правда говорится! После экономических проблем самой острой проблемой стал вопрос национальных разногласий. Но, с какой

стороны ни подойди, национальные проблемы связаны опять же с экономическими. Даже под зонтиком «национальной культуры» скрываются прежде всего материальные национальные интересы, ибо никто еще не отменил формулу «Бытие определяет сознание». Проблемы национального бытия диктуются материальными проблемами, которые не решаются и не будут решены нашей интернациональной Административной Системой, что работает по принципу «Соединяй и властвуй!».

Большая часть русских литераторов занялась самобичеванием и заболела русофобией. Даже в тирании Иосифа Сталина некоторые увидели отблески царской русской короны. Интернационалисты-русофобы готовы поддержать словом и делом любой «национальный фронт»... кроме русского. Фронты, даже символические, создаются только в предвидении противостоящего врага. Что-то это не вяжется с проповедью «нового мышления». Получается, что только русским надо теперь научиться мыслить по-новому и проявить до конца «непротиворечивое бескорыстие».

Что же инкриминируют в вину русскому народу перед остальными? Известно, что в честь Победы над фашизмом Сталин на банкете произнес тост в адрес великого русского народа. Экой русофил этот Джугашвили! Хитрость его известна. Он-то знал, сколь велики потери русского народа в войне. Мог взять да и назвать именно русский народ великим, чтобы вызвать неприязнь к нему других национальностей. А потом в сорок девятом провести свой классический репрессивный прием под названием «ленинградское дело», чтобы не допустить образования «русской партии», а следом — «дело врачей», чтобы и те не зазнавались. Врачам повезло, Сталин скончался, и их освободили, несмотря на то, что Берия, главный репрессант, еще был жив и не разоблачен.

Сегодняшняя русофобия уходит корнями в то «ленинградское дело». Может, поэтому нам трудно сегодня говорить правду?

Суть «ленинградского дела» излагалась в сегодняшних «исторических» изысканиях методами детективного романа. Усилившуюся за годы войны политическую фигуру ленинградского секретаря Кузнецова Сталин приближает к себе, проча его чуть ли

не в свои преемники. Восточная уловка: вызвать зависть у «верных соратников», столкнуть их лбами и уничтожить Кузнецова, конечно. И все «дело» было проиграно, как по нотам. Надо же! Кузнецов и с ним не менее двухсот партийных работников Российской Федерации перемолоты бериевской машиной. Странно выглядит сталинское «русофильство».

Удалив на время от себя Кагановича, Маленкова и «ослабив» Берию, Сталин «приблизил» Кузнецова, чтобы расправиться с ним. Почему «историки» не видят столь простой аналогии «сталинских хитростей» в отношении «великого русского народа»? Он и назван так, чтобы удобнее провести новый акт «геноцида». А четырнадцать «космополитов», в числе которых был и бездарнейший поэт Лев Квитко, по замыслу вождя, должны были усыпить «свирепость русского зверя». Так сталинисты решали национальные вопросы. Интернационально решали!

О его греко-татаро-чеченолюбии говорить не приходится. Народы любой национальности нужны Сталину как рабы. Но искусственным путем полного интернационального рабства добиться трудно, поэтому сохраняется видимость национальной самостоятельности республик с республиканскими органами партийного руководства, чего, кстати, не имеет до сих пор «великий русский народ», проявляя поистине непротиворечивое бескорыстие.

Нет спору, что Центральный Комитет КПСС должен быть интернациональным внутри страны и бороться за дружбу народов во всем мире, а республиканские ЦК наряду с этим должны заботиться еще и о национальных интересах своих народов. И во всех республиках, кроме Российской, эти Комитеты есть, но именно теперь, в момент гласности, мы узнаем, что многие «малые» народы ощущают упадок национальных культур, экономики и всего прочего. Претензии предъявляют к русским, а у тех, повторяю, нет даже своего высшего партийного органа власти! А когда после окончания войны ленинградцы попытались предпринять в этом плане некие действия, то мгновенно были обезглавлены. Выходит, русский народ тайно при помощи интернационального бюро угнетает все другие народы.

Всегда и непременно, когда разговор заходит о перестройке, упомянув главный аспект — экономический или материальный, речь заканчивается «духовным возрождением народа». Это — фарисейские речи. Народы могут возродиться только на национальных корнях. Эстонцы, латыши, литовцы, армяне, азербайджанцы и другие создают объединения «народный фронт». Говорят, что появился «русский фронт», в чем я лично очень сомневаюсь. Народный фронт любой республики может непосредственно обратиться с претензиями прежде всего в родные ЦК, чем кричать на улицах или устраивать резню в Карабахе, Фергане или Тбилиси. Руководящую роль партии пока никто у нас не отменил, а в идеологии эта роль останется навсегда. Кое-где эти фронты уже обрели свои древние национальные флаги и действуют довольно успешно. От имени несуществующего «русского фронта» приношу им свои поздравления. Держись, ребята! Все народы Африки борются за свою национальную независимость. На Ближнем Востоке — тоже. Берите пример с негров и с палестинцев, задыхающихся в петле сионизма. Будьте свободны! Русский народ ничем вам помочь не может. Кроме «ограниченного контингента войск», он ничего вам не даст. Но это в случае, если дело дойдет до грубой резни. Великий народ всегда отказывался от борьбы за свое благополучие. Можно ли его обвинить теперь за то, что он, повинуясь царским приказам, собрал под двуглавым орлом Российской империи обширные территории... Это «вина» правительства царя.

Но что же сделало правительство, пришедшее к власти в результате революционного переворота? Некоторые склонны подчеркивать, что в революционном правительстве русских почти не было, не считая Ленина, который именовал себя великороссом, но был, конечно же, по духу интернационалист. В правительстве том были представлены все национальности и русских сравнительно мало. Но этот факт не играет роли. Важнее другое — именно то правительство (во главе со Сталиным, конечно, как мы все знаем) повело страну по тому пути, который и привел нас к сегодняшнему положению. Народы виноваты? Пример — Финляндия, входившая в состав империи. Если бы она не вышла в свое время, то

кто поручится, что сегодня она бы не была на уровне развития Коми АССР. И виноваты в этом были бы, конечно, рядовые финны, а может, «русский шовинизм»?

Клямкин усматривает причины наших бед в политике «военного коммунизма», проводимой на всем протяжении Административной Системой. Какой-то элемент «военного коммунизма» у нас сохранялся в виде принудительно-добровольных субботников и до сего времени. Но мы все понимаем, что это есть просто игра в «великий почин». Кто из рабочих не знает, что закрывали наряды в эти дни, ничего не сделав за те несколько часов, проведенные на субботнике?

Главную причину материального нищенства наших народов я вижу в идеологии интернационализма. Мы, не скупясь, отдавали рубли в фонды и Патриса Лумумбы, и Анджелы Дэвис, и, конечно же, в Фонд мира. Не надо думать, что это какая-то особая природная щедрость. Просто, отдавая эти трешки-пятерки, вырванные из заработка, мы понимали, что нас эти рубли не спасут от нищеты, а собранные вместе, может, кому-то и помогут.

Суперидеология интернационализма приводила иногда к страшным ошибкам, подобным вмешательству в афганские дела. А внутренние национальные проблемы (те же ущербы в культурном развитии малых народов) суперинтернационализм загонял еще глубже в ямы и лужи нашего отнюдь не «изячного» бытия. Интернационализм нашего народа должен был выглядеть очень странно в глазах того же японца, который знал, что наша национальная экономика по сравнению с японской выглядит так же, как выглядели портфель и наган «комбедовца», агитирующего «за колхоз» хозяйственного и работящего мужика в тридцатых годах.

Но до сих пор мы неподражаемо изображаем двух путников из романа Платонова, отправившихся на поиски социализма и остановленных крестьянским постом, охраняющим свой хутор от наезда продотряда. Ведь не только Маяковский писал о том времени, поэтому позволим себе выписку из литературы иного автора.

«— Вы какие? — служебно спросили подъехавших Дванова и Копенкина.

Копенкин задержал коня, туго соображая о значении такого военного поста.

— Мы международные! — припомнил Копенкин звание Розы Люксембург: международный революционер.

Постовые задумались.

— Евреи, што ль?

Копенкин хладнокровно обнажил саблю: с такой медлительностью, что сторожевые мужики не поверили угрозе.

— Я тебя кончу на месте за такое слово,— произнес Копенкин.— Ты знаешь, кто я? На документы...»

Мы сейчас тоже «международные» для всех людей мира: русские, коммунисты, красные... Но если мы сейчас можем быть красными, то только от стыда, от того что — русские. «А-а-а! Рашен...» Я понимаю чувства эстонца, когда богатый финн переедет залив, чтоб отдохнуть от своего сухого закона и невзначай обронит это слово. Конечно, стыдно слышать такое от бывшего «чухонца».

Поэтому и возникает народный национальный фронт. И эстонец может заводить себе «аусвайс», по которому он в своих магазинах приобретает необходимые ему товары. У меня же, как у Копенкина, никаких документов в кармане не имеется, кроме общей жестяной таблички с наименованием улицы Люксембург, Свердлова, Дзержинского, Урицкого, Менжинского, Луначарского и так далее. И при чем тут военный коммунизм и административная система, я не понимаю.

Экономисты и философы задают вопрос: какой же социализм мы построили? Ответ может быть только один: очень похожий на чевенгурский коммунизм. Все мы стали похожи на «прочих людей». Угадайте, чей это портрет: «Его международное лицо не выражало ясного чувства, кроме того, нельзя было представить его происхождения — был ли он из батраков или из профессоров,— черты его личности уже стерлись о революцию». Если слово «революция» заменить построенным «социализмом», то мы и получим портрет сегодняшнего номенклатурного партийного или

хозяйственного работника средней руки. Сталинизм и последующие времена только шлифовали эти черты, но созданы они были раньше.

Культ трудящегося, незнатного человека без личностных и национальных черт ничего не давал простому человеку. Но культ этот создавался в революцию и гражданскую войну. Так почему бы сыну сапожника (не станем же мы всерьез принимать версию о «незаконнорожденном сыне Александра III»!) не воспользоваться было «культом незнатности». Сталин этим воспользовался. Но мы все уже принадлежим к тем поколениям людей, кого помещики не секли на конюшнях. Тем не менее у всех у нас отношение к дворянству ненавистное, как к классу истязателей. За какие провинности были подвергнуты поголовному уничтожению донские казаки ревнаркомами Яковом Свердловым и Леоном Троцким? Это вам не на конюшне высечь! Знать, сильно были обижены и Троцкий, и Свердлов на русских казаков, служивших, как известно, верой и правдой царю и отечеству своими саблями и нагайками. Указ об уничтожении казаков, подписанный Я. М. Свердловым, был продиктован отнюдь не революционной необходимостью, а местью, возможно, очень личной.

Теперь интернационалисты мстительно вспоминают народам России рядовую службу в войсках НКВД, ГПУ, в которых комиссарами были те же троцкие и свердловы, великолепные интернационалисты! Любовь к народам у них была ярко выражена в стремлении к уничтожению неугодных народов. Сталин воспользовался готовой, разработанной системой денационализации России, в которой (системе) были такие теоретики и практики, что диву даешься: как мы еще уцелели! Но откровенное зверское уничтожение народов было чревато бунтами. И кто уж — Сталин или его верные соратники — неважно! — изобрели классический, неотразимый, как удар в спину и из-за угла, жупел «враг народа». Туповато-жандармская формулировка — «враги внешние и внутренние», применяемая царской идеологией, приобрела сногсшибательную мощь. «Враг внутренний» — это кто «против царя». Но любым царем и любым правительством недовольно обычно большинство народа, к «студентикам» и «социялистам» в старой

России злобы особой люди не питали, а, пожалуй, снисходительно-жалостливое чувство сострадания. Но «враг народа»! Это уже серьезно. Кто докажет, что термин этот изобретен не интернационалистом? Это же не «враг нации», а враг на-ро-да, то есть всей совокупной общности проживаемых в стране наций.

И сегодня мы можем с достаточной степенью точности сказать, что так называемые «враги народа» двадцатых и тридцатых годов были истинными врагами той правящей касты безродных интернационалистов, что составляла сталинское окружение, включая и его самого. Потому так нелепы все судебные обвинения их в преступной деятельности. Но ведь... До сталинских репрессий не скрыть факта зиновьевских репрессий, направленных на уничтожение «контры» — русских интеллигентов! Письма Горького, письма Короленко, недавно опубликованные, прямо указывают на то, что кровь хлынула сразу же после свершения «бескровной» Октябрьской революции. На месте красных бантов и гвоздик семнадцатого года буйно расцвели иные цветы. А что писал Бунин в «Днях окаянных», мы еще не знаем.

Сам переход власти от Временного правительства в руки правительства революционного назван пролетарской революцией. Будем считать, что и вожди ее были пролетариями. И вообще все профессиональные революционеры — суть неимущий класс. Естественно, революцию нельзя называть по имени совершивших ее людей, а по цели. Советские историки назовут ее социалистической, но надо не забывать, что ее первоначальное имя — пролетарская. Итак, краеугольный камень «культа пролетариата» был заложен. Именем пролетариата и стали вершить свои кровавые дела люди, взявшие власть. Участие пролетариата было таково, что при сегодняшнем полном недоверии к историкам придется обращаться за разъяснениями к поэтам. Самым пролетарским поэтом того периода для меня является... Нет, не Маяковский, а Андрей Платонов. Вот как он описывает вступление пролетариата в партию.

«Утром Саша и Захар Павлович отправились в город. Захар Павлович искал самую серьезную партию, чтобы сразу записаться

в нее... Он искал ту, в которой не было бы непонятной программы». Такой им показалась социалистическая.

«— Ты запишись, Саш, для пробы,— сказал Захар Павлович.— А я годок обожду.

— Для пробы не записываем,— отказал человек.— Или навсегда и полностью наш, или — стучите в другие двери.

— Ну, всурьез,— согласился Захар Павлович.

— А это другое дело,— не возражал человек.

Саша сел писать анкету».

Так пролетарий приобщился к делу переустройства мира. Когда пролетарии всех стран не соединились в одной партии, когда отплясала богиня гражданской войны на костях поверженных братьев, российский пролетариат приступил к выполнению своей цели — построению «своего» государства. Культ пролетария, культ бедноты подогревался высокой целью. Это мы теперь знаем, что вожди пролетариата уже сами заплутали на путях к ее достижению. Понимал это, наверное, и Захар Павлович, приемный же сын его Саша Дванов мучился над решением главной задачи — как построить социализм непосредственно у себя в городе. Можно предположить, много было таких наивных «большевиков». Но самый яркий образец, пожалуй, не он, а иного склада «большевик» после «гражданки», прорисованный в образе безымянного «машиниста из депо»:

«Машинист из депо, предревкома, сказал Дванову:

— Революция — рыск: не выйдет — почву вывернем и глину оставим, пусть кормятся любые сукины дети, раз рабочему не повезло».

А теперь мы знаем, что «сукины дети» не «рысковали»! Кормились, и неплохо! В «Советской России» 12 марта 1989 года опубликованы воспоминания Ходасевича о встречах в семье Зиновьева. Эти «сукины дети» заставили пролетариат воевать с буржуями, разбить их наголову. А пока шла война, реквизировали буржуйское добро и поделили. Ольга Давыдова Зиновьева, сестра Льва Троцкого, угощает гостей чаем, подавая на стол царский сервиз для питья шоколада. Подходящего чайного сервиза Зиновьеву не досталось. Но можно не сомневаться, что кто-то из

«пролетарских» вождей в то же время пил шоколад из сервиза чайного.

А пролетариат строил — почву выворачивал, глину оставлял. Что это было? Да революция же! Революция! А в ЧК расстреливали «контру».

Когда сегодня перестройку называют революцией, нельзя не содрогнуться. И я содрогаюсь, боюсь этого слова.

Но вернемся к тем смутным временам, к становлению «сталинизма». Из статьи Клямкина образ Троцкого шагает на нас широко и размашисто с хлесткой фразой кнута: «Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное». Несомненно, к такому философскому открытию можно прийти только на основании личного трудолюбия, если, конечно, не предположить, что «профессиональный революционер» питался манной небесной, а все богатства материальной культуры созданы не людьми, а какими-то животными, очень трудолюбивыми. Вся идея мировой пролетарской революции дискредитируется этой одной, «можно сказать», фразой вождя. Остается предположить, что Троцкий возлагал надежды на мировой пролетариат, а «ленивое животное» относил только к той части человечества, которую надо загонять в «трудармии», а при неподчинении расстреливать. Можно не сомневаться, что его соратники были такого же мнения.

И дальше пролетариат и беднота были подвигнуты на построение социализма в одной стране.

Беспокойное животное с идеей «перманентной революции» стало помехой Сталину. Ему, может быть, тоже не хватило какого-нибудь сервиза, и он таил мысль пополнить свой сервант экспонатами из Лувра! Животные поспокойнее Троцкого объединились вокруг аскета, истинного пролетария, сына горийского сапожника и выгнали лидера Коминтерна за кордон. Но пролетариев в стране, строящей социализм, быть не должно. Редкие идиоты будут называть себя «пролетариями», если им по декретам принадлежало все: земля, ее воды и недра, фабрики и заводы. Даже сама верховная власть. Какие же это пролетарии! Культ пролетариата никто не разоблачал и не свергал, но просто изменили название — н а р о д. Когда это произошло, работники Института

марксизма-ленинизма должны нам сегодня сказать. Тогда и появились враги народа. Ими стали недобитые в «гражданку», недорасстрелянные в ЧК. И вообще каждый мог написать донос на неугодного ему человека, ибо «классовая борьба» усилилась. Она и должна была усилиться: многие же, наверно, понимали, что к чему. Это был мирный терроризм с элементами кровавого порядка.

Что это было? Военный коммунизм? В чем? Где? В колхозах если только, где люди работали абсолютно бесплатно, не имея элементарных удобств, и в лагармиях.

В литературе бытовали образы недоедающих, недосыпающих партийцев и хозяйственных руководителей. Образы растущих «выдвиженцев» из рабочего класса на руководящие должности, и если я усомнюсь в этом, то должен усомниться в том, что были Павки Корчагины и Павлики Морозовы, Стахановы и так далее. Были! Но что они дали для нашего экономического развития? Ничего.

Народ и власть. Тут причина. Посягательства Троцкого на власть, если такие были, а они, наверное, были, теперь, можно сказать, являлись безнадежными и неисполнимыми. Видя в народе стадо «ленивых животных», он обрекал себя на бесславную кончину, даже если бы ему не раскроили череп ледорубом. Загодя будучи убежденным в том, что народ ленив, правитель режет сук под собой. И если кто считает Троцкого умным теоретиком марксизма или еще какого-то учения, тот рискует не меньше умника Лейбы Давидовича из Могилева, независимо от того, сколько дипломов заграничных университетов в кармане у него лежит.

Сын сапожника оказался хитрее. Сам он додумался или ему подсказали, не знаю? Клямкину трудно сказать об этом.

Одновременно с пышными культами вождей революции выдувались культики простолюдинов, как из мух слоны, создавая тем самым «культ народа». Если кто-то думает, что Сталин создавал культ русского народа, то вряд ли найдет подтверждение своим мыслям, кроме событий военных лет. В войну — да! В обиход вошло слово «славяне». Но при Сталине создавался культ

безликого народа — винтики и болтики. Вся масса щелкоперов-литераторов была на это нацелена, хотя должна была видеть, как попирался народ пято́й САС (Сталинской Административной Системы), где «кадры решали все». Кадры решали, не упуская представившейся возможности отслоить от пирога всех культов и собственный кусочек. Культ всем сладок! Можно сказать, что человек довольно честолюбивое животное, если чуть перефразировать Троцкого. Его поведение дает, наверно, повод к такому заключению. Я потому и заметил, что если у Троцкого были помыслы о власти, то не могли воплотиться, потому что он открыто презирал народ. Поиграв в «брестский мир», он должен был убедиться, что его амбиции политика ведут к потере власти даже над этим «тупым» и «ленивым» народом, который ему был ненавистен, возможно, генетически. Но перестроиться человеку очень трудно, поэтому после смерти Ленина Троцкий совершает ту же ошибку: «мира» со своими соратниками не заключает. И проигрывает окончательно и безвозвратно. Остается один со своей патологической ненавистью к «тупому» народу. Такие вещи даже Наполеону этот тупой народ не простил, а уж Леве из Могилева и подавно. И не в том дело, что Зиновьев, Каменев и Бухарин были на стороне Сталина! Они якобы не видели его «силы». Они еще, наверное, бредили «пролетариатом»! Пролетариат в большинстве своем и в самом деле «ленивое животное». Каждый человек, кто бы он ни был, всегда обладает стремлением хоть что-то иметь кроме своих цепей, а приложив энное количество сметки и трудолюбия, становился пусть нищенски, но имущим. Голь перекатная — пролетариат — мало уважения заслужила во все времена бытия.

Если учесть тот факт, что Россия была в основном крестьянской страной, то ее развитие в русле индивидуального и кооперативного сельского хозяйства, конечно, было невыгодно вождям: крестьянин, даже не разбогатев, а наладив свой двор, плевал бы на все культы. И скорее бы подумал о том, как ему избавиться от культа собственных мозолей. Кто славил и аплодировал Сталину? Городские жители! Конкретно — новая интеллигенция, а крестьянам об этом говорили агитаторы культпросвета. Потом,

конечно, и колхозников «просветили». Но это совсем не аргумент, чтобы говорить о низкой культуре народа, а скорее доказательство полного бескультурья просветителей. Вверху, как мы знаем, шла резня под девизом «враги народа». Такую власть свергнуть невозможно! Слово, сказанное против власти любого ранга, мгновенно превращало самого изнародного человека во врага народа, то есть врага самому себе. Я себе враг? Нет, конечно! Значит, молчи. И народ молчал. Молчаливый народ устраивал всех, кто стоял хоть на ступеньку выше народа. Народу вещали все время о братстве и равенстве, о великих планах построения светлого будущего, о значении каждого подобранного колоска на колхозном поле, способном приумножить количество хлеба в государственных народных закромах, в то же время — в наше время перестройки! — миллионы телезрителей стали свидетелями того, как сгорают убранные многие тонны хлеба в государственных элеваторах. А руководство безответственно улыбается нам с экранов.

Народ молчал и еще до сих пор молчит, потому что существует могучий культ народа. Каждое выступление против этого культа, вернее, против его проповедников, превращает каждого человека во врага. И хоть термин «враг народа» потерял или теряет динамичность возмездия, но еще имеет вес в подсознании. С другой стороны, кто же тот человек, по чьей вине сгнило или сгорело народное добро? Все ведь вокруг народное?! В том-то и дело, что все вокруг не народное, а отчужденное — государственное. И если государство проявляет попустительство к нерадивым администраторам, то... государство это не народное, оно должно называться как-то иначе.

Но вот с культом Сталина все ясно — разоблачен. Но мы говорим и говорим о сталинизме, который, дескать, еще силен. И это очень странно: самого человека нет, а культ есть. Мы готовы впасть в истерику, выкопать труп и растерзать его. Но даже, если мы это сделаем, культ останется. Потому что остаются: 1) культ власти; 2) культ партии; 3) культ народа.

До сего времени власть осуществлялась партией, поч-

ти выключив действие конституционного аппарата власти — Советы.

По-видимому, намечается слияние Советов с партией при осуществлении власти, путем выборов партийных членов депутатами. Механической передачи власти Советам не будет, и это некоторыми было принято с разочарованием. Разочарование вызвано тем, что фактическая власть принадлежала партии, ей был создан великий культ, но у народа он не вызывал восторга. Деланно и фальшиво восторгались партией сами партийцы, и в недавние времена, может быть, только Брежнев не понимал, как смешно и постыдно выглядели партийные «культовые обряды».

Слияние власти парткомов и Советов должно привести к отмиранию какого-то одного органа, а в будущем возможна и перемена наименования, например, партия спустится с заоблачных высот и назовется советской партией, которая и станет осуществлять власть в стране. О многопартийной системе говорить можно, но для осуществления ее мы потеряли слишком много времени, и сегодня многопартийная система, во-первых, вряд ли возможна, а во-вторых, едва ли целесообразна.

Кто же против того, чтобы в палатах верховной власти заседало больше настоящих рабочих «от станка» да «от сохи»! Но пока это всего лишь желаемое в народовластии явление, скорее исключение, чем правило.

Культ власти в лице вождя, с одной стороны, и культ народа — с другой, привели нашу страну в неравновесное состояние, когда мы наконец стали осознавать, что сбоку такая система похожа на «петуха» и «кукушку» из басни Крылова. Но это упоение друг другом было бы пустячком, если бы под дубом отечества (развиваю далее образы баснописца) не обнаружилось вдруг стадо свиней. Прокуковали, прокукарекали многое. Оглянулись: кто виноват? Сталин, или Берия, или Жданов? Брежнев или Суслов?

А некоторые: народ, говорят, виноват. А народ говорит: партия виновата. И вот четыре года мы разбираемся, кто виноват. Бюрократы! Это слово правды, которое выговаривается очень легко со времен Маяковского.

Теперь академики говорят, что мы не умеем работать, что народ не умеет работать. А ради чего народ должен уметь работать, да еще хорошо работать?! Зачем? Если весь мой труд съедает «ленивое животное» в номенклатурном мундире. Троцкий говорил, что мы не умеем работать, ленимся по крайней мере. Абалкин говорит: разучились. Но если «разучились», то когда-то все же умели, может, при Сталине? Но академик сказал о России, кажется. Оригинально. Ни по Троцкому, ни по Сталину — по Абалкину, снова можно прийти к репрессивным методам «приучения к труду», ибо для воспитания «слоя умельцев» потребуются годы и годы, помноженные на десять в энной степени, где «эн» равняется одному или двум. Что надо делать сейчас, никто не говорит. Но ведь мы знаем: надо работать!

И вот еще правда: народ работать не хочет и не будет. Не потому, что он ленив, и не потому, что разучился. Народ разочаровался. Коммунизм не стал «пятой» религией», по Луначарскому. Народ наш не был ленивцем, по Троцкому. Истинно по Клямкину, наш народ долгое время был непротиворечиво бескорыстен. Многие рабочие теперь пребывают на лаврах культа народа, созданного противоречиво корыстными людьми. Но народ понимает, что эти лавры — фиговые листки. И вот-вот их сдует ветер перестройки. Закатились лучезарные светы передовиков и Героев Социалистического Труда. Засветились мрачные отблески алчных накоплений отдельных «трудолюбцев», разворачивающихся в марше спекулянтов-«кооператоров». Зашевелились клопы Административной Системы. «Правда ли, что в магазинах Москвы колбасы не стало?» — вопрошает уходящий в отсидку Чурбанов. «Правда»,— отвечают ему. «А при Леониде Ильиче была!» Делайте, люди, вывод. Хотя Чурбанов знает, что в Рязани, Вологде, Твери и прочих городах и весях той «московской колбасы» нет, пожалуй, с самого начала правления его великого тестя. Выражаю принципиальное сочувствие москвичам! Но почему и в Москве не стало того, что было? Почему?

Потому что Система теперь всеми силами будет стараться

устроить «великий пост». Когда надо было убрать Хрущева, то и хлеба не стало в магазинах.

Сможет ли сломать Административную Систему объединенная власть Советов и партии? Это зависит теперь почти от случайности: каких депутатов мы выберем.

Это моя правда размышлений. Почему ее трудно говорить, я не знаю! Надо говорить правду.

ПОСЛЕ СЪЕЗДА *

Все мы были свидетелями, как из кремлевского гнезда вывалился в прямой эфир неоперившийся птенец и, кувыркаясь то через левое, то через правое крыло, совершил многодневный полет. Он даже упал и едва не расшибся об уфимскую катастрофу, которая некоторых отрезвила, но не всех, наверное. Сторонники левого крыла в митингующих Лужниках стреляли по нему из рогаток лозунгов. Сторонники правого топали ногами и аплодировали, побуждая птенца к дальнейшему полету. И с той, и с другой стороны слышались возгласы сердобольных: «Надо сначала народ накормить...»

Может быть, кто-то и в самом деле считается народным отцом-кормильцем или матерью кормящей? Может быть, это кто-то из академиков? Скажем, Сахаров или Заславская?

Нет. Академик Сахаров, отвечая на вопросы обозревателя «ЛГ», говорит: «Съезд, разумеется, не может сразу накормить страну, сразу вернуть чистый воздух, чистую воду. Съезд не может сделать все сразу. Но съезд должен был...» Далее все могут догадаться, что должен был и обязан был сделать съезд. Принять все предложения «левого крыла». А иначе какой смысл в той дискуссии, которую с первых минут затеяла группа московских депутатов, застрельщиком которой стал всеми уважаемый Андрей Дмитриевич!

Они называют себя «демократическим меньшинством», что говорит о том, что «накормить» народ не смогут, даже если от своего рта куски отрывать будут — меньшинство!

---

* См. примечание на с. 35.

А значит, правые — это бюрократы. Этим все сказано. Победили правые за счет большинства. Это, конечно, вызывает неудовлетворение московских демократов. Но вот что сам Сахаров говорит о большинстве: «Оно было зачастую агрессивным — вспомните, как оно аплодировало генералу Родионову, участвовавшему в подавлении митинга в Тбилиси».

Академик забывчив. Большинство аплодировало и тогда, когда Бакатин опроверг вымысел о «беззаконии» на Пушкинской площади. Еще агрессивнее аплодировало оно инвалиду афганской войны, всенародно уличившему академика Сахарова в клевете на советских солдат, якобы расстреливавших своих товарищей, попадавших в окружение душманов. «Конечно, сложность моего положения в том, что у меня не было документальных доказательств,— оправдывается демократ, но готов снова дойти до клеветы.— Но я хочу сказать, что в подавляющем большинстве случаев, о которых приходится говорить, нет документальных доказательств». Очень странно! Академик стоит за правовое государство, борется за права человека, но «в подавляющем большинстве случаев, о которых приходится говорить», делает бездоказательные заявления. В этом причина неприязни к нему большинства не только депутатов, но и всего народа.

Кроме забывчивости, академик явил еще и «непонятливость»: «Конфронтация с залом отразила закостенелый консерватизм значительной части депутатов». Но и это заявление с успехом можно отнести к упомянутому «большинству случаев», о которых нет документальных свидетельств.

Требует доказательств и утверждение о том, что после выступления в 1980 году против вторжения в Афганистан,— именно за это! — его сослали в Горький. А Сахарова уже величают «совестью России». Значит, если кто-то (большинство!) усомнится в правдивости слов Сахарова, то выступит против совести? Тогда уж не «агрессивное большинство», а большинство, бессовестное к тому же!

Причину своей неудачи «совесть России» видит не только в «закостенелом консерватизме» большинства, а и в некотором надругательстве над святой простотой и невинностью своей.

«Я почувствовал, что Горбачев в какой-то мере меня выпускает. Он ведь выпустил меня на трибуну одним из первых. Даже, кажется (опять запамятовал.— В. З.), совсем первым, как бы «коверным», выражаясь на языке цирковой жизни. И сразу возникла конфронтация с залом. Я не знаю, было ли это предусмотрено или же...» Пауза сделана для «оправдания» бездоказательности намека на что-то, учитывая беспокойство, которое вызывает в нем «сосредоточение чрезвычайно большой власти в одних руках», что он считает «потенциально опасным явлением». Последнее прямо восходит до ленинского «Письма к съезду» — об опасности личной власти.

Академика чувства не обманули, но не оставили даже тогда, когда всем было уже не смешно, а стыдно за кувыркания на съездовской трибуне. Демократическое меньшинство желало превратить ее в трибуну агрессивных неформальных митингов. И доказывать не надо, а воочию было видно, что если бы эту трибуну охраняли десантники с саперными лопатками, то многие из них пали бы смертью храбрых на подступах, когда депутат Старовойтова и другие демократы шли и шли с декларациями. Поистине только силой чрезвычайно большой личной власти Горбачеву удавалось прекратить сцены из «цирковой жизни» демократических акробатов.

Теперь всеми способами массовой информации «демократическое меньшинство» прокламирует свою творческую активность. Вот уже по предложению Адамовича, говорит Юрий Рост, «крестьян включили» в итоговый документ съезда для получения пенсии работающим, несмотря на то, какова у них зарплата. Если учесть, что очень редкие крестьяне зарабатывают больше ста восьмидесяти рублей, то это «включение» — филькина грамота, но престиж борца за крестьян, Адамовича, повышается. Культ его растет. Среди конторских «крестьян», которые теперь сполна получат зарплату и пенсию. Уже можно А. Адамовича назвать «совестью крестьян», включенных по его предложению в безлимитную оплату труда в пенсионном возрасте. Демократы набирают очки для будущих битв. И все послесъездовские разговоры вьются вокруг имени Сахарова и его окружения. «Самым не-

приятным впечатлением для меня,— говорит Александр Медведев в «Московском литераторе»,— было даже не захлопывание Сахарова, а постыдная, просто пугающая реакция большинства на выступление генерала Родионова. Как мы объясним это грузинскому народу, как? Все бродят имперские дрожжи — какова-то будет опара...»

«Честь и совесть нации» Андрей Дмитриевич Сахаров понимает этот вопрос так, что русский солдат убивает саперной лопаткой беззащитную тбилисскую женщину. Это потом возник вопрос о генерале Родионове, а сначала шла речь о «зверствах» солдат. Академик рвался на трибуну — мы же все видели! И лично к нему обратился Горбачев, сказав, что обязательно даст ему слово. Значит, не «выпустил» Михаил Сергеевич Андрея Дмитриевича как «коверного» — клоун сам выскочил! Пенять не на кого. После съезда он скажет: «Московская группа со своей стороны вела себя порой неосторожно. А порой даже нетактично». Мягко сказано. Афанасьев и Федоров выражались в адрес съезда без всяких околичностей. «С трибуны на весь мир прозвучало интеллигентное федоровское слово: «Выбирать дураков...» В Верховный Совет, разумеется, причем из числа слышащих это.

Почему себя так повели демократы?! Вопрос вопросов. Нельзя же думать, что хирург Федоров так несдержан? Нервы должны быть у него крепкие...

Ответ может быть один. Когда стало ясно, что московская группа в меньшинстве, а стало ясно это, вероятно, еще до начала или в самом начале съезда, демократы решили его взорвать, внося как можно больше неразберихи, которой и без них там хватало, всевозможных заявлений. Какой-то «демократически» настроенный странный депутат раза три смог получить возможность выступить, чтобы как курицын сын канючить: изберите меня хоть куда-нибудь, повторяя при этом, что у него «юридический стаж двенадцать лет». Телезрителям, несомненно, было жалко этого депутата, его так никуда и не избрали. Сахаров молчит об этих «пустяках», заводивших не раз регламент съезда в тупик, потому что он знает, как это происходило, он сам ввернул в этот «сценарий» эпизод о девочке, плачущей при нападении

на нее наряда милиции, и о том, как эта девочка после полуночи звонила ему по телефону. Вспоминая К. Льюиса, раньше думал: все ученые могут сочинять не хуже. Но на примере «съездовских сказок» московской группы убедился — не могут!

Чтобы не быть голословным, доказываю. Слова Сахарова в «Литературной газете» 21 июня 1989 года, 11-я полоса, 4-й столбец, 4-й абзац сверху начинается так: «Московская группа со своей стороны вела себя порой неосторожно (попросту — нагло.— **В. З.**). А порой даже нетактично (грубо, как Федоров, по-хамски, как Афанасьев.— **В. З.**). Москвичи много выступали (не давая этого делать другим.— **В. З.**)... Создалось впечатление исключительности». Исключительность тут надо понимать как явное выражение пренебрежения к людям вообще и народным избранникам в частности. Заканчивая характеристику московской группы, отец ее «демократии», сказав чуть раньше о провинциальной зависти и озлобленности, якобы присущей каждому оттуда прибывшему, изрекает сверхметафору, откуда пошла и есть вся демократия группы: группа «сама по себе была демократична». Сама по себе — возможно! Но в отношении других — увы! Но тут же следует обычное у Сахарова бездоказательное обвинение всех и вся: «Но эта ее демократичность была не во всем понятна большинству съезда».

Прошу прощения! Хамство всегда и всем понятно, только с каких пор его стали называть демократичностью?

На проявление такой демократичности со стороны московской группы большинство отвечало тем же. Надо ли упрекать человека, промолвившего «Сам дурак!» в ответ на услышанное «Ты дурак!»?

Наверное, академик Сахаров был очень хорошим физиком, но, к сожалению, он никудышный оратор, особенно когда не говорит правду. Вот он высказал опасение по поводу сосредоточения чрезвычайно большой личной власти. Это, правда, опасно. Но можно поразмыслить над вопросом: в каких случаях такая власть опасна? Тут бы академический ум мог бы блеснуть логикой и доказательствами. Сахаров этого не делает, а просто бросает кость голодному общественному мнению — грызите! Грызем.

И находим, что опасность обязательно возникнет при отсутствии гласности. А далее предполагаем, что «демократы» типа московской группы теперь будут делать все, что в их силах, лишь бы спровоцировать власть к свертыванию гласности.

Если бы речи со съезда не транслировались так широко и гласно, я бы тоже до сих пор считал Сахарова «совестью нации». Поверил бы многим литераторам, усиленно трудящимся над созданием культа этой совести.

Если допустить, что московская группа депутатов все же сама по себе демократична, как аттестует ее Андрей Дмитриевич Сахаров, то нам удалось присутствовать при уникальном случае, когда гласность съезда пошла во вред демократии. Говорю так потому, что именно члены этой группы имели преимущество выступлений, но оно не пошло им на пользу. Очередной парадокс нашей жизни! Гласность в пользу бюрократов.

Публицисты шумят о нашей всеобщей недемократичности, мы, мол, только учимся демократии. Будем надеяться, что «учеба» — шаг к приобретению. Но, судя по самым демократичным москвичам, приходишь к опасливой мысли: как бы не оказалось, что вершина такой «демократии» — рукоприкладство.

Однако нельзя, конечно, в действиях московской группы усматривать лишь негативные стороны. Вполне возможно, что все мы только учимся демократическим диалогам. Удручает состояние в прессе. Демократический диалог ведется по принципу полупроводниковых систем — в одну сторону. Глухим молчанием обходится русский вопрос. Хотя он как бы подразумевается, что отнюдь не само собой разумеется. С раздражением, озлоблением и осуждением поминаются сплошь и рядом «русский авось», «русское головотяпство и разгильдяйство» и так далее. При такой подаче уже само собой разумеется, что русский народ является носителем всех отрицательных качеств человеческих. Кроме всего прочего, создается впечатление, что во времена сталинщины и брежневщины русский народ пользовался какими-то шовинистическими льготами. И зваться русским стало некрасиво и даже позорно. Ибо когда в связи с трагическими событиями в Тбилиси произносят имя «генерал Родионов», то подразумевается русский

генерал. Иначе зачем бы писателю Александру Медведеву упоминать об «имперских дрожжах», на которых поднимается неведомая «опара»? Кто не читал Салтыкова-Щедрина и не знает, что такое «ташкентцы», «бюрократы» и «русские держиморды»?

Московская депутация, ратуя за демократию, стремится к реальной власти, но делает это, игнорируя (намеренно не замечая, не желая знать) бедствия большинства. А большинство оказалось за представителями русского народа. По-видимому, демократы не понимают, что тяжести сегодняшней перестройки (она, кстати, не первая!) лежат на плечах большинства. Но народ эти тяжести ощущает реально. Отсюда «непонимание» съездом демократичности московских демократов. Не показалось, а благодаря гласности всем видно, что московская группа стремится к демократической власти для себя. Может, это мнение ошибочное, но тогда самим демократам надо выражаться яснее. Пока что народ не желает очертя голову шарахаться из-под власти бюрократов под власть демократов, которые порой сами не знают, что будет в результате. Если еще раз «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...»? Именно. Сегодняшние демократы очень напоминают нам бесноватых революционеров.

Демократ Сахаров, не задумываясь, говорит о необходимости радикальной земельной реформы, выражая недовольство предпринятыми полумерами, «программой оздоровления сельского хозяйства горчичниками» или «реанимационными вливаниями в слабые звенья». «Все колхозы в такой системе сохраняются, слабые получают прощение своих долгов, своей задолженности за счет того, что сильные не получают поддержки. И никакой рост производства при этом невозможен. Слабые просто бесполезно проглотят то, что им дается».

По его мнению, вместо «реанимационных вливаний» надо применить ликвидацию слабых и зарыть котлован, вырытый на земле российского крестьянства под руководством прошлых бесноватых революционеров. Он не одинок. Аналогичную умертвляющую инъекцию в промышленности предлагает академик Абалкин, причем успокаивает: «Лопаты купим!»

Когда-то пролетариат выступил в роли «могильщика буржуа-

вии». Теперь академики выступают в роли «могильщиков пролетариата».

Я не думал писать эти заметки, потому что не все события съезда осмыслены до конца и глубинны. Верховный Совет, его комиссии и комитеты начали работу, и хочется думать, что она будет плодотворной. Каркать за их плечом — недемократично.

Но народный депутат Сахаров упрекает провинциальное большинство в зависти и озлобленности к москвичам, невольно сим проявляя эти же чувства, ибо добра в таких упреках мало,— снова вызывает конфронтацию. Молчать просто невозможно.

По главным вопросам перестройки нам всем еще придется обратиться к беззлобным и беззавистливым чувствам русского народа, к тихо бедствующим колхозникам и рабочим, которых «демократическое меньшинство» предлагает ликвидировать как класс, «бесполезно глотающий то, что им дается», по выражению Сахарова. Им пока ничего не дается! С них брали и берем, продолжаем брать, бессовестно объявляя себя совестью нации. Ядерные бомбы, созданные учеными, даст Бог, уничтожим и построим дома для колхозников, совесть которых чиста перед академиком — они его не объедали. Но как может не краснеть его совесть от эпитетов, раскуриваемых с огоньком подобострастными литераторами!

Народу все равно, Сталин или Сахаров станет на постаменте вождя. Народ меньше всего об этом думает.

При всей медлительности совершающегося и пока почти ни в чем не улучшающегося процесса перестройки нет сомнений, что Горбачев на верном пути. Если появятся — народ скажет. Гласный народ.

Броню коррупции и организованной преступности можно разорвать только изнутри и только в том случае, если каждый рядовой гражданин получит права и гарантии защиты чести личности в этой борьбе.

Наивно думать, что московские демократы смогут укротить наших местных бюрократов и мафиози, став у кормила высшей власти, хотя путь им туда не возбраняется, и они уже достаточно свободны и независимы — даже пытаются диктовать. Но пока

все их выступления и заявления олицетворяют борьбу за власть ради власти, провисают над массой, не имея в ней опоры. С интеллигентской легкостью они парят в сфере недоступной народу информации, что иногда воспринимается как снобизм, а зачастую таковым и является. Нет секрета, что негласно действует лозунг «Интеллектуалы всех стран, соединяйтесь!». В нем нет ничего плохого. Но против кого выступит всемирная армия интеллекта? Неужели против народа? Сказать такое язык не повернется. Но ведь народ — нечто больше, чем митингующая толпа на столичных площадях и в парках. И в митингах весь народ участвовать не хочет и не будет — научен горьким и кровавым опытом революции. Одну совершили — хватит! Демократы жаждут новой.

Очень к месту Валентин Распутин на съезде Советов привел слова «великого консерватора» России: «Им (революционерам) нужны великие потрясения, а нам нужна великая страна».

Американцы не стесняются говорить о величии своего государства и о своем национальном патриотизме, правда, стыдливо умалчивая о судьбе коренного населения Америки. Я знаю, что академик Сахаров настроен проамерикански и проповедует их стиль и образ жизни, которые во многом привлекательны. Благ цивилизации и демократии достойны все народы, из числа коих не надо исключать и русский народ. Я далек от мысли, что кто-то еще, кроме Троцкого, Бухарина и иже с ними, желал бы видеть этот народ загнанным в резервации или трудармии. Но исторический опыт не позволяет нам полностью от нее, от этой мысли, отрешиться.

Повторяю, что мы еще обратимся к русскому народу, как делали это в тяжелые минуты все самодержцы и тираны, все демократы и бюрократы, революционеры и консерваторы, если искренне пожелаем большое бюрократическое государство перестроить в демократическое. Даже Сталину и его окружению в июле сорок первого года пришлось хоть и по-фарисейски, по-иному они не умели, поклониться этому народу в ноженьки, несмотря на то, что в течение почти двух десятков лет только и делали, что измывались над ним.

Последнее, что хотелось мне сказать московским демократам, раздувающим вину генерала Родионова до Пикассового быка Герники,— она, пожалуй, меньше той, что числится за маршалом Тухачевским, громившим из артиллерии бунтовавшие русские деревни в известные годы. Та канонада погромче аплодисментов в адрес Родионова. Хотя вины, конечно, никто с него не снимает. Просто народ мудрее и добрее бюрократов и демократов, из всех зол выбирая наименьшее.

Сахаровскую самоуничтожительную кличку «коверный» за самокритику принимать не стоит. Это очень тонкая, как вся его демократия, характеристика съезда: то место, где перед народом плясали и изгалялись клоуны, на Руси называлось балаганом. По-видимому, мнение академика о съезде расщепилось в его сознании, но, конечно, он имеет право высказывать только ту часть, которую позволяет беззастенчиво трепать его расщепленная совесть.

Я думаю, что со всеми людьми, принимавшими участие в создании ядерного оружия, должна была произойти реакция расщепления совести. Мне по-человечески жаль пожилого гениального ученого, но я занимаю позицию в среде простого народа и никогда не примирюсь с учеными расчетами этического релятивизма. Поэтому демократичность так называемой «московской группы» — о ней говорят сейчас даже самые реакционные органы печати — я принимаю только с частицей «квази»...

И последнее. Некоторые бюрократы становятся на наших глазах левее «левых» и радикальнее самого Сахарова. Они сообразили, что по краю легче прорваться в дриблинге петляющей совести, ибо политика — это все-таки не балаган и не цирк, а силовая игра, а им неважно, с чьей подачи забивать голы в народные ворота.

ЭЙФОРИЯ БЕССТРАШИЯ

Гласность можно сравнить с безумием: каждый говорит все, что думает, но не думает, что говорит. Пятый год это продолжается, и надо сказать, что это нравится людям. Заговорили даже те, кто всю жизнь молчал. Заговорили неизвестные герои Платонова, Замятина, Шаламова, но не умолкли и те, кто говорил всю жизнь. Последние глаголят теперь по-новому, не стыдясь того, что противоречат самим себе. Стыда они не боятся!

Поистине произошло освобождение от страха. Так и называется книжечка публицистики Натальи Ивановой, вышедшая в «Библиотеке «Огонька» в 1989 году.

Переход от страха к бесстрашию в каждом случае есть маленький подвиг. Но «освобожденная от страха» не молчала и тогда, когда все дрожали! «Наталья Борисовна Иванова — литературный критик. Окончила филологический факультет Московского университета и аспирантуру МГУ. Кандидат филологических наук. Автор книг, многих литературно-критических и публицистических статей».

Оставим в покое «многие статьи», написанные, как надо понимать, в эпоху страха, и остановимся на тех, что открывают темницу души кандидата филологических наук.

Зачин: «На переломах отечественной истории наша литература рождала высокие образцы гражданственности и смелости мысли...» — своеобразный знак качества, как личное клеймо, ставит автор на собственное произведение — «образец смелости». Иванова провозгласила новый «великий перелом», но неясно, чьи

кости трещат: воображаемого страха? Или реальной диссертации, защищенной ею тогда, в те времена, когда «внушалось прозаику: «Следуй жизни!» Внушалось непослушным критикам: «Следуй литературе и жизни!» Или тут слышен намек на то, что ее личное непослушание этим внушениям жертвенно оплачено степенью доктора филологических наук?

Первый перл, смелый образец литературно-критического мышления — не следовать литературе и жизни. Что из этого следует? А то, что, ущипнув Валентина Пикуля за его недовольство критиками и поблагодарив читателя из Альметьевска за благожелательное к ним отношение, Иванова следует прямо к Белинскому: «Ау, Виссарион!»

Но цель Натальи Борисовны не в том, чтобы, аукаясь с Белинским, стать рядом, а в том, чтобы оттолкнуть одни имена и выпихнуть на арену другие, первых похулить, а вторых похвалить. Так всегда и было! Вспомним Ахматову, Пастернака, Зощенко... Заблуждением было бы, если бы мы считали, что первым на них набросился Жданов, он подвел «итоги» широкой литературной травли. Так и сейчас. Что же изменилось, ведь Иванова говорит о переменах: «На переломах отечественной истории...» Кому она теперь намеревается кости ломать? Каяться и жечь свои прежние работы, надеюсь, она не собирается.

Читая ее бесстрашную БРЕШюру, не хочется нашу недавнюю историю называть классическими терминами: сталинизм, застой, перестройка, а как-то посмелее. Например:

сталинизм —время кровавого страха и репрессий;

застой — время награждений и защиты диссертаций;

перестройка — депрессия или освобождение от страха.

В будущем всех ожидает счастливое бесстрашие.

Все литераторы сейчас себя должны чувствовать в состоянии депрессии: внешнее подавление, внушение снято, но усилилось давление внутреннее. И тут не преминули проявить себя маленькие мерзости большой русской литературы.

В нашей литературе всегда существовали две «полукритические массы». Сегодняшние «бесстрашные» сливаются со вчерашними «западниками», а «сомневающиеся» — это же «русофилы»!

Они были всегда — космополиты и патриоты, гидропоники и почвенники, интеллектуалы и деревенщики. Может, такая градация — непременное условие существования всей изящной словесности, ибо доведение той или иной половины до «критической массы» грозит взрывом.

Сегодня сняты запреты на все имена, поэтому можно употреблять наиболее характерные для сегодняшнего литературного процесса: космополиты и патриоты.

Итак, патриоты — они же русофилы, почвенники и деревенщики, не лишенные природного страха перед надвигающейся на мир экологической катастрофой, стали активно сомневаться в правильности того пути развития общества, который предлагают космополиты (западники, гидропоники, интеллектуалы). Запад развивается быстрее, но он давно съел свои природные ресурсы и плотоядно поглядывает на Россию, которая в силу субъективных и объективных особенностей мешкала и спотыкалась на рельсах техпрогресса. Пока нельзя сказать, достоинством или недостатком являлось наше промедление. Но известно, что русские долго запрягают, но быстро ездят.

Опасения патриотов на том и основаны: как бы мы не заехали туда, откуда не выедешь. Утверждать, что обогнавший нас по всем показателям космополит — Запад решил все проблемы жизни настоящей и будущей, было бы большим преувеличением. Но наши космополиты навязывают нам западные образцы красивой жизни, торопя перестройку в этом направлении, вплоть до конвергенции. Да не убоимся мы этого слова, хоть теперь и станем произносить его вслух, иначе оно придет к нам неведомыми путями. Конвергенция — это значит слияние структур экономических, культурных, духовных и политических.

Западники уже слились, но основная масса пока еще не очень желает этого, понимая, что механическое слияние принесет народу мало выгод. Хорошо понимают это патриоты (хотя это звание приобретает одиозное звучание, когда мир продвигается к решению вопроса о жизни без войн). Но не надо думать, что патриот — это обязательно «человек с ружьем». Увы! Разве воору-

женного мафиози можно считать патриотом? Это скорее космополит, для которого вообще не существует понятие Родины.

Что бы ни говорили космополиты-литераторы, но у них этого чувства тоже нет, и тут они вольно или невольно по своему антипатриотизму примыкают к рядам международной мафии. Сейчас перестройка, и я могу себе позволить выражаться бесстрашно.

К слову сказать, что вместе с «перестройкой», в обнимку с ней, побежало «ускорение». Но сейчас, слава Богу, отстало и затерялось вместе с отжившим ревпризывом «Даешь!».

Однако в литературе комитеты в поддержку то ли бегущей, то ли шатающейся перестройки.

Я не знаю, принимает ли Наталья Иванова участие в работе «апрельского комитета», но думаю, что непременно, ибо в нем трудятся все симпатяги-западники. Из этого можно сделать однозначный вывод, в какую сторону они подталкивают упирающуюся перестройку.

Меня, право, не волнуют внутренние распри в писательской среде, но весьма тревожит вопрос, как отразится это на читателях. Причем на самых рядовых читателях. Иванова делает ставку на «интеллигентного читателя», на того, который, прочтя «Чевенгур», не усомнится в правдивости эпизода о переходе болота на лошадях, обутых в лапти, и не станет писать «кавалерийских писем» сегодня, адресованных лично покойному Андрею Платонову, с дикими советами и расчетами нагрузок на копыто, опровергая художественно возможное.

Стереотип читателя-критика — своеобразный жупел «интеллектуалов», которым они пользуются в борьбе с патриотами: вот, мол, ваш читатель родненький! Полюбуйтесь на него! Прием очень дешевый.

Дело в том, что так же, как писатели-конъюнктурщики, существуют конъюнктурщики-читатели, занимающиеся чтением не по душевной потребности, а движимые подсказкой или рекламой. Этот «кавалерист», кроме «конских уставов», может, ничего и не читал, а тут все заговорили: «Платонов, Платонов...» — ну и чтобы поддержать свой ложноинтеллигентский «статус»: «Это пишет

читатель, так сказать, простодушный, и не его вина, а его беда — эстетическая неграмотность. Его совет — призвать для консультации целый полк — показателен. Казарменная эстетика заправленных коек все еще не потеряла своей привлекательности для иных сограждан...» — издевается критик над читателем-конъюнктурщиком. Как ни скажи, но простодушия в таком читателе не видно. Но верно подмечено, что его «эстетическая неграмотность» — не «вина», а «беда». И свалилась эта беда на голову такого «простодушного» по вине многих кандидатов филологических наук, создававших многолетнее затемнение русской литературы.

Я допускаю, что личной беды и вины Ивановой в этом нет, кроме, может быть, страха, который ею владел, и она не посмела такому читателю открыть глаза раньше. Освобожденная от страха, она метким ворошиловским выстрелом валит «кавалериста» наповал.

«Непонятливый читатель «Чевенгура»,— скачет она дальше,— уже не сомневается в своем праве учить писателя Платонова и пишет возмущенное письмо в редакцию. Прогресс налицо». В чем прогресс? Я из непонятливых и задаю этот вопрос. Чем понятливая критикесса отличается от гипотетического непонятливого читателя?! Платонова она не учит? Только что. Но зато учит Анатолия Иванова, Валентина Распутина, Василия Белова, Александра Проханова... Сколько вас там, заединщики? Встать! Смирно! Равнение на Ф. Искандера! Вот так надо писать! А то развели тут вечный зов прощания с Матерой по плотницкому привычному делу. Кто там грудь вывалил, Фазиля загородил? Ах, это Салтыков-Щедрин... Ладно. Стой.

Цитирую пересказ сказки в исполнении Н. Ивановой, как один генерал... тьфу! удав всех кроликов проглотил. Похоже? Гениальная сказка, особенно если автор будет «через черточку». «Король кроликов,— повествует Н. Иванова голосом сказительницы земли русской,— спокойно предает Задумавшегося на «отглот» удавам, ибо непокорные одиночки могут нарушить негласный договор».

А. Казинцев, осуждая эту «сказку», прав по-своему. Но я могу ее прочитать и по-другому, могу вообще предположить,

что это программа на будущее. Скажем, совершится перестройка по принципу конвергенции, как желают того космополиты-западники, тогда и реализуется весь этот отглот. Первый попаду я, рабочий отсталого советского предприятия. Сейчас меня гипнотизируют прелестями свободной экономики, морали, нравственности западного мира, а завтра, завороженный, сам пойду в пасть. Надоело ведь в лаптях ходить, и мне, и всем надоело. Нет противников у перестройки! Все за перестройку! И патриоты и западники.

То ли мы останемся гордыми внуками славян, став разумными и просвещенными, то ли будем хаммерам спины да пятки чесать. Так стоит вопросительный знак, изгибаясь удавом, в горячих полемических стычках последнего времени. Второе очень не хочется делать патриотам. Вот Войнович почесывает и сказку свою рассказывает про Чонкина. ЧОН... Части особого назначения? Ах, это, братцы, о другом. Как поворачивается язык у критика сравнивать современные анекдоты и пасквили с произведениями Салтыкова-Щедрина, Гоголя?

«— А чего мне их бояться? — распоясался председатель.— Я все равно на фронт ухожу. Я их...

Тут Иван Тимофеевич употребил глагол несовершенного вида, по которому иностранец, не знающий тонкостей нашего языка, мог бы решить, что председатель Голубев состоял с работниками Учреждения в интимных отношениях».

На таких вот словесных фитюльках и держатся все шедевры современных «Щедриных». Но это хоть можно читать, тут есть некое подобие художественности, хотя «непонятливый читатель» и тут бы нашел возможность усомниться в правильности употребления Владимиром Войновичем «глагола несовершенного вида» и предложил бы свой вариант «употребления глагола в прошедшем времени с дополнением». Но даже и «непонятливому» — мы уже знаем, что он прочитал «Чевенгур»,— могла случайно заползти в голову мысль, что он уже где-то читал такое, скажем: «...Капитан Миляга почувствовал сильное волнение и полный разлад всего организма. Сердце в груди трепыхалось без всякого ритма...» «Непонятливый читатель» после экзекуции, учиненной

ему Н. Ивановой, превращается в задумавшегося читателя, и, следуя ее похвалам Искандеру, натыкается в старом журнале «Юность» на рекламируемую «философскую сказку». Читает, преодолевая скуку, подряд, но можно было бы и на выбор (все равно не поймешь! Но эти же вещи рассчитаны на прочтение высокоинтеллектуальным читателем! А зачем их тогда рекламировать?! — опять непонятно...).

И вдруг читатель прозревает, вспоминая собрание коммуны в изображении А. Платонова: «...Копенкин начал с подхода, что цель коммуны «Дружба бедняка» — усложнение жизни, в целях создания запутанности дел и отпора всею сложностью притаившегося кулака. Когда будет все сложно, тесно и непонятно,— объяснял Копенкин,— тогда честному уму выйдет работа, а прочему элементу в узкие места сложности не пролезть...»

Все становится на свои места. Многие писатели — все, кого хвалит и защищает от нападений патриотов Н. Иванова,— пишут сложно, тесно, непонятно и путано «в целях создания запутанности дел и отпора притаившегося» патриота, гипнотизируя его рекламой, которая льется из квадратного глаза телевизионного приемника (это «косой», по Искандеру?). И таким образом убивается сразу два зайца (кроликами патриотов считать не могу)...

А в переносном смысле «два зайца», или цель, преследующая «убить двух зайцев», заключается в следующем, по-моему: 1) дискредитируется традиционное величие русской литературы, Ф. Искандер, как не мной сказано, чуть ли не отождествляется с Салтыковым-Щедриным, Гроссман — с Толстым и так далее; 2) реклама дает хорошие деньги. Так на чувствах незадачливых читателей беспринципные литераторы делают свои финансовые дела.

Сегодня пристало говорить об «излишней эмоциональности», присутствующей в диалогах о «судьбах и жизни», чтобы подчеркнуть личную бесстрастность и объективность, вероятно, в обсуждении этих вопросов. Гораздо лучше, если мы не будем скрывать своих чувств! От западников иногда можно слышать, что они, дескать, тоже патриоты, но не «квасные». Может быть, «кока-кольные»!

Обламывая «миллион алых розг» в экзекуции над авторами журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник», осмелившихся выступить с критикой «антиутопий Искандера», «пародийной стилизации» С. Антонова, «психологических романов А. Рыбакова и В. Дудинцева», «нового историзма А. Германа», «трагического гротеска Т. Абуладзе», не творит ли Н. Иванова новейший миф? Что за «трагический гротеск»? Какие «психологические романы»? И Абуладзе, и Рыбаков, и Дудинцев выдали обычную конъюнктуру, удачно сбыли ее в первый момент гласности, как свежие овощи ранней весной. Это же парниковая литература. Читатели на нее набросились, расхватали, «червячка заморили», но весна кончилась, никто уже не зарится на дутые тепличные огурцы, впрок их не заготовишь. Надо настоящее. А настоящее может появиться только на почве. И перестройка может совершиться только на почве, на земле в народе. То, что кипит на улице Арбат, смешно просто принимать за перестройку — мы не в бирюльки играем!

А литкритик Н. Иванова, задав странный вопрос «Чем пахнет тормозная жидкость?», срывает, как ей кажется, все и всяческие маски с патриотов и почвенников, деревенщиков и заединщиков. По мнению, не лишенному резона, эти люди и тормозят перестройку. Какую? — позвольте спросить. Ту, что развивается на Арбате? Верно! На земле, на почве перестройка пока не началась. Может, в народе она и не начинается, потому что слишком бойко перестроились арбатские дети...

На странный вопрос, чем пахнет,— русским духом, разумеется, можно ответить.

А по Н. Ивановой, Мих. Лобанов, критикующий прозу Б. Окуджавы, попадает по духу в разряд антиперестройщиков, потому что ему, видите ли, не нравятся «героини то полька, то француженка».

«Тут, не скрою, как на грех,— восклицает Н. Иванова,— вспоминается и пушкинская Клеопатра, вовсе египтянка, или цыганка Земфира, да и Мария Кочубей была украинка... Тьфу-тьфу, бес попутал, лучше уж не задумываться. А то и Пушкина в антипат-

риоты зачислишь». Так вот, не задумываясь, «на фоне Пушкина» увековечен Булат Шалвович.

Кто осмелился заявить даже сейчас: «Я космополит! Антипатриот!»? Говорят о том, как хорошо живут люди на Западе, и о том, как дурно у нас. Но почему-то почти все западники говорят о том, как тяжко живется на Родине нашей интеллигенции. Ей просто житья нет! Негры в Гарлеме живут лучше. Герои Рыбакова, Дудинцева, Гранина — очень несчастные люди, тяжело им жилось, страшно. И это в основном интеллигенты. Из их романов невольно выползает жуткая мысль, будто русский народ после революции и дальше предал свою интеллигенцию, дал возможность сталинщине растоптать ее и сгноить в лагерях. Да, да! Я не знаю, как это получается, но таковое у меня ощущение возникает при чтении перестроечной парниковой литературы. Н. Иванова вправе меня отнести к непонятливым читателям. Произведения патриотов показывают тяжесть доли народной в те же времена. Тут и обнаруживается камень преткновения.

Как там ни живописуй страдания евгеника Тимофеева-Ресовского или космополита Саши Панкратова, но народное горе перевешивает, но интеллектуалам об этом знать не хочется. А слезы советской интеллигенции о самой себе и народу кажутся лукавыми. Да будь они и настоящими, они теперь малопонятны.

После демонстрации по телевизору инсценировки «Собачьего сердца» М. Булгакова в среде части интеллигенции визг раздался: ей показалось, найден ответ скорбного состояния всего общества; и принялись строчить шариковые ручки «Огонька», «Московских новостей», обвиняя шариковых детей в своих неудачах, как будто до Булгакова никто и не знал, что из хама не получится пана.

«Горячо приветствуется, скажем, в «Нашем современнике» № 4 возврат к памяти о том,— скажет Н. Иванова,— как было все хорошо, оказывается, в глубокой старине... Но память горькая — о недавнем страшном прошлом — почему-то не находит себе здесь приюта и поддержки».

Что подразумевается под «памятью горькой — о недавнем страшном прошлом»? Наверное, 37-й год и 49-й с пропуском между ними. На эти указанные годы обычно обращают внимание ин-

теллигенты, когда они страдали от сталинских репрессий сперва как «враги народа», потом как «космополиты». Ясно, что в первом случае виновны «шариковы», а уж «космополитов» и «дело врачей» точно «шариковы дети» фабриковали. Так, глядишь, что и в 1941—1945 годы зверства фашистов померкнут перед зверствами тех же «шариковых детей»! А моему непросвещенному взгляду кажется, что дети Швондера и «Дамы в мужской одежде» пострашнее будут. Многие из них в интеллигенцию прорвались. Разве это разговор о литературе? Конечно, нет.

Но вот, вроде бы... о «трагических событиях» вокруг «Нового мира». Страшное прошлое — «письмо одиннадцати». Тут нынешние «заединщики» чуть ли не убийцами Твардовского выставляются.

«В конце 1969 года Суслов не поддержал уже полностью подготовленного проекта реабилитации Сталина в связи с его 90-летием» (Ай да Суслов! Ай да молодец! — вроде бы говорит частный исторический сыщик Рой Медведев.— В. З.). Однако тот же Суслов фактически руководил разгоном прежней редакции «Нового мира» («АиФ», № 16, 1989 г.). Но это все тот же Суслов, который — еще когда! — не боясь, бесстрашно ругал В. Пикуля и хвалил Гельмана, что Н. Иванова осмелилась делать только сегодня.

Сегодняшние заединщики (они же патриоты, почвенники) отождествляются со вчерашними «подписантами», на которых Н. Иванова четко ставит клеймо организаторов «травли»... «детища Твардовского (конечно, стихи самого поэта, гордость России, не «трогали», но ведь и не печатали его поэму, запрещали ее)».

Неужто Ан. Иванов и Мих. Лобанов на самом деле могли запретить печатание стихов Твардовского?! Тогда ведь всю «концепцию» сталинских запретов и репрессий надо пересматривать: не Сталин виновен в том, что не печатали Платонова, Ахматову и так далее, а те, кто... Не знаю, право. Может, Симонов, может, Твардовский — кто там был ведущим в Союзе писателей... Итак, Лобанов и Ан. Иванов запрет на стихи Александра Трифоновича наложить не могли, да и не желали того. Но, внимательно прислушавшись к словам полностью освободившейся от страха

Н. Ивановой, можно услышать ноту, которая выдает ее эйфорию. И выдает, сама того не желая, истинную причину разногласий в литературной среде двадцатилетней давности. А причина эта, оказывается, стара, как мир.

Н. Иванова цитирует слова Ю. Трифонова: «Помню, много говорили (с Твардовским.— **В. З.**) о статье А. Дементьева... и в связи с нею — о журнале «Молодая гвардия» и группе критиков, возомнивших себя новыми славянофилами. Об этой публике Александр Трифонович говорил презрительно (разрядка моя.— **В. З.**)». Тут сказано все. Ни убавить, ни прибавить. Наивная Н. Иванова, предполагая убить Лобанова, разоблачает и себя, и Трифонова,— заодно и Трифоновича: «новое славянофильство» — вечно старое понятие в русской литературе. Оно не всеми презиралось, а очень многими весьма уважалось. А уж сегодня с объявлением плюрализма не пристало бы высказывать столь откровенно нехороших чувств к нему, проживая в стране славян.

Что представляли собой космополиты конца сороковых годов, мне судить трудно. Но сегодняшние, по-видимому, очень не желают, чтобы и сегодня существовали славянофилы, а точнее, если это касается России, русофилы. Но они будут, пока будет русский народ! Если кто-то их не желает видеть, слышать и жить рядом, тот не русофилов презирает, а тех, за кого они стоят или выступают. Мы думали, и некоторые дяди поддерживали в нашем сознании мысль, что русский народ сам по себе велик и его защищать не требуется. Сейчас он во всех отношениях выглядит очень плачевно даже в сравнении с другими народами.

Все писатели, на кого направлены шипящие стрелы критики Н. Ивановой,— русофилы. Защищая Ю. Трифонова от «разоблачений» В. Кожинова (в статье «Правда и истина»), она восклицает с издевкой: «Нельзя про 37-й! Кожинову не хочется!» Кожинов мало «внимания» уделяет репрессиям этого года. Так по Н. Ивановой. Но не за это она его упрекает, а за то, что Кожинов показывает, откуда был «37-й». Тут Н. Иванова кричит: «Нельзя про 17, 18, 19, 20-й!» Не хочется ей! Она не прочь выглядеть заступницей, например, казачества, но категорически про-

тив указаний на кровавую свердловщину. Так можно дойти до раздвоения личности. Если Сталин был верховным палачом в с е х народов, то у каждого народа были еще дополнительно о с о б ы е палачи, и многих мы теперь знаем по именам.

Какая тут политика! Это — «чистая литература».

Не ограничившись «литературной критикой» Кожинова, Н. Иванова шагает дальше, дальше, дальше... доходя до тончайших лирических отступлений:

«Во-первых, структурные порождения сталинизма до сих пор не изменены — и в нашей экономической, и в нашей политической, общественной, гражданской жизни. До сих пор тайна, мраком покрытая, скажем, работа КГБ, неподконтрольная обществу. Полностью эта структура сложилась в эпоху сталинщины.

Но уже заслугой шестидесятых годов была выработка сознания, что фигурой Сталина здесь не обойтись. Что нужно добраться до истоков сталинизма».

Да. По ведомству Феликса Эдмундовича тоже можно пройтись лирическим пером. Пока опасаются.

Три страха остались у космополитов: это — государство, народ, патриот. А из всех народов наиболее страшен русский.

Упрекая Валентина Распутина в патриотизме, Н. Иванова глубоко мыслит: «Второе понятие, к которому постоянно апеллирует Распутин,— это нация, подъем национального самосознания. Нельзя не согласиться с прозаиком, когда он с болью говорит об уничтожении сибирских лесов, обмелении рек и озер, потере драгоценных памятников культуры. Но от этой печальной констатации необходимо идти вглубь, доискиваться до настоящих причин происшедших — да еще и происходящих — драматических событий».

Если вглубь, то в чем же причины п р о и с ш е д ш е г о? А вот: «Распутин, желая того или нет, словно отделяет народ от полноты ответственности при ответе на поставленный вопрос «кто виноват». По логике писателя, получается, что уж никак не сам народ».

Простите меня, Наталья Борисовна!

Мне, рабочему, казалось, что я не виноват в том, что в 1917 году Ленину и Троцкому мыслилось начать мировую революцию, что был развязан кровавый террор и гражданская война. Мне казалось, что я не виноват в разграблении сокровищ России и крушении ее духовной и материальной культуры. Мне казалось, что не виновен я и в начале второй мировой войны с ее разрухой, обрушившейся на наш народ. Казалось, что нет моей вины и в послевоенных невзгодах. А также не замечал я своей сопричастности с развязанной гонкой вооружений. Не я, мне еще казалось, сверг Хрущева и установил безликую брежневщину, при которой распоясалась рашидовщина и академики гробили средства на грандиозные проекты индустриализации страны. Не осознавал я и своей вины в том, что у нас появилось очень много интеллигентных «личностей», пишущих сегодня пошлые и безграмотные антинародные статьи.

Каюсь! Виноват.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Филиппович ЗАРУБИН

РЕАКЦИЯ СОВЕСТИ

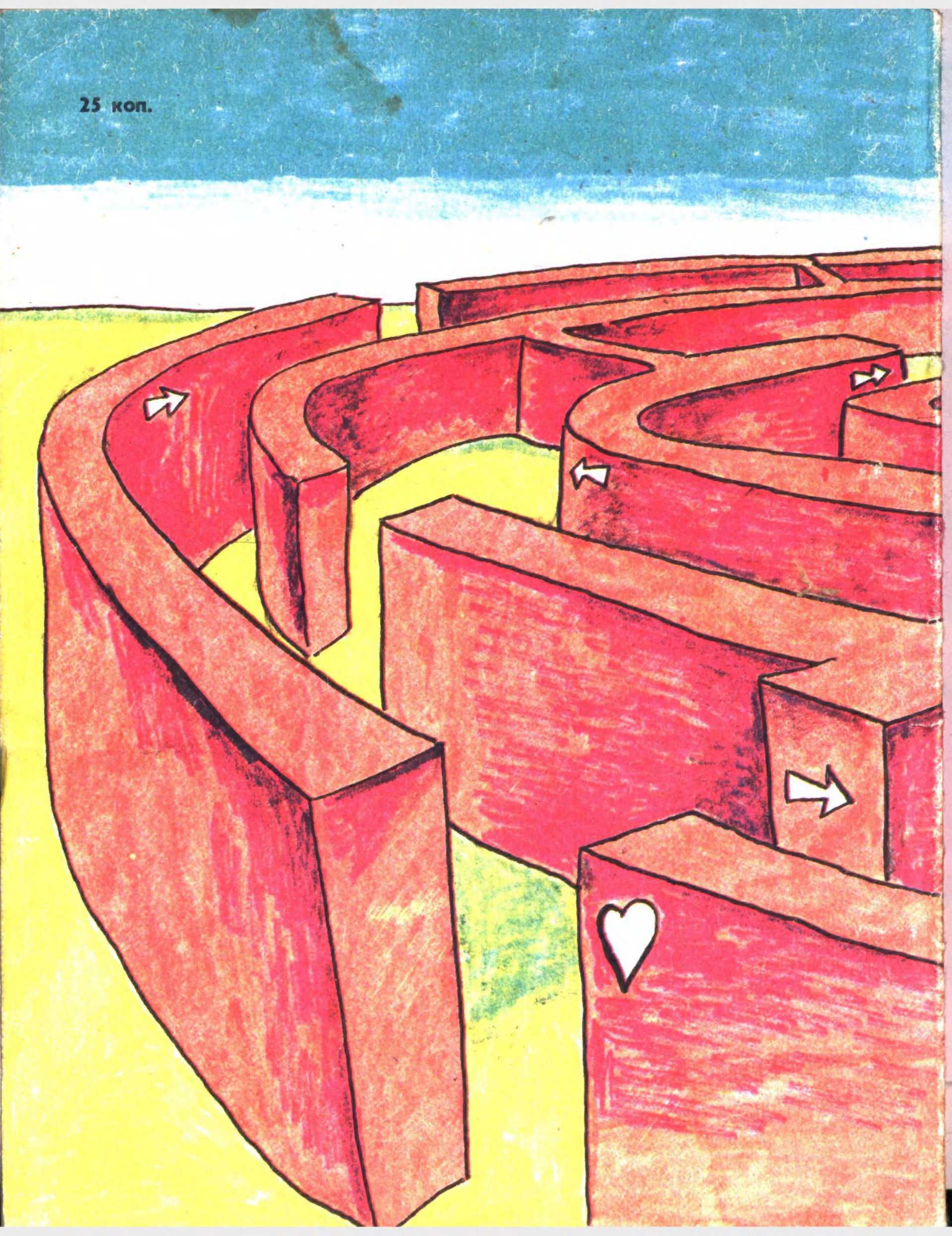
Ответственный за выпуск **И. Жеглов**
Редактор **И. Шевелева**
Художественный редактор **Г. Комаров**
Технический редактор **Н. Александрова**
Корректоры **Е. Дмитриева, Н. Панкратова**

Сдано в набор 15.09.89. Подписано в печать 18.01.90. А 02728. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт 6,12. Учетно-изд. л. 6,6. Тираж 75 000 экз. Издат. № 300. Заказ 9—463. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес полиграфобъединения: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ, «Молодая гвардия». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-01172-4
ISSN 0131—2251

25 коп.